

Н А Корнеева

Любовные истории актеров

СОДЕРЖАНИЕ

Валентина Серова и трое ее мужчин

Земная жизнь Екатерины Фурцевой

Легенда о первой любви

Роман, длиною в полвека

Девочка из города Нежина

Похищение Джигарханяна

Муза Михаила Козакова

Единственная любовь Ихтиандра

Жизнь балерины

Последняя любовь Кайдановского

Любимая невестка Сергея Михалкова

Прости меня, Вовчик!

Любовь не с первого взгляда

Жестокие игры с судьбой

Шанс Григория Гурвича

Капитанская дочка - Вика Цыганова

Алла Чеботарева: повенчанная с танго

ВАЛЕНТИНА СЕРОВА И ТРОЕ ЕЕ МУЖЧИН

Жизнь и судьба актрисы Валентины Серовой овеяна мифами. Такая слава и всенародная любовь, которые пришлось ей пережить, выпадает далеко не всем, поэтому имя Серовой было у всех на устах на протяжении многих десятилетий. О ней слагались легенды, о ней ходили самые невероятные сплетни. Судьба вознесла Валентину Серову высоко-высоко, чтобы потом уронить.

Константин Симонов и его муза

Незадолго до своей кончины Симонов уничтожил весь архив - дневники и переписку, связанную с любимой женой Валентиной Серовой. Со всех своих лирических стихов он снял посвящение ей, кроме одного стихотворения - "Жди меня", которое прославило его как

поэта, а ее как самую верную, самую преданную женщину на свете.

Симонов увидал ее впервые в театре Ленинского комсомола, в спектакле по пьесе Горького "Зыковы", где Валентина играла роль Павлы. Спектакль шел с необыкновенным успехом. Это было в 1940 году. Симонов, придя в театр однажды, стал ходить туда каждый день. Он был 24-летним начинающим литератором и драматургом, она - известной драматической актрисой и не менее известной вдовой летчика, Героя Советского Союза Анатолия Серова. Симонов погиб сразу, при первой же встрече, а Валя совсем не обратила на него никакого внимания. Он принес в театр свою пьесу "История одной любви", которую приняли к постановке и главную роль, дали, конечно, Валентине Серовой. Симонов, присутствуя на репетициях, смог лично познакомиться с актрисой, но сблизиться с ней ему никак не удавалось. Он носил цветы, писал записки, дарил шоколадки - все без толку. Всего год назад с небольшим Валя потеряла свою единственную любовь - мужа.

Сводить с ума мужчин Валя Половикова начала рано. Уже в пятнадцать лет она была настолько хороша, в ней так много было от женщины, в ней так рано проснулся талант драматической актрисы, что никого вокруг и не удивляло, что эта девушка стала избранницей судьбы. К ней все плыло в руки само. Она блистательно выдержала вступительные экзамены в ЦЕТЕРИС (ГИТИС), обворожив приемную комиссию своим темпераментом и обаянием и очень быстро стала прима в театре. У нее было много поклонников.

Анатолий Серов не был театралом. Он был летчиком и воевал в Испании. О его мужестве, о его беспредельной храбрости писали все газеты, публикуя на первых полосах его портрет. Его ласкала официальная власть: два ордена Красного Знамени, орден Ленина и звание Героя Советского Союза. Девушки мечтали о нем как о принце. В тридцатые годы молодежь бредила авиацией и выйти замуж за летчика было очень престижно. "Сталинские соколы" - так любовно называли этих парней. Когда Анатолий и Валя встретились в мае 1938 года на одной из вечеринок, она сразу его узнала, а он о ней не знал ничего, но обратил внимание на очаровательную блондинку с большими голубыми глазами, осененными пушистыми длинными ресницами. Он пригласил ее танцевать и был тут же ею очарован. У Вали была одна особенность - томный ласковый взгляд исподлобья - и если ей понравился мужчина, уйти от нее он уже не мог. Она их привораживала. На другой день вечером Серов посетил по приглашению Валентины театр, переполошив своим появлением публику. В ладно сидящей на нем военной форме, с великолепной выправкой, в орденах он был неотразим. До того, как распахнулся занавес, весь зал не сводил с него глаз. Шел спектакль "Бедность не порок" Островского. Валя играла Любовь Гордеевну, девушку скромную, тихую, наделенную всевозможными добродетелями. Эта была полной противоположностью той, с которой он познакомился вчера и танцевал румбу и фокстрот. Он был очарован Валей вдвойне. Уже на третий день их романа Серов сделал Валентине предложение, которое она приняла. Они расписались 11 мая. Этот год - с мая 1938-го по май 1939-го - Валя была безумно счастлива. Летом они поселились на даче в Архангельском. Валя снималась в фильме "Девушка с характером", Анатолий летал. Виделись урывками, очень были заняты оба, но как только вместе, так либо в театр, либо в Дом актера, либо в компанию. Друзья Анатолия очень полюбили Валентину и уважительно называли ее ВВС - Валентина Васильевна Серова. В кругу Валентины все очень полюбили Серова. Они были изумительной парой, в них обоих жизнь была ключом. Анатолий внезапно появлялся в небе над дачным поселком днем на своем быстром истребителе в сопровождении еще четырех, низко кружил над крышами, сбрасывая на землю охапки цветов для любимой жены, затем истребители взмывали в высь, показывая разные замысловатые фигуры, Серов чертил в небе "Люблю Валя" и они пропадали за горизонтом. Для местных это было потрясающее зрелище. А Валя ждала мужа к обеду. Брак с Анатолием Серовым вознес Валентину на самый верх социальной лестницы. Они стали элитой советского общества. Осенью получили квартиру в Лубянском проезде. Пятикомнатная казенная квартира досталась им с мебелью, столовым серебром и горничными. До них в этой квартире проживал со своей женой маршал

Александр Егоров, репрессированный недавно. Единственное, что отравляло им счастье, неизбежные и частые разлуки. В отсутствие мужа Валя потихоньку попивала, чтобы снять напряжение ожидания и волнение, ведь муж-летчик, это постоянный риск и постоянный страх за его безопасность. А когда любишь безумно, то еще страшнее. Серов был асом и ничего не боялся. Карьера его неуклонно шла вверх. Он поступил в академию Генерального штаба. Валя строила радужные планы: муж окончит академию, перестанет летать и ежеминутно рисковать собой, и они заживут лучше прежнего. Возвращаясь с полетов, Анатолий звонил в дверь как в набат. Горничная со всех ног мчалась открывать.

Новый, 1939 год молодожены встречали на подъеме. Праздничную ночь они провели в Кремле и пили шампанское со Сталиным в окружении партийной и военной элиты. Весной вышел фильм "Девушка с характером", который сделал Валентину известной на всю страну, а Серову присвоили званием генерал-майора. Они отметили в кругу друзей годовщину знакомства, а 5 мая снова были на приеме в Кремле. Сталин лично беседовал с Серовым. Анатолий не сказал жене, о чем именно говорил с ним вождь, но по его глазам и радостному возбуждению она догадалась, что разговор для Серова был приятным. Приближалась годовщина их свадьбы. И опять Анатолий улетал на важное задание. Предстояли испытания слепых полетов. Валя затосковала. Она была беременна, ее мучило какое-то смутное предчувствие чего-то нехорошего. По возможности, она старалась не подавать виду, но когда узнала, что муж не вернется к вечеру, скисла совсем. Собирая его в дорогу, она специально положила только два белых воротничка

- Ведь послезавтра ты вернешься?

Он вернулся ночью. Тревога жены невольно передалась и ему. Сколько раз он уходил в полеты, сколько разных сложных заданий было у него за этот год - и ничего. А сейчас почему-то ноет сердце и жена кажется ему такой незащищенной девочкой. Утром опять препирались из-за воротничков. Серов сказал, чтобы она собрала ему небольшой чемоданчик дней на пять и что он прилетит за вещами шофера. Валя плакала, собирая вещи, и вложила туда записку с самыми нежными заверениями в любви. Прочтя письмо жены, которое передал ему вместе с вещами шофер, Серов вдруг сказал ему с тоской в голосе: "Сережа, позаботься о ней, если что..."

Утром 11 мая, в годовщину свадьбы, которую вечером Анатолий и Валя собирались отмечать, жители подмосковного села видели, как истребитель, пролетая, вдруг начал выделять в небе какие-то странные штуковины, а потом стал падать вертикально вниз. Вместе с Серовым погибла пилот Полина Осипенко.

Валя была в театре на генеральной репетиции. Во время действия она нечаянно ударила рукой и разбила свои часики. Они остановились. Валя испугалась: очень плохая примета. Пока шел прогон спектакля, ей ничего не сказали о случившемся и только когда она уже уходила домой, в фойе ее встретили художественный руководитель Иван Николаевич Берсенев и актеры. У Берсенева было совершенно белое лицо.

- Валентина Васильевна...- начал было говорить он, но продолжать не смог.

Валя все поняла...

На другой день вечером Валентина Серова играла премьеру. Комедию из жизни колхозников. Все взгляды в зрительном зале были прикованы только к ней, ведь утром газеты вышли с фотографиями погибших пилотов и некрологами. Хоронили героев 14 мая на Красной площади. Сталин и Берия утешали заплаканную молодую вдову, обнимая ее за плечи.

Слуга покорный

Кажется, весь предвоенный сороковой год вся литературная и театральная Москва была занята тем, что следила за развитием романа между Константином Симоновым и Валентиной Серовой. В театре Ленинского комсомола ставили новую пьесу Симонова "Парень из нашего города", о судьбе простого парня, который сумел стать Героем Советского Союза. Герой и героиня очень по характеру напоминали Серова и Серову. Валентина от предложенной ей роли принципиально отказалась. Надежды Симонова на ответное чувство не оправдывались,

но он продолжал неотступно ухаживать, подносить цветы., приходить в гости и играть с маленьким сыном Валентины, который родился осенью 1939 года. Симонов в ту пору был женат, и у него тоже был маленький сын Алеша, но он не собирался волочиться за знаменитой актрисой, а мечтал назвать ее женой, поэтому однажды признался со всей прямотой супруге в том, что любит другую, и ушел от семьи, сняв комнату на Арбате. Друзья Серова, опекавшие Валентину после его гибели, не жаловали нового претендента на ее руку и сердце, но и саму Валентину аристократически красивый черноглазый поклонник не волновал. "Не в моем вкусе",- признавалась она. Всю свою неостребованную страсть Симонов вылил в любовной лирике, посвященной Валентине. "Без губ твоих, без взгляда, как выжить мне полдня",- выучивали наизусть симоновские строки влюбленные, а на патефонных пластинках и танцплощадках звучало: "У меня такой характер - ты со мною не шути!" песенка из кинофильма "Девушка с характером", ставшая перед войной шлягером.

И если бы не война, может быть, этот роман ничем бы и не кончился. Но наступило роковое 22 июня 1941 года. Константин Симонов уже через час после объявления войны был на сборном пункте. Он уже побывал на Халхин-Голе и в бесшабашной храбрости ничуть не уступал Анатолию Серову. Валя, провожая его на фронт на перроне Белорусского вокзала, уткнувшись лицом ему в плечо, тихо произнесла: "Люблю". Под Могилевом, где уже шли тяжелые бои, Симонов чуть не погиб и потом считал этот день своим вторым днем рождения. Его репортажи с передовой прославили его как военного корреспондента газеты "Красная звезда". Он продолжал писать стихи, посылая их Валентине с почтой. В декабре 1941 года Константин Симонов выступил по радио и прочел стихотворение, написанное еще до войны, но оказавшееся таким актуальным сейчас: "Жди меня". Зимой 1942 года это стихотворение было опубликовано в "Правде", за ней перепечатали его все газеты. Успех был необыкновенный. Эти строчки: "Жди меня и я вернусь, только очень жди" имели такое же воздействие на людей, как песня "Вставай, страна огромная", как плакат "Родина-мать зовет". Бойцы хранили в кармане гимнастерки вместе с письмами из дома и фотографиями любимых аккуратно вырезанное из газеты стихотворение или переписанное от руки. Эти строки посылали во фронтовом треугольнике домой, словно молитву, чтобы ждали и чтобы ожиданием своим спасли. "Жди меня!" - чертили танкисты на броне своих танков. "Жди меня" стало гимном любви и верности. В это же время вышел из печати сборник стихов Симонова "С тобой и без тебя", с посвящением Валентине Васильевне Серовой. "Эта книга написана для тебя и принадлежит тебе,- писал он ей.- Я верю, что это лучшее и единственно пожалуй, настоящее, что я до сих пор сделал". К Симонову приходит популярность. Театры разбирают его пьесы нарасхват. И Валентина, уже очень известная актриса, во второй раз становится самой известной женщиной страны. Она становится символом верности, надежности, преданности. На нее почти что молятся. Она - живая легенда.

Другой Константин

В короткие побывки с фронта Симонов частый гость в квартире на Никитской, у Валентины. Он надеется, что они скоро будут вместе, молва давно ведь уже их поженила. Стояла весна 1942 года. Валя после гибели мужа не смогла жить в прежней квартире, рядом с Красной площадью, где в холодной кремлевской стене был захоронен ее Толя. Она сдала квартиру государству и получила взамен небольшую двухкомнатную квартиру в доме, где жила ее мать, актриса Клавдия Половикова. Валентина переехала с маленьким Толей и няней. Однажды вечером перед отъездом на фронт Симонов ждал ее на квартире у матери, где проживал тогда вернувшийся из лагерей Евгений Кравинский, а сама Половикова находилась в эвакуации. Валентина что-то задерживалась, мужчины ждали ее с нетерпением. Вдруг она влетела, вся бледная, попросила Кравинского оставить их на минутку одних и выпалила Симонову, что между ними все кончено, что она любит другого. Уж такая она была, очень прямодушная. Мать, бывало, учила ее: "Лучше соври!", но врать, особенно в любви, Валентина не могла вовсе.

Любовь к ней пришла внезапно. И опять весной, и опять, как тогда. Он - военный, генерал, красив, галантен, он отстоял Москву от врага зимой 41-го, ему 47 лет. Это

Константин Рокоссовский. Тогда, весной 1942-го, он находился в госпитале на лечении после тяжелого ранения. Артисты приезжали туда с концертами. В один из таких приездов врач подошел к Валентине и попросил ее "прочитать что-нибудь" больному, который лежал в отдельной палате. На следующий день Рокоссовский послал машину с адъютантом за Валентиной в театр. Молва тут же понесла по городу новую сплетню о романе актрисы с генералом. Злые языки язвили: "Жди меня!" - и к известной аббревиатуре ВВС добавляли вторую - РКК. Рокоссовский в самом начале войны потерял следы жены и дочери, которые тогда жили в Киеве. Поиски не дали никаких результатов и он уже считал их погибшими. Конечно, он ответил на чувство Валентины. А Валя купалась в любви. В театре ставили "Русских людей" Симонова. Тот, бывая наездами в Москве, приходил на репетиции и видел, что Валя уже не отличает его от пустой стенки. Валя опять строила планы относительно своего счастья, опять оно казалось ей таким близким, таким возможным. Рокоссовский после выписки из госпиталя должен был отбыть на фронт и короткий отпуск проводил, поселившись в квартире Валентины. Валя жила в квартире матери, на первом этаже. И вдруг все кончилось. Рокоссовскому пришло сообщение, что его жена и дочь отыскались и находятся в эвакуации. Рокоссовский тут же выехал на фронт, роман сразу оборвался. Валя еще на что-то надеялась и подарила ему при прощании свою фотографию с сынишкой. Шли месяцы, от Рокоссовского не было ни весточки. Однажды Валентина получила письмо, но не от него. Из конверта выпала Валина фотография и записка: "Уважаемая В.В., возвращаю вам вашу фотографию с Вашим очаровательным сыном. С уважением и пожеланием творческий успехов. Вера Рокоссовская."

Симонов нашел в себе силы пережить измену Валентины, как, впрочем, он смог вынести все: сплетни о ней, анонимки, которые ему подбрасывали. Валентине всегда приписывали ветреность и непостоянство. Сплетни и зависть сопровождали ее с самого начала карьеры в театре. Судачили о том, что обе актрисы Половиковы - мать и дочь - во многом обязаны своим высоким покровителям - секретарю ЦК КПСС Авелю Енукидзе и секретарю ЦК ВЛКСМ А. Косареву, репрессированному в 1938 году. У Валентины было одно замечательное качество: она плевала на сплетни и даже тогда, когда ей в глаза повторяли то, что говорили про нее другие, желая предупредить ее об этом, она лишь коротко бросала: "Пусть!" Дочери своей, Маше, впоследствии она давала совет: "Никогда не оборачивайся, что бы тебе вслед ни говорили, никогда!"

В июле состоялась премьера драмы "Русские люди" и Симонов устроил в театре пышный банкет. Валя уже была рядом с ним. Потом она уехала на съемки фильма "Жди меня". Фильм этот принес ей новую волну популярности. А Константин Симонов уже член КПСС, награжден орденом Красного Знамени. Летом 1943 года Симонов и Серова, наконец, женятся. На свадьбе гостей немного, в числе приглашенных - дети Сталина - Светлана и Василий.

После войны чета Симонов - Серова живут счастливо. Он уже всемирно известный писатель, его слава докатилась даже до Америки. Валя снова блистает на сцене Театра Ленинского комсомола. Симонов становится главным редактором журнала "Новый мир" и секретарем Союза писателей. Его новое положение требует постоянных зарубежных командировок на высшем уровне. Валя, со времени гибели Анатолия, возненавидевшая разлуки, время от времени пьет, оставшись одна. "У тебя есть чудовищная русская привычка пить с горя",- пишет ей муж в 1948 году. Но когда он возвращается домой, то гости в доме не переводятся. В этих частых веселых застольях Валентина - центр притяжения. У Симоновых бывает весь столичный бомонд, много иностранных гостей. На особо торжественные приемы приглашается даже повар из ресторана. Симонов строит дачу в Переделкине, несколько позже - вторую, под Сухуми, на Черном море. Семья живет в полном достатке. С бывшей женой мужа, Евгенией, Валентина ладит и его сынишка часто гостит у них в Переделкине. Валентина находится в этот период в эпицентре своей славы. В 1946 году за роль в фильме "Композитор Глинка", где она играла жену композитора, Серова получает Государственную премию. На 20-летний юбилей театра ей присваивают звание заслуженной артистки и

награждают орденом "Знак Почета". 1948 и 1949 годы омрачаются трагическими событиями. Арестовывают актрису Татьяну Окуневскую, приму того же театра, где играет и Серова., затем страну потрясает убийство актера Михоэlsa. Вслед за этими событиями начинается травля в среде театроведов, они объявляются "безродными космополитами". В одном доверительном разговоре с подругой Валя признается, что ей очень страшно жить.

Падение

Одиннадцатого мая Валентина вышла замуж за Анатолия, через год 11 мая он погиб. Через 11 лет, 11 мая 1950 года, у Валентины родилась дочь Маша. Какая-то заколдованная цифра 11, на которой спотыкалась все время ее судьба. После рождения дочери Валентина через несколько месяцев пытается вернуться на сцену, но она уже пьет регулярно. Она еще совсем молодая женщина, ей едва за тридцать, она красива и пока эти запои не столь сильны и муж пытается лечить ее потихоньку от окружающих. Но однажды Валентина срывает репетицию. Она тогда работала в Малом театре. Там не посчитались с тем, что она звезда, устроили судилище на уровне парткома и месткома. После этого Валентина теряет точку опоры. Она скитается по театрам, играя то с на сцене Театра Моссовета, то возвращается в Театр Ленинского комсомола, то в Театре-студии киноактера, но прежней Вали Серовой уже нет, есть другая женщина, без обаяния, без того шарма, который был присущ лишь ей одной. Другие молодые подающие надежды актрисы уже вышли на сценические подмостки. Время начинает работать против нее. После смерти Сталина в 1953 году высокое положение Константина Симонова как видного общественного деятеля и самого большого писателя пошатнулось. Его понижают, назначают главным редактором "Литературной газеты", его пьесы сходят с театральных репертуаров. Валя, конечно, понимала и сама, что она тонет, и, как могла, боролась за себя. Временами ей это удавалось. В 1955 году она снова снимается в кино. Симонов надеялся, что работа отвлечет ее настолько, что она бросит, наконец, пить. Он уже не выдерживал этой жизни, временами уходил из дома. Валя работала на съемках с энтузиазмом и продолжала регулярно выпивать. Она была несчастна. Жизнь, такая волшебная при взгляде со стороны, на самом деле, не удалась. Сын пропадал в исправительной колонии. Мальчик вырос трудным. Она и не заметила как, упустила что-то важное в его воспитании. Толик большей частью жил на даче в Переделкине с няней и другими домочадцами, мать и отчим видел редко, а если и видел, то в окружении гостей и друзей. Он тоже пристрастился пить. В колонию попал за хулиганство: с приятелями подожгли чужую дачу. Валя страдала от того, что с самого начала жизнь ее не задалась, не повезло ей в любви. Еще через год она теряет все: положение, мужа, дочь и остается в полном одиночестве совершенно незащитной. Когда она узнала, что у мужа есть другая - он сам ей об этом сказал, - хотела выброситься из окна; к счастью, подруга оказалась рядом и не позволила ей сделать это. Но чувство собственного достоинства и порядочность присутствовали в ней по-прежнему. Когда домоправительница захотела предупредить ее об измене мужа, Валентина резко оборвала: "Константин Михайлович имеет право делать то, что ему нужно!" - и никакой сцены ревности. А дальше надо было держать удар судьбы. Симонов в 1956 году развелся с Валентиной. Мать Вали Клавдия Михайловна тут же приняла его сторону, забрала на воспитание внучку Машу - ведь пьяница-мать не сможет хорошо воспитать девочку, как не смогла воспитать сына - и благодарный Симонов не скупился ей на алименты. Валию в клинику, куда она периодически попадала, никто из родных не навещал. Вскоре на три года Симонов уехал из Москвы с новой женой и только родившейся дочерью в Ташкент, подальше от Хрущева, в опалу к которому он попал. Валя, оказавшаяся без работы, без семьи, без средств, больная, кажется, должна была скоро погибнуть, но она боролась. Она писала бывшему мужу, она приезжала на Никитскую к матери, которая ее на порог не пускала. Ведь у нее, у Клавдии Михайловны Половиковой, в отличие от беспутной дочери, правильная судьба. Она народная артистка, замужняя женщина. В молодости, правда, судьба ее не сложилась, отец Валентины попал в лагерь, но Клавдия Михайловна сумела исправить это темное пятно своей биографии. Она посоветовала и Вале публично отречься от отца, когда у той, по молодости лет, возникли

какие-то неприятности в комсомоле. Валя отеклась, как велела мама. И вот отец, которого Валя никогда не видала и ничего о нем не знала, кроме того - со слов матери - что он мерзавец, вдруг входит в ее судьбу. Бутафор театра Ленинского комсомола Елизавета Васильевна Конищева, с которой Валя дружила и которая не бросала ее в беде, видя, что та всеми родными своими оставлена, решила найти ее отца. Должен же хоть кто-то помочь Вале! Василий Половиков давно уже проживал в Москве и найти его оказалось легко. Последние шесть лет своей жизни, до 1966 года он был опорой своей несчастной дочери. Он устроил Валентину в хорошую психиатрическую клинику, вел настойчивые переговоры с Симоновым о возврате Валентине дочери, встречался с Клавдией Михайловной, которая была неприятно поражена его внезапным появлением и попыталась, но безуспешно, вновь настроить Валю против отца. Дед принял участие и в судьбе вернувшегося из колонии внука Толи, пытаясь устроить его учиться. Василий Васильевич подыскал тихое местечко для подмосковной дачи, где дочь и внучка могли бы жить спокойно вместе. Однако Симонов не считал нужным вернуть дочь матери, у бабушки ей несравненно лучше, так ему казалось. Отец подтолкнул Валю к тому, чтобы она вновь вернулась в театр. Подлечившись, Валя пришла в родные стены, но узнала, что уволена. Требовалось очень много душевных сил, чтобы ей, известной, избалованной когда-то славой актрисе, жене известного писателя вынести теперь все унижения, которые сыпались на нее градом. Однако Серова нашла в себе силы подать в суд иск о возврате ей дочери Маши. С большим трудом дело решилось миром, но произошло самое ужасное маленькая Маша уже не признавала свою мать и когда Валентина вместе с отцом приехала за ней, девочка забилась в истерику. Валентина понимала, что потеряв все, она сможет восстановиться только лишь при одном условии: если сможет напомнить о себе людям как актриса. И она судорожно искала работу, писала даже в ЦК КПСС, объясняя, что ей очень тяжело восстановить свое доброе имя из-за того, что мать повсюду порочит ее, приукрашивая еще своими словами ее "грехи" и эту грязь она никак не может соскрести с себя. "Помогите!!!" - зывала она к сильным мира сего, но они молчали. Писала она и бывшему мужу. Писали ему и врачи, принимавшие человеческое участие в судьбе своей пациентки. Симонов не верил ни Вале, ни врачам.

Перед тем как поступить в театр-студию Киноактера, Валентина бросила пить, но ролей в театре ей не дали. Она дома готовила какую-нибудь роль сама, в надежде, что ей все-таки дадут играть, но все больше чувствовала, что не нужна никому. Бездна одиночества разверзлась перед ней окончательно, когда умер отец, а через два года она услышала по радио сообщение о смерти Рокоссовского. Не на кого ей больше было рассчитывать и не на что. Она вновь горько запыла. Она исхудала и выглядела неузнаваемой. До нее доходили слухи о ее собственной смерти, что она то ли повесилась, что ли еще что-то в этом роде. Когда не было денег совсем, она пропивала свои вещи, обнищала. Возле нее стали появляться совсем другие мужчины, скользкие типы. Во время запоя она не ела, не спала, часами сидела, перебирая свой архив, перечитывая письма мужа и знакомые строки стихотворений, посвященных ей когда-то Симоновым, плакала, а иногда приходила в ярость...И этот кошмар ее жизни тянулся еще много лет. Умерла Валентина Серова в декабре 1975 года при невыясненных обстоятельствах. Подруга нашла ее мертвой дома на полу, с разбитым в кровь лицом.

Когда Симонову позвонили и сообщили, что Валя умерла, он страшно закричал.

ЗЕМНАЯ ЖИЗНЬ ЕКАТЕРИНЫ ФУРЦЕВОЙ

Министр культуры Екатерина Фурцева уже битый час стояла под окнами родильного дома на улице Веснина. Ноябрьский ветер налетал порывами, норовя хлестнуть мокрым снегом по глазам, она совсем продрогла в своем тонком французском пальто. Время близилось к полуночи. Наконец вышла санитарка и сказала, что еще не скоро. Екатерина Алексеевна развернулась, села в машину и поехала домой.

Петр и Екатерина

Утром Светлана, преодолевая слабость, поднялась с койки и добрела до окна. С высоты третьего этажа она увидела знакомую меховую шапочку, черное пальто с маленьким

меховым воротником. "Мама, мамочка дорогая!" - она здесь, рядом. Светлана почувствовала прилив необычайной нежности к матери. Теперь и она, Светлана, стала мамой, теперь их трое, и между ними завязался новый крепкий узелок.

В кремлевском роддоме порядки были еще более драконовские, чем в обыкновенном, поэтому Екатерина Алексеевна не смогла увидеть ни дочери, ни внучки, а только убедилась, что роды прошли благополучно.

Свекровь Александра Константиновна ни в какую не захотела, чтобы внучку назвали Екатериной, и когда Светлана с новорожденной появилась дома, имя уже было готово: Марина.

- Если бы родился мальчик, ты ведь не назвала бы его Фролом? сказала она Светлане, имея в виду своего мужа, члена Политбюро Фрола Романовича Козлова.

Их сын Олег женился на Светлане Фурцевой, молодые жили с родителями. Роды притормозили учебу в университете, у Светланы появились "хвосты" по некоторым дисциплинам, и она не торопилась от них избавиться. Но однажды утром раздался телефонный звонок и веселый, но вместе с тем требовательный голос матери, отрезвил ее:

- Ты думаешь, если уехала от меня и живешь теперь за высоким забором, так я тебя не достану? Ну-ка, немедленно сдай все "хвосты"!

Светлане всегда было удивительно, как мама, при такой занятости и ответственности на службе, умудрялась быть в курсе ее жизни и вовремя поддержать, посоветовать, помочь. Еще когда Света была маленькой, вдруг появлялись в доме редкие по тем временам мандарины, или прелестная французская шубка, в то время как мамы и в Москве-то не было, она была за границей, но незримое ласковое присутствие ее Света чувствовала всегда.

Фурцева бывала в гостях у Козловых не часто. Приехав поздравить Светлану с рождением дочери, Екатерина Алексеевна, глядя с нежностью на спящую в одеяльце Маринку, сказала: "Пусть у нее будет моя фамилия, она ей поможет..."

Светлана была грудной, когда с фронта - это было в 1942-м - в отпуск приехал Петр Битков и огорошил жену новостью, что он от нее уходит, что он полюбил другую. И одиннадцатилетний брак, построенный на взаимности, доверии, общих интересах, рухнул в одночасье. Екатерина Алексеевна не стала выцарапывать сопернице глаза, упрекать мужа, что он разбил ее жизнь, хотя по сути так оно и было, оставила ему комнату на Красносельской и, запеленав четырехмесячную Светлану, ушла с чемоданом куда глаза глядят, надеясь, что судьба ей еще улыбнется. Екатерине было тридцать два и надо было начинать жизнь сначала. В то время у нее произошли перемены не только в личной жизни. Оставив науку - она окончила институт и аспирантуру тонкой химической технологии - Фурцева пошла на партийную работу, став вторым секретарем Фрунзенского райкома партии.

Борщ с пампушками

Светлану умыли, причесали, водрузив на голову огромный розовый бант, и нарядили в новое розовое платье. Все это означало, что они с мамой едут в гости. Екатерина Алексеевна объяснила семилетней дочери, как та должна вести себя за столом. Они ехали на обед к Хрущевым. Светлане на всю жизнь запомнился необыкновенно вкусный украинский борщ с пампушками, которым потчевал за столом гостеприимный Никита Сергеевич. Рядом с ним сидела супруга Нина Петровна. Хрущев был в вышитой украинской рубашке, был весел, охотно разговорчив и очень внимателен к гостям. Светлане он показался добрым-предобрым хозяином, а вовсе не важным членом правительства.

После смерти Сталина, когда Хрущев возглавил страну, Екатерина Фурцева сыграла очень важную роль в его судьбе. В 1957 году возник заговор группы соратников по партии, руководимой троицей Каганович - Маленков Молотов, с целью сместить Хрущева с поста Генерального секретаря ЦК КПСС. Екатерина Фурцева, искренне верившая в Хрущева как в прогрессивного руководителя партии и страны, занимавшая тогда пост первого секретаря горкома и будучи кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, спасла Хрущева. Она очень оперативно, в течение двух часов, собрала в Кремле все Политбюро, и заговор провалился.

Фурцева после этого становится членом Политбюро, практически вторым человеком в стране после Хрущева. В 1960 году Екатерина Алексеевна выдает дочь замуж за сына члена Политбюро Козлова, и партийная элита гуляет на этой свадьбе. Первый раз Козловы увидели Светлану в том же году весной, когда правительственная делегация прибыла в Индию. Фурцева взяла дочь с собой. Всегда, когда обстоятельства позволяли, она брала Светлану в поездки, чтобы показать ей мир. Александре Константиновне Козловой очень понравилась беленькая, изящная, хорошо воспитанная Светлана, и у нее в уме зародился план познакомить с ней своего сына Олега.

По возвращении в Москву молодые люди познакомились, и Светлана вмиг была очарована высоким темноволосым юношей. Олег красиво ухаживал, дарил букеты. Стоял теплый апрель, они гуляли допоздна, долго прощаясь у подъезда на улице Грановского, где тогда жила Екатерина Фурцева со своим вторым мужем- дипломатом, пока бабушка с балкона не окликнула Светлану домой. Олег сделал предложение через две недели. Мама восприняла новость, что дочь замуж собралась, как и положено маме. "Подумай, дочка, как же твои планы на будущее, ведь пойдут дети" и так далее.

- Но у меня,- вспоминает Светлана,- на тот момент, кажется, напрочь отсутствовала способность думать.

Свадьбу играли на политбюровской даче. Шумел май, осыпая накрытые в саду столы и плечи гостей лепестками цветущих вишен. На Светлане было маленькое в талию платье пастельных тонов из красивейшей, украшенной мелкими-мелкими камешками, индийской ткани. Среди прочих гостей, присутствовали Леонид Ильич Брежнев с супругой и дочерью Галей, Анастас Микоян с невесткой Элей, приехал Хрущев с супругой, дочерью Радой и зятем Алексеем Аджубеем, известным журналистом. Никита Сергеевич преподнес в подарок Светлане флакон французских духов и куклу-барышню, в роскошном длинном белом платье. Светлана в глубине души огорчилась: "Я замуж выхожу, а мне, как маленькой, куклу дарят". Брежнев был развеселым тамадой, и гости дружно пили сначала за молодых, а потом все чаще и чаще стали поднимать тосты "за нашего дорогого Никиту Сергеевича".

150 ступенек

Как только Петр ушел из семьи, приехала мать Екатерины Алексеевны бабушка Матрена и стала воспитывать внука. Екатерина Алексеевна давала Светлане блестящее по тем временам образование: музыка, английский. На улице Грановского Светлана с бабушкой жили реже, чаще на казенной даче присутствие отчима вносило некоторый диссонанс в их женский спаянный коллектив: Николай Павлович Фирюбин считал, что Екатерина уж чересчур любит дочь, к тому же его раздражала теща. Но все равно, Светлана любила квартиру на Грановского, гостиную, обитую штофом, камин - мама умела навести уют, ее присутствие в доме было доминирующим. Самые счастливые моменты были, когда мама брала ее с собой в отпуск. В отпуске мама всецело принадлежала Светлане, они, бывало, даже спали в одной постели, потому что так о многом нужно было поговорить, что дня не хватало и не хотелось разлучаться даже на несколько часов сна. И Светлана после душевной беседы "обо всем" засыпала, счастливая, у мамы на плече. Бывало, спускаются к морю - Фурцева отдыхала в санатории ЦК КПСС в Сочи,- сто пятьдесят ступенек вниз, и за это время Светлана успевала все вопросы задать и получить все ответы, а внизу уже ждали знакомые и друзья. Светлана лежала на пляже и сквозь щелки сомкнутых век наблюдала за мамой, которая была увлечена беседой с подругой актрисой Любовью Орловой. Говорили о своем, о женском, о том, что для фигуры полезно плавать по три часа в день и ежедневно играть в теннис, а уже если будет необходимо, можно пойти и на радикальные меры - сделать пластику лица. Светлана смотрела исподтишка на обеих, таких длинноногих, загорелых и стройных, и размышляла с высоты своих пятнадцати лет: "Ну если так выглядеть, как мама или Любовь Петровна в их годы, то у меня еще вся жизнь впереди".

Никогда Светлана не видала маминых слез. Только в те недели, когда было противостояние заговорщиков, чувствовалось дома сильное, тревожное напряжение. Фурцева отгораживала дочь от всего, и Светлана видела только парадную сторону ее жизни.

Совместные поездки в Югославию, Индию, Японию, Англию, Францию выглядели, как сказка: мама, красивая, элегантная рядом с первыми лицами государств, в окружении знаменитостей. Только однажды, сидя со Светланой в саду на даче и глядя на копошащуюся в песочнице внучку, Фурцева вдруг произнесла: "И как ты будешь жить без меня?!"

Предательство

Буквально через год после того, как Хрущев гулял на свадьбе Светланы, он предал Фурцеву. Екатерина Алексеевна о том, что ее вывели из состава Политбюро без объяснения причин, узнала, когда зачитали новый список Политбюро на очередном XXI съезде КПСС. Ее кандидатуры там не оказалось. Пожалуй, только в этот момент она в полной мере осознала, как она тогда, в 1957-м, рисковала собой, Светланкой. Ведь она была одна против заговорщиков и за ее спиной никого не было: ни друзей, ни сильного покровителя. О том, что мама пыталась покончить с собой, вскрыв себе вены, Светлана узнала самой последней. Екатерина Алексеевна увиделась с дочерью в больнице, когда угроза ее жизни миновала и она уже вполне владела собой.

- Самое страшное, доченька, в жизни - предательство,- сказала тихо и грустно Фурцева.

Пока Екатерина Алексеевна находилась в больнице, семью ее выставили с политбюровской дачи, отобрав автомобиль и лишив привилегий. Фурцевой "доверили" лишь пост министра культуры. Это было понижением после той власти, которой она обладала, будучи членом Политбюро. Фрол Романович Козлов в тот период перенес инсульт и был частично парализован. Глядя на годовалую внучку, ползающую по ковру, он молодец душой и силы снова возвращались к нему. Однажды он сказал домашним:

- Брежнев позвонил, наверное, произошли перемены. Раньше звонил и спрашивал разрешения приехать, а сейчас просто заявил, что едет.

Предположение оказалось верным, вскоре "попросили" из Политбюро и Фрола Романовича, произошла та же процедура лишения дачи, автомобиля и привилегий, что и с Фурцевой. Козлов долго не прожил после этого, его разбил второй инсульт... Через год сместили и Хрущева.

Фурцева на посту министра культуры оказалась такой же самостоятельной, влиятельной и независимой, какой была на высоких партийных должностях. Екатерина Алексеевна быстро оправилась от потрясения и глядя на нее, никто бы не смог подумать, сколько ей пришлось всего вынести. Она полностью сама себя сделала: одевалась в Париже, занималась теннисом, а в 1965 году решила на пластическую операцию. Прооперировалась в Москве и тут же улетела в отпуск в Сочи. Вернулась загорелая, помолодевшая и никто ничего даже не заподозрил. Вращаясь среди звезд мирового кино, постоянно находясь на виду, бывая на приемах у королей и королев, Фурцева вела себя очень естественно. Она смело фотографировалась с кинодивами, не боясь, что будет выглядеть хуже, чем они. Культурная жизнь страны под руководством Фурцевой преобразилась. Екатерина Алексеевна очень любила кино и, познакомившись в Париже с французским искусством, влюбилась и в город и в его обитателей. В Москве начались недели французского и итальянского кино. Изголодавшаяся по премьерам публика ломилась в кинотеатры. Стало хорошим тоном разбираться в искусстве западного кино. Приехал на гастроли знаменитый миланский оперный театр Ла Скала, а подающие надежды молодые певцы, Муслим Магомаев и Владимир Атлантов, поехали на стажировку в Италию - по тем временам это была сенсация. Открылись в Москве выставки французских импрессионистов, наш зритель, вскормленный на соцреализме, получил возможность узнать, что такое авангард в живописи. По инициативе Фурцевой в эти годы строится новое здание балетного училища, новый МХАТ; при этом она не ходит никуда с протянутой рукой, решает проблемы сама. Пожалуй, этот период был самым счастливым в ее жизни. Она по-прежнему возит дочь с собой. Светлана запросто в свободную минутку забегает к маме в министерство.

У нее на даче в Переделкине собирается общество интересных людей. Близкая подруга Вера Марецкая - Екатерина Алексеевна умела дружить, подруги у нее сохранялись на долгие годы,- а в числе близких друзей писатель Константин Симонов, актер Ростислав Плятт,

режиссер Юрий Завадский. На выходные, если Екатерина Алексеевна свободна, приезжает Надя Леже, которая, познакомившись с Фурцевой в Париже, стала часто навещать Родину. Благодаря их тесной дружбе Пушкинский музей изобразительных искусств получил в дар от Нади несколько картин ее покойного мужа Фернана Леже. Екатерина Алексеевна теперь ездит в отпуск на Валдай. Там она живет не в санатории, а, прихватив палатку и лодку, устраивается на природе у озера и часами удит рыбу, ухой из которой потом угощается весь санаторий.

Через пять лет замужества Светлана вдруг встречает настоящую любовь. Игорь так же, как и она, работал в АПН, занимался переводами с английского, писал стихи. Чувство возникло обоюдное, но у Игоря тоже была семья, и три года влюбленные мучают друг друга, не решаясь на последний шаг.

- Ты посмотри на себя,- говорила Екатерина Алексеевна дочери,- ведь ты уже вся растворилась в нем, тебя уже нет.

Она, конечно, понимала дочь, ведь сама вышла замуж за Светланиного отца по большой любви. Но в то же время чисто по-женски пытается предостеречь: "Светлана, я десять лет была одна, я знаю, что такое одиночество, когда все праздники, все выходные одна". А когда Светлана все-таки уходит от мужа, Екатерина Алексеевна говорит: "Ни о каких алиментах даже речи быть не может. Разве мы не в состоянии вырастить одного ребенка?" Выйдя за Игоря, Светлана несколько отдаляется от матери, теперь она вся принадлежит любимому и даже отказывается от сказочных поездок в Италию и Америку. Екатерину Алексеевну это огорчает, она грустит, ведь второй ее брак не такой счастливый. Особенно одинокой она чувствует себя, когда умирает бабушка Матрена. Фурцева переживает свою мать только на два года. Но это еще не скоро произойдет, пока она на коне.

- Что такого могло произойти, что нужно с утра выгладеть хуже, чем ты есть на самом деле? - подает она пример женской стойкости Светлане, когда та погибает от любви к Игорю.

В тот последний день она поздно вечером заехала к дочери. У Светланы и Игоря были гости. Екатерина Алексеевна посидела немного и собралась домой. Из дома позвонила Светлана, чувствуя неловкость, что из-за гостей мало уделила внимания маме, спросила, все ли хорошо. Ей показалось, что у мамы какой-то не такой голос, но та заверила ее, что "все хорошо" и что она ложится спать. "До завтра",- как обычно сказала она.

За полночь гости разошлись. Светлана помыла посуду и только направилась в ванную, как зазвонил телефон. Звонил отчим.

- Мамы больше нет, - оглушил он Светлану известием.

Светлане на руки выдали свидетельство о смерти мамы, в котором было написано, что смерть наступила в результате острой сердечной недостаточности. До сих пор Светлана не знает точно, так ли это было на самом деле...

ЛЕГЕНДА О ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

В марте 1955 года на экраны страны вышел фильм "Овод". В главной роли - дебютант в кино, молодой актер красавец Олег Стриженов. У фильма и его героя Артура сразу же появилось множество поклонников, некоторые зрители смотрели картину по двадцать раз кряду.

Лионелле в ту пору едва исполнилось семнадцать, она училась в школе. Увидев "Овод" первый раз, она не могла оторвать взгляда от Стриженова и потом бегала в кинотеатр чуть ли не каждый вечер. Бывало, отпрашивается у бабушки:

- Я пойду, посмотрю "Овод", ладно?

- И я с тобой пойду,- соглашалась бабушка, будто ей тоже хотелось посмотреть очередной раз картину.

На самом деле, бабушка боялась, как бы Лина умом не тронулась из-за этого Артура, которого играл Стриженов.

Первая встреча

Лина во все глаза смотрела на экран, сердце то сладко замирало, то бешено колотилось,

а в уме вертелась одна и та же мысль: "Обязательно стану актрисой, обязательно встречу со Стриженовым, буду сниматься хоть в массовке, хоть где, лишь бы с ним познакомиться".

Уже два года Лина занималась в драмкружке при Доме ученых, и классная руководительница закрывала глаза на отставание своей ученицы по физике и химии за ее явные успехи в драматическом искусстве. Правда, родители Лины и слышать не хотели о том, чтобы дочка пошла в актрисы. Мама ничего не видела лучше, чем профессия зубного врача: и работа стабильная и кусок хлеба надежный, но бабушка Лину поддерживала. А поскольку родители с остальными четверыми детьми жили на Сахалине - папа, старший механик, служил на флоте - а Лина с бабушкой оставались в Одессе, то послушаться родителей труда не составляло.

- Не волнуйся, они там, мы здесь,- резонно рассуждала бабушка, поедешь поступать обязательно.

Лина не любила пеструю и шумную Одессу, ее манила Москва, где публика была не столь разношерстная, где был столичный шик и где жила ее любовь Олег Стриженов.

От бабушки-болгарки Лина унаследовала темперамент, пышные темно-каштановые волосы и огромные бархатно-карие глаза. Жили они в центре Одессы, в доме, где помещался драматический театр. Лина еще и читать не умела, а уже бегала в соседний театральный подъезд. Все ее знали и пускали в зрительный зал: артистка, мол, пришла. Пока она росла и училась в школе, стала в театре совсем своей, пересмотрела все спектакли гастролировавших тогда московских театров и столичных театральных звезд знала в лицо, а то и лично.

Летним теплым вечером того же 55-го года шла Лина из театрального кружка домой и в переулке за Оперным театром увидела толпу. Там снималось кино. Помреж носился по съемочной площадке и орал в мегафон, чтобы все посторонние немедленно ушли "из кадра". Зеваки стояли плотным кольцом вокруг веревочного ограждения. Какая-то неведомая сила подтолкнула Лину вперед, и, пробравшись между чужими спинами к ограждению, она обомлела. Посреди площадки, освещенный заходящим солнцем, с оголенным загорелым торсом и смоляной челкой на лбу стоял Стриженов. Снимался фильм "Мексиканец". У Лины земля ушла из-под ног. Живой, а не экранный кумир был всего в десяти шагах от нее. Любопытные сзади напирали, веревка больно резала голые коленки, но Лина ничего этого не чувствовала, она мысленно была рядом с Олегом и уже готова была перепрыгнуть через ограждение и подбежать к нему, как помреж ее заметил и тут же опытным глазом уловил ее намерение. Он подскочил к ней и стал грубо прогонять. Олег обернулся на шум и подошел: "Ты что орешь? Ты что не пускаешь такую девочку?" - отогнал он помрежа и, взяв Лину за руку, помог перешагнуть через веревку и ввел ее на съемочную площадку.

- Вы не Джина Лоллобриджида? - спросил он ее, шутя.

Лина, смугло-загорелая, с ослепительно-белозубой улыбкой и осиной талией и впрямь сильно походила на итальянскую кинозвезду. Впоследствии, когда она уже училась в ГИТИСе, там тоже заметили это сходство и руководитель курса Григорий Григорьевич Конский прозвал ее Линой Лолоскирдиной (фамилия Лины была Скирда).

- Меня зовут Лионелла,- потупив мохнатые ресницы, тихо произнесла она.

- Какое красивое имя! - восхитился Стриженов.- А я буду называть вас просто Ли, хорошо?

Тут снова подскочил помреж и утащил Стриженова со словами: "Уже все готово, вас срочно требуют в кадр, идемте!" Съемка была режимная, нужно было успеть все снять до заката. Приехали пожарные машины, которые должны были изображать дождь, и закипела работа. После окончания съемки Стриженов, весь промокший от "дождя", торопливо вытерся в раздевалке, переоделся и, не разгримировавшись, побежал прямо к тому месту, где, как ему казалось, должна была ждать Лионелла. Зрители еще не все разошлись, но чудной девушки, которая поразила его своей красотой, нигде не было.

На следующий день киноэкспедиция отплывала на теплоходе в Ялту. Днем Олег несколько раз обошел Оперный театр, побродил по Дерibasовской в надежде, что девушка со странным именем Лионелла встретится ему, а вечером долго сидел у телефона в своем

гостиничном номере и кидался на каждый звонок. Много девушек звонило ему. Поклонницы всегда находили его, узнавали, в какой гостинице он поселился, в каком номере проживает, но вот Лионеллы среди них не оказалось... Под проливным дождем, с чемоданом в руках поднялся Стриженов по трапу на теплоход. Над городом опускалась ночь, в домах гасли огни, как бы прощаясь с ним. У Олега под сердцем залегла тоска: покидать ставшую вдруг родной Одессу ему не хотелось.

Прощай, Ли!

Поступать в ГИТИС Лионелла приехала через год после окончания школы. Год она проработала делопроизводителем в суде. Лина собиралась надолго уехать из Одессы, может быть, навсегда, и новую жизнь ей хотелось начать самостоятельно и независимо.

Профессор Остальский Всеволод Порфирьевич, когда бывает у Стриженовых в гостях, часто вспоминает тот год, когда он деканствовал в институте и приехала поступать юная Лионелла.

- Ой, Олег,- рассказывает он всякий раз будто бы впервые,- что же творилось в институте из-за ее босоножек!

Перед отъездом Лина сходила на знаменитую одесскую барахолку, где продавались заграничные вещи, которые привозили в порт моряки. Папа еще подкинул денег с Сахалина, так что для визита в Москву Лина оделась как надо. Она появилась в институте в белых лайковых босоножках на каблуках высотой тринадцать сантиметров, в юбке чуть ниже колена, туго затянутой на тонкой талии широким шикарным кожаным ремнем и в газовой прозрачной блузке, которую по шейке и короткому рукавичку-фонарику украшали рюши. Под блузкой мерцало кружево безупречного белья. Абитуриенты ахнули, увидав столь шикарную девушку. Особенно ее выделял среди всех спелый крымский загар. Девчонки, которым нужно было идти показываться, стали наперебой просить Лину одолжить босоножки, и она то и дело стояла босая у дверей актового зала и "болела" за своих будущих однокурсниц. А у членов приемной комиссии глаза округлялись оттого, что почти на каждой претендентке в актрисы были белые, очень модные в ту пору, дорогие, приобретенные, скорее, у спекулянтов, чем в магазине босоножки. Приемную комиссию поразила не только яркая красота Лионеллы, но и чистая, правильная, совершенно без одесского колорита речь. Остальский беседовал с ней лично и дал гарантию, что она будет принята и чтобы больше никуда она документов не подавала.

Еще студенткой Лина стала сниматься в кино. Первый ее фильм оперетта Дунаевского "Вольный ветер", где она сыграла Стеллу, а музыкальную партию за нее озвучила Галина Вишневская.

Несмотря на незатейливый сюжет и всеми любимую и известную музыку Дунаевского, у этого фильма была необычная судьба. После "отъезда" Вишневской и Растроповича за границу, с титров сняли фамилию Галины Павловны, а потом и вовсе положили картину "на полку", и только недавно восстановили титры и фильм снова могли увидеть зрители.

Съемки проходили в Ялте в 1960 году. Ялта, жемчужина Крыма, кишмя кишела знаменитостями, в ту пору там много работало киноэкспедиций с разных киностудий, в санатории ВТО "Актер" отдыхали актеры и кинорежиссеры. За Линой ходили толпы поклонников, а маститые киношники, вздыхая о ее красоте, присылали ей в гостиничный номер корзины цветов.

Стриженов только что взял еще одну высоту - сыграл Германна в фильме-опере "Пиковая дама". Работа была очень напряженной, фильм был снят в рекордные сроки - за весну и лето 1960 года - и уже ему предстояла новая съемка - роль Лаевского в картине "Дуэль" по повести А. Чехова. В короткий двухнедельный перерыв Олег приехал в Ялту отдохнуть. Лионелла проживала в одном гостиничном номере со вторым режиссером картины "Вольный ветер" Наташей Птушко, дочерью известного кинорежиссера. Девушки за время съемок сдружились, и Лионелла делилась с Наташей сокровенным: как давно и безнадежно любит она Стриженова. Хотя Лина уже три года жила в Москве, она ни разу не встретила Стриженова, да это было бы и не так легко. Олег много снимался, постоянно

отсутствовал, а Лина училась, у нее была своя, новая для нее жизнь. Но она все время помнила о нем и глубоко в душе надеялась, что судьба должна их когда-нибудь свести. Хорошо бы, на съемочной площадке, ведь Лина почти уже актриса.

Стриженов, отдыхая в Ялте, слышал от знакомых киношников, что у Трауберга в "Вольном ветре" снимается какая-то необыкновенная девушка.

- Такая фигура, такой бюст, такая талия! - восхищались знатоки.

Но Олега это все мало трогало.

После "Пиковой дамы" он был так вымотан и физически и эмоционально, что хотелось лишь одного: отоспаться, побездельничать, покупаться в море. В последний день перед отъездом он столкнулся на морской набережной с Наташей Птушко.

- Приходи завтра к нам на съемку в порт,- сказала она.- У нас такая прекрасная героиня и, кстати, влюблена в тебя!

Съемка была в самом разгаре, когда Стриженов появился в порту. Гремела музыка, а герой и героиня стояли на платформе подъемного крана высоко над землей и пели. Лина увидела Стриженова сразу. Он стоял рядом Наташей, смотрел на нее, Лину, и что-то Наташе говорил. Во всем его облике, в оценивающем, чуть исподлобья взгляде, в манере держаться было столько мужской привлекательности и силы, ну прямо, лев перед прыжком. Лину одна только его походка в то время убивала наповал.

Она понимала, что он узнал ее, она чувствовала, что он говорит о ней и говорит что-то очень хорошее, но не прыгать же головой вниз на землю. Идет съемка, нужно работать, а не глазеть по сторонам. И тут Лина увидела, что Стриженов исчез, будто испарился. А Олег вернулся в гостиницу, собрал вещи и через два часа уже плыл на теплоходе "Грузия" в Сочи. Но на этот раз тоски у него не было. Он знал, что в Москве разыщет Ли, и они встретятся.

Однако прошел еще год, прежде чем судьба свела их окончательно. Наступил Новый, 1962 год. Олег приехал из Киева, где снимался в фильме "В мертвой петле", в Москву и в первые январские дни заглянул в ресторан ВТО. С актером Владимиром Сошальским они заняли свободный столик неподалеку от входа и оживленно разговаривали, пока официантка накрывала на стол. Когда Стриженов, в поисках других знакомых лиц, обвел рассеянным взглядом зал, его вдруг словно током ударило. В противоположном конце зала, наискосок от него, в окружении друзей сидела Лионелла. Олег поднялся из-за стола, Лина в тот же миг обернулась, ее огромные карие глаза расширились от радостного удивления, она тоже поднялась и пошла навстречу. В центре зала они сошлись, обнялись и поцеловались на глазах у всех. Они не расставались целых четыре месяца, Лина даже прилетала к Олегу на съемки в Одессу.

Он ухаживал за Линой красиво. Цветы дарил охапками, водил в самые лучшие рестораны, но их роман все время прерывался разлуками. Стриженов непрерывно снимался, меняя города и переезжая из Киева в Ригу, из Риги в Ленинград. Помимо этого, он начал играть на сцене МХАТа. Лина уже была актрисой драматического театра имени Станиславского. Наступило лето. Олег снова уезжал в Киев, а Лина с театром на гастроли в Куйбышев. Прощаясь, Олег говорил: "Вернемся - все расставим по местам".- " Да-да",- соглашалась Лина, глядя неотрывно ему в глаза, а про себя думала: "Нет, больше мы с тобой не увидимся и не увидимся долго, может, быть, никогда".

Ей казалось, что ему их отношения даются легко. Лина знала, что у Олега семья, что он очень любит дочку, а бабушка ей говорила, что на чудом несчастье свое счастье не построишь.

Олег старался гасить вспышки Линоного раздражения и ревности, но по молодости лет она еще не умела терпеливо дожидаться и заглядывать на будущее далеко вперед. "Кто он и кто я? - думала она.- Он звезда, я же начинающая актриса со ставкой 69 рублей в месяц., бесприданница".

И задумала она от Олега сбежать.

Письмо из Пприжа

Весть о том, что Лионелла вышла замуж, застала Стриженова в Киеве. Эта новость его

обескуражила. "Как же так могло случиться? - думал он. Ведь она любит меня". В дом на Смоленской улице, где жила Лионелла и проживали другие актеры, переехал известный кинорежиссер Иван Пырьев. Как-то утром Лионелла вышла из своего подъезда и направилась на репетицию в театр, и вдруг с балкона седьмого этажа ее окликнула знакомая актриса. "Поднимись к нам!" - помахала она рукой. Лина, конечно, знала Пырьева, но тут ей представился случай познакомиться с Иваном Александровичем лично. У него в гостях были еще какие-то незнакомые Лине молодые люди. Настроение у нее было паршивое. Одно дело, решить порвать с любимым, а другое - и в самом деле остаться одной. Как она стремилась в Москву, как хотела стать актрисой - и вот мечта сбылась. У Лины уже имелся кое-какой жизненный опыт, и она теперь знала, что можно добиться желаемого и при этом оставаться очень одинокой. Именно такой она и чувствовала себя в тот момент, когда оказалась в гостях у Пырьева. Лину поразило, что Иван Александрович плохо выглядел, на нем плохо сидел костюм и во всем его облике была какая-то потерянная. Она понимала, что на самом деле не так должен был выглядеть этот человек.

Пырьев почувствовал в Лине невольное участие к себе и в тот момент, когда все присутствующие перестали обращать внимание на них, Иван Александрович, сидя перед Линой в кресле, вдруг стал плакаться ей на жизнь. Лина была так поражена, что даже забыла про чай и так и сидела с полной чашкой в руках. Пырьев жаловался, как ему тяжело и плохо, как несправедлива к нему судьба, как горька его жизнь, как трудно работать и что-то творить, если впереди не ждет ничего хорошего. В тот момент он переживал тяжелую душевную драму. Его бросила любимая женщина - актриса Людмила Марченко. Лину очень растрогала откровенность этого немолодого, годящегося ей в отцы человека, и она, в свою очередь, не заметила как, рассказала про свою несчастную любовь.

- Бедненькая ты моя! - по-бабьи всплеснул руками Пырьев, услышав имя Олега Стриженова. - Ну ничего, ты не глупенькая, ты справишься.

Лине нужно было торопиться в театр, и она встала, чтобы уйти. Пырьев предложил подвезти - он ехал на "Мосфильм". Высаживая Лину у служебного входа, сказал: "Будет паршиво на душе - звони".

Паршиво на душе у Лины стало сразу, как только она уехала из Москвы на гастроли в Куйбышев. Она знала, что Олега тоже в Москве нет, что вернется он не скоро, а ей еще предстояло гастролировать в Горьком. Невыносимая тоска давила на сердце. Если бы Олег оказался рядом, если бы можно было не расставаться! Поздно вечером после спектакля Лина сидела в гостиничном номере с приятельницей-актрисой. Говорили о посторонних вещах, а Лине хотелось плакать. И тут она вспомнила про Пырьева. А почему не позвонить? Все-таки, очень приятный человек.

- Ты, наверное, соскучилась, - имея в виду Стриженова, мягко спросил ее Пырьев. - Хочешь в Москву?

- Да, Иван Александрович.

Лине в этот момент показалось, что Олег в Москве и Пырьев про это знает, поэтому и хочет ей помочь.

- Я пришлю тебе вызов, - пообещал он.

На следующий день пришла от Пырьева телеграмма с приглашением на кинопробы. Лина перезвонила и сказала, что не может выехать сейчас, потому что зарплата будет только через неделю.

- Вышлю деньги телеграфом, - решил проблему Пырьев, - а в аэропорту тебя встретит мой шофер.

Но встретил ее сам Пырьев, с цветами. Он был бодр и весел. Лина заметила в нем эту перемену, но не отнесла на свой счет. Дома у Пырьева их ждал накрытый стол, а кинорежиссер Леонид Давыдович Луков очень ловко играл роль посредника, и Лина ничего не заподозрила. Пырьев не отпустил ее домой: "Зачем тебе быть там одной, в моей трехкомнатной квартире довольно места". Три дня Лина целомудренно прогостила у Ивана Александровича. У нее не было никакой возможности попытаться разыскать Стриженова -

Пырьев полностью занял ее и каждый вечер вел в какое-нибудь интересное место: то ВТО, то в Дом кино, то в гости, то к нему приходили гости. Лина ни на минуту не оставалась наедине со своими мыслями, даже засыпала, переполненная впечатлениями, мгновенно.

Три дня промчались быстро, Лине нужно было догонять театр, уехавший в Горький. На прощание Пырьев преподнес ей палехскую шкатулку. Лина с любопытством открыла ее и увидела лежащую на дне шкатулки фотографию Пырьева на даче с собакой. На фото была надпись: "Ей, которая для меня все!"

Лина вспыхнула, взмахнула на Пырьева длинными ресницами, потом, опустив глаза, сказала: "Все так неожиданно, Иван Александрович. Я не могу вам сказать ни да ни нет. Дайте мне уехать!" В Горький Лина приехала в полном смятении чувств, и предстояло еще играть премьеру. И она заболела. Оказалось, ангина. Срочно нужны были лимоны, а в Горьком их, конечно, и в помине не было. Пырьев хватился Лины через несколько дней, разыскал ее по телефону.

- У Лины сильная ангина,- ответила подруга-актриса, так как Лина не могла сама говорить,- Иван Александрович, срочно нужны лимоны!

- Я сейчас посылаю людей, они берут в "кремлевке" все необходимое - и на вокзал. Когда поезд отойдет, я сообщу, какой вагон встречать.

Но вечером звонка не последовало, а утром на пороге стоял Пырьев с огромным букетом цветов и пакетами, в которых было все, в том числе и лимоны. Когда Лина вернулась в Москву, Иван Александрович встретил ее сам и привез к себе. Домработница отнеслась к Лине уже как к хозяйке, и тут опять был обаятельнейший Леонид Давыдович Луков. То обстоятельство, что Пырьев женился на мало известной двадцатичетырехлетней актрисе, произвело в Москве сенсацию. Околокиношная и театральная Москва долго гудела по этому поводу. Лина не обращала внимания на сплетни. У нее была задача максимум: она видела, что Иван Александрович неважно себя чувствует, хоть и бодрится, необходимо было заняться его здоровьем и переделать его гардероб.

Костюмы теперь Пырьеву заказывали у лучшего московского портного Затирко.

Олег встречал Рождество 1965 года в Париже. С продюсером фильма "Третья молодость", где он играл Чайковского, с Александром Борисовичем Каменкой они проводили беззаботный вечер в "Мулен Руж". Неожиданно Александр Борисович перевел разговор на Москву и вспомнил, что когда недавно был в гостях у Пырьева, его поразила красотой молодая хозяйка. "Вы, случайно, ее не знаете?" Настроение у Стриженова вмиг испортилось. Когда он вернулся в отель, не мог найти себе места. И вдруг сел писать Лине письмо:

"Любимая моя, дорогая моя Ли! Тебя нет рядом, и Мир рухнул! Мне безумно тебя не хватает, без тебя тошно и пусто..."

И снова Одесса

Пырьев вынашивал идею экранизации "Братьев Карамазовых" Ф. Достоевского пятнадцать лет. Он неоднократно брался за сценарий и откладывал. С появлением Лины в его жизни, он воскрес и через несколько лет приступил к воплощению замысла. Лионелла Пырьева прославилась, сыграв в этой картине Грушеньку. Это была последняя работа Пырьева. Наступил 1968 год. Обычно Пырьевы праздновали Новый год где-нибудь на людях, а в этот раз остались дома вдвоем. Иван Александрович последнее время хворал. Тяжким грузом лежало на душе сознание, что произошло нечто ужасное. Когда съемки уже подходили к концу, Пырьев вдруг обнаружил, что он ошибся в выборе актера на роль одного из главных героев. Осознание этой ошибки, которую уже исправить было нельзя, не давало по ночам спать. "Они все вертятся и вертятся у меня перед глазами,- жаловался он жене, имея в виду персонажей фильма.

Куранты пробили двенадцать. Иван Александрович вдруг заплакал и, глядя на Лину, сказал: "Так хочется еще пожить!" О себе он знал все и, по возможности, скрывал от жены истину. Бывало, та начнет его распекать за то, что он пьет слишком крепкий и сладкий чай, что ест сливочное масло и много курит, а он лишь возразит с притворным возмущением:

"Как ты со мной разговариваешь, я же все-таки народный артист, член Правительства!" Умер он на рассвете во сне... Днем позвонил Стриженов: "Ты только не бросай трубку, я хочу с тобой поговорить". После слов, необходимых в таких случаях, выразил Лине свое сочувствие и спросил, чем помочь. Лина сказала, что все, что нужно, уже делается.

Пырьев никогда не вспоминал о романе Лины с Олегом. Лина тоже не спрашивала, помнит ли он свою старую любовь - Люду Марченко. Даже когда шел по телевидению пырьевский фильм "Белые ночи", где по курьезному совпадению были заняты в главных ролях Стриженов и Марченко, они не поднимали эту тему. Правда, однажды Иван Александрович сказал: "Я, может быть, скоро умру. Ты молода. Пусть тебе не покажется это странным, я бы хотел, чтобы ты вышла замуж за Олега..."

В 1975 году Петр Годоровский начал съемки фильма "Последняя жертва", и Стриженов с удивлением и радостью узнал, что его партнершей будет Лионелла Пырьева. Вот и сбылась мечта Лины - судьба свела их на съемочной площадке. Лина была необычайно хороша в бальном платье графини Круглой, и Олег понял, что любит ее с той же силой, как прежде. Летом Стриженов с МХАТом приехал на гастроли в Одессу. Он сразу вспомнил, как двадцать лет назад, таким же прекрасным летом он впервые увидел девочку Ли, стоявшую за веревочным ограждением и во все глаза смотревшую на него. Если бы можно было все вернуть! И вдруг он узнает, что Лина, оказывается, тоже приехала в Одессу с группой актеров давать концерты в Летнем театре парка имени Шевченко. Олег поспешил туда, оставался последний вечер их выступления. Лина встретила его тепло и нежно. После концерта он пригласил Лину на ужин. "Я приду,- согласилась она,- с Аллой Ларионовой". Когда актрисы в вечерних платьях вошли в ресторан гостиницы "Лондонская", публика, сидевшая там, зааплодировала, а некоторые мужчины даже встали. Оркестр заиграл медленный фокстрот "Маленький цветок". Все, как прежде, во времена их романа, только Лина другая, взрослая, избалованная вниманием мужчин к ее красоте.

- Ты помнишь, - спрашивал Олег, пытаюсь вернуть былое,- помнишь наш "Маленький цветок"?

- Это не забывается ...

- Алла, скажи ей, пусть она выходит за меня замуж!

- Лина, выходи за него! - смеялась Алла.- Вы хорошо смотрите вместе.

На другой день Лина улетела в Москву. Олег еще спал в своем гостиничном номере, когда зазвонил телефон. "Я люблю тебя",- услышал он в трубке голос Лины, и последовали короткие гудки.

Вскоре Олега вызвали в Москву на озвучивание картины "Последняя жертва". Лина тоже была там. Она уже знала, что Олег разведен и что между ними больше нет никаких препятствий. Боясь потерять ее снова, Стриженов на глазах всей съемочной группы рухнул перед ней на колени и сделал официальное предложение. Лина дала согласие...

РОМАН ДЛИНОЮ В ПОЛВЕКА

Морозным зимним днем 1957 года Наташа сидела на диване в своей комнате. Она готовилась к сессии и, сосредоточенно читая конспекты, и одновременно чутко прислушивалась к звонку в дверь. Как всегда, с минуты на минуту, должен был прийти Шура. Вот уже семь лет, как они встречаются, ни разу не ссорились и никогда не расставались.

Прозвенел звонок, домработница Маруся ушла за продуктами, и Наташа открыла сама. Александр вошел, обдав ее холодом, воротник пальто поднят, шапка надвинута на глаза, а в руках огромный сверток, который он бережно положил перед Наташей на пол. Замерзшими пальцами бечевку, он осторожно снял бумагу, и Наташа увидела нежно-белый куст цветущей сирени в кадке. Отвернувшись, чтобы снять пальто, Александр буркнул:

- Пошли в загс.

Афина Паллада

Однажды шестнадцатилетняя Наташа спросила у мамы, как распознать, настоящая любовь или нет. И мама ответила:

- Если ты увидишь его в кальсонах и не разлюбишь после этого, значит, любовь настоящая.

- До сих пор не знаю, люблю ли я своего мужа? - иронизирует над собой Наталия Николаевна.- Кальсон-то у него не оказалось.

Уже полвека, как Александр Анатольевич Ширвиндт и Наталия Николаевна Белоусова вместе; из них более сорока лет они женаты.

- Я очень любил молоко, а у Белоусовых у единственных на даче была корова - вот я и ходил к ним каждый день,- шутит Ширвиндт, вспоминая, как он познакомился с будущей женой.

Когда семья Белоусовых-Семеновых вернулась из эвакуации, на даче в Новом Иерусалиме не нашли ничего, даже Наташиных кукол - все разграбили отступавшие от Москвы немцы. Первым делом нужно было наладить быт и откормить детей. Наташа в эвакуации переболела брюшным тифом, у нее открывался туберкулез. На семейном совете было решено купить корову. Бабушка Алевтина Михайловна в тот же вечер села писать письмо Всероссийскому старосте Михаилу Ивановичу Калинин. В письме она изложила все обстоятельства дела и просила разрешения приобрести корову. Калинин дал разрешение незамедлительно - в правительстве их семью знали очень хорошо. Наташин дед, мамин отец, академик Владимир Николаевич Семенов до войны был главным архитектором Москвы. Поскольку мама и бабушка в коровах не понимали ничего, то купили самую красивую, вот с такими глазами. Буренку назвали Афина-Паллада - ласково Лада. Молока у нее было - кот заплакал, а бабушка уже поспешила и сепаратор приобрести, чтобы гнать свое масло. В общем, Афина-Паллада стала членом семьи, лишним ртом, ведь сено для нее стоило недешево. На следующий год купили вторую корову, не такую красивую, зато молочную.

То лето 1951 года было каким-то особенным. Ребят в Новом Иерусалиме собралось много как никогда. В дачном поселке, который назывался НИЛ (наука, искусство, литература), жила московская творческая интеллигенция: драматические актеры, артисты эстрады, известные писатели, артисты Большого театра. Тут же был лагерь хореографического училища Большого театра.

Наташа дружила с дочерьми известного художественного тещеца Дмитрия Николаевича Журавлева - Наташей и Машей, а вообще компания у них была большая, человек двадцать. Днем ребята купались, катались на лодках, играли в волейбол, а вечером, после ужина, танцевали под патефон бальные танцы, играли в "почту". В это лето супруги Ширвиндт с сыном Шурой первый раз гостили на даче у Журавлевых. Ребята чаще всего собирались на их веранде. Наташа увидела Шуру в любительском спектакле "Без вины виноватые" по Островскому - играли всерьез, как настоящие артисты. Исполнителю главной роли Александру Ширвиндту было 14 лет, а героине 12.

- Вот бы подружиться с этим красивым мальчиком,- подумала, глядя на него, Наташа.

После вечерних посиделок, когда ребят загоняли спать, в поселке наступала тишина. В час ночи мальчишки тихо и незаметно вылезали из окон своих спален и шли будить девчонок, которые в этот час тоже не спали и ждали только сигнала, чтобы улизнуть на улицу. Шли на берег реки, разводили костер, пекли картошку, которую таскали с колхозного поля, и сидели до рассвета. Утром родители недоумевали, отчего дети так долго не встают и просыпают завтрак?

К концу лета компания разбилась на парочки. Девчат было ровно половина. Неожиданно в поселке появился новичок - сын известного вахтанговского актера Михаила Степановича Державина - Миша. Он ходил в стильных шортиках, был очень хорош собой, а, главное, умел кричать по-тарзаньи. Тогда только что прошел в кинотеатрах нашумевший фильм "Тарзан". Все девчонки сразу страшно в Мишу влюбились. В компании начались ревность и скандалы, но Мишу неожиданно увезли в Москву. В те годы обучение мальчиков и девочек в школах было раздельное, но ребята не потеряли друг друга из вида и после лета. На Натальин день, 8 сентября, собрались в большой квартире Белоусовых-Семеновых. Наташ в компании было целых восемь. Шура Ширвиндт пришел с подарками для всех

именинниц. Девочкам от подарил керамические чашечки, а Наташе Белоусовой - фарфоровую, на блюдечке.

"Бесприданница"

Накануне свадьбы Наташа сказала маме:

- Я пойду к Шуре и уж останусь там ночевать, ладно?

Родители и бабушка с дедушкой долго совещались по этому поводу, но все-таки Наташу отпустили. Захватив полотенце и ночную сорочку, Наташа пошла к Ширвиндтам. Они жили в арбатском переулке в большой коммунальной квартире, где, кроме них, было еще восемнадцать человек соседей. Выведя Наташу на кухню и показывая им сорочку и полотенце, Александр сострил:

- Взял я себе жену, а вот и все ее приданое.

До двадцати одного года невеста-"бесприданница" жила в пяти-комнатной квартире трехэтажного особняка возле Храма Христа Спасителя, в переулке. Особняк этот был построен по проекту деда, как, впрочем, и дача в Новом Иерусалиме. У Наталии Николаевны было очень счастливое детство, и когда ее спрашивают, что такое, по ее мнению, ностальгия, она отвечает: "Это дом, в котором я выросла". До сих пор она иногда приезжает в переулок, где стоит дом ее детства, заходит во двор и смотрит на окна.

В семье Белоусовых-Семеновых не бывало ссор, никто никогда не повышал голоса, дети не слышали от взрослых таких слов, как "нет", "нельзя" и тому подобное. Однажды Наташа сильно простудилась, у нее болело горло и из-за этого срывалась интересная вечеринка. Мама, видя, как дочь расстроена по этому поводу, не выдержала: "Закутайся хорошенько, дыши в шарф, но пойд".

Наташа с Шурой встречались ежедневно. То выгуливали допоздна по окрестным переулкам Наташину собаку, то шли в кино, зимой на каток. Наташа иногда не успевала сделать все уроки и вечером, убегая на свидание, просила бабушку:

- Бабуля, нам по истории задали вот этот параграф, прочти, ладно?

Бабушка учила параграф, заодно искала в домашней библиотеке дополнительный материал на заданную тему и утром, пока кормила завтраком не выспавшуюся внучку, читала ей лекцию по истории. Наташа легко получала пятерки.

Мама Светлана Владимировна имела высшее художественное образование, но не работала, а занималась только детьми - Наташей и Володей. Она дала им блестящее образование и воспитание. Детей учили музыке, рисованию, хореографии. Иногда подруги пеняли Светлане, что она не приучает дочь ни к какой домашней работе, а она лишь коротко отвечала: "Жизнь научит". Сама Светлана Владимировна выросла и воспитывалась в Лондоне. Ее мама, Наташина бабушка, по происхождению дворянка, вынуждена была эмигрировать: царское правительство запретило ей проживание в Москве и Санкт-Петербурге за участие в подготовке побега из тюрьмы революционера Петра Кропоткина. Как только произошла февральская революция, бабушка с мужем и тремя детьми вернулась в Россию. Алевтина Михайловна прожила жизнь, не меняя своих убеждений. Когда в 1928 году вдруг арестовали дочь Светлану, она порывалась написать жалобу Сталину. Случайно оказалось, что дальний родственник Наташиного отца был знаком с наркомом Середой, который еще с Лениным работал - и Светлану через несколько месяцев с Лубянки выпустили. Дед же ни в Бога, ни в Сталина не верил, всю жизнь оставался беспартийным, много лет занимая пост директора института градостроительства. Когда Каганович возглавлял московское правительство, то у деда отношения с ним не складывались - тот заходил слишком далеко в своих указаниях академику. Однажды Каганович нагрязнул к ним без предупреждения и, не раздеваясь, прошагал прямо к деду в кабинет. Домработница Маруся, увидев грязные следы на паркете, обомлела, и как гаркнет своим зычным голосом на всю квартиру:

- Шляются тут всякие, калош не снимают!

Марусю все в семье боялись, уж очень она была сурового нрава, обращались к ней по имени-отчеству все без исключения, и дед-академик тоже.

Редкий вечер у Белоусовых-Семеновых не бывало гостей. К вечеринке готовились заранее, украшали квартиру, сочиняли шуточные куплеты под фортепиано. Бабушку с дедом выселяли в детскую, они спали там на раскладушках, а мама с папой и гости всю ночь танцевали, играли в шарады, ставили "Живые картины". Наташа в щелочку подглядывала, как веселятся взрослые. Вот актер МХАТа Иван Кудрявцев вальсирует с Наташиной мамой. Он еще молод, но уже известен. За роль Николеньки в "Днях Турбиных" ему дали звание народного Сталин очень любит этот спектакль, смотрел его раз двадцать, не меньше. Наташе Кудрявцев приходится родственником, мамина сестра вышла за него замуж. А вот сидит в кресле, обмахиваясь салфеткой, раскрасневшаяся от танцев большеглазая женщина. Это Мария, племянница Инессы Арманд. Она - жена Наташиного родного дяди. Он так красиво за ней ухаживал, у них был такой роман! У окна стоит невысокий темноволосый мужчина. Это брат Марии, кинооператор Павел Арманд. Наташа слышала, что когда-то давно, когда ее еще и на свете не было, Павел был безответно влюблен в ее маму и даже стрелялся. И Наташа, наконец, засыпала под сладкие звуки танго.

Жизнь в семье Белоусовых Семеновых шла по раз и навсегда заведенному этикету. Обедать садились не раньше семи вечера. За столом собиралась вся семья. Маруся подавала суп в супнице и разливала его вначале бабушке, потом дедушке, затем маме, папе, а потом Наташе и брату.

...После свадьбы молодожены поселились у Ширвиндтов - так Александр настоял - и прожили там десять лет. Свадеб было целых три. Сначала у Ширвиндтов для родных и друзей, затем у Белоусовых, а третья - самая веселая - в Ленкоме, куда после Щукинского училища поступил Александр Ширвиндт. На свадьбе гуляла вся труппа тогдашнего Ленкома, были еще друг детства Михаил Державин, друг юности Михаил Козаков, Марк Захаров с женой Ниной. Артисты разыграли великолепный капустник, а певец Виктор Беседин исполнил "Эпиталаму" так, что зазвенели стекла в окнах.

Фаршированная рыба

За все годы их супружеской жизни Александр так и не привык к звонку будильника.

- Что это?! - всякий раз вскидывался он, когда ровно в восемь будильник начинал верещать.

- Будильник.

- Ты куда?

- На работу.

- Не ходи, оставайся за мой счет.- И падал лицом в подушки.

Наташа работу свою обожала. Она стала архитектором, как дедушка и ее старший брат Владимир (ныне трижды академик).

Молодые жили весело, большая компания дачных друзей пополнилась друзьями-архитекторами и друзьями-актерами. Самый бурный период был тогда, когда Александр перешел из Ленкома в Театр Сатиры, который он теперь возглавляет. Наташа ходила на все спектакли мужа, а после спектакля обычно собирались у Андрея Миронова - он тогда уже имел отдельную квартиру.

- Нам было так хорошо и весело всем вместе, что нередко мы не расставались до утра, и я даже опаздывала на работу, - вспоминает Наталия Николаевна.- Однажды опоздала на художественный совет, на котором рассматривался мой проект. Молодые были, и был кураж.

Как-то за полночь засиделись у Марка Захарова. Было лето, стояла невыносимая жара. Вдруг всем взбрело в голову поехать куда-нибудь искупаться. Сели в машину и помчались за город. Приехали на водохранилище. Пока нашли, где остановиться - кругом охранная зона - стало светать. Купаться расхотелось, но все равно с хохотом и визгом полезли в воду. Еще у них была любимая игра "пугануть" - это когда кто-нибудь от компании отделялся, его надо было разыскать, нагрянуть и пугануть. Так пуганули раз Ширвиндта Миронов с Захаровым в Харькове, куда тот уехал на съемки, а когда Андрей женился на Ларисе Голубкиной, то пуганули их. Молодожены прямо со свадьбы поехали на дачу в Красную Пахру. Поздно ночью Ширвиндт с женой и Марк Захаров с Ниной нагрянули туда. В окнах было темно. Они

стали стучать, кричать, будто хотели вломиться. Александр нашел раскрытое окно и впрыгнул в него. После шума, гама и неразберихи, когда выяснилось, что это друзья, снова накрыли стол и сели праздновать. Андрей был очень доволен произошедшим, а невеста что-то не обрадовалась.

Александр еще в училище стал играть героев-любовников, и у него появились первые поклонницы. Однажды на показ Наташа пришла в училище с мамой. Когда возвращались домой тихими московскими переулками, держась под руку и тесно прижавшись к друг другу плечом, как две подруги, мама сказала: "Ой, Наташка, я бы, на твоём месте, в него влюбилась". Три поклонницы Александра сохранились у него на всю жизнь. Выходя замуж, Наташа не представляла себе, как эти поклонницы перенесут его "измену". Когда родился Миша, они пришли к Ширвиндтам домой поздравить. Александра не было, Наташа встретила их сама. Они преподнесли ей букет желтых роз и серебряные рюмки, и Наташа поняла, что они ее "приняли".

Первый фильм, в котором Александр Ширвиндт снялся - "Она вас любит?" - принес ему широкую известность. Они купили машину, и Наташа сразу же выучилась водить. Тридцать один год, которые Наташа посвятила своей работе, прошли, как один миг. По ее проекту были построены драматический театр в Омске, санатории в Гагре и Прибалтике, гостиничный комплекс АВС в Москве. Когда началась перестройка, архитектурная мастерская осталась без заказов, и Ширвиндт уговаривал жену уйти с работы совсем. Она никак не решалась. Однажды он сказал ей:

- Я возьму тебя на содержание, если ты научишься делать фаршированную рыбу.

Фаршированная рыба получилась у Наталии Николаевны сразу, и теперь нет равных этому блюду. Вообще-то Александр Анатольевич в еде неприхотлив, но ведь редкий день у них не бывает в доме гостей. Никого из друзей за эти годы они не потеряли, кроме тех, кто безвременно ушел. По-прежнему часто собираются вчетвером - Александр с женой и Марк с Ниной - играть в покер и в лото, а когда приезжает сын с женой и детьми, то Александр любую трапезу называет праздничной. "Ну что, готов у нас праздничный завтрак?" спрашивает он, входя на кухню. С появлением внука и внучки жизнь семьи Ширвиндт и их взаимоотношения не изменились, добавилась только совершенно сумасшедшая любовь к внукам. Если за окном пошел снег, то Александр Анатольевич говорил жене: "Позвони детям, пусть они не идут в школу".

Когда Наташа выходила замуж за Александра, она была совершенно уверена в том, что у нее будет такая же замечательная семья, как у ее родителей.

И родители Александра любили друг друга так, будто встретились только вчера. Анатолий Ширвиндт был скрипач, одно время работал в оркестре Большого театра, затем преподавал. Мама - актриса, но по состоянию здоровья оставила МХАТ и работала редактором в филармонии. Мише было четыре года, когда умер дедушка. Раиса Самойловна от этого удара не смогла оправиться, ослепла. Она прожила еще на свете двадцать пять лет, но из-за перелома шейки бедра почти лишена была возможности передвигаться. Каждый день к ней приходили друзья и знакомые читать ей вслух и общаться. Александр выписывал для мамы все толстые журналы, которые выходили тогда. Наташа успевала, отработав весь день, и на спектакль к мужу, и в гости, и приготовить обед и ужин на энное количество персон - ведь в доме всегда был народ и кто-то оставался обедать, а заодно и ужинать каждый день. Единственное, чего она не успевала - проверять уроки у Миши. Миша учился неважно, Наташа переживала, а муж в этом вопросе был ей не советчик. Он считал, что детей воспитывать - только портить.

Любимое число 13

Кризис в их супружеских отношениях наступил, когда Мише было десять лет. Ничего не сказав ни родителям, ни мужу, Наташа уехала с сыном в Гагру. Там строился санаторий по ее проекту. Стоял апрель. В Гагре бушевала весна, все цвело, и постепенно Наташа успокоилась. Вечером, гуляя с Мишей вдоль кромки моря, она уже не думала ни о чем плохом. Хватившись жены, Александр не нашел ее ни у родителей, ни на работе. Он понял,

что она взяла командировку и уехала, но то, что она уехала вместе с сыном, многое ему объясняло. Через две недели, когда Наташа должна была вернуться, он решил встретить ее на вокзале, но каким поездом она приедет, не знал, поэтому решил встречать все, какие придут в этот день с юга. У Наташи было тринадцатое место в тринадцатом вагоне и возвращалась она тринадцатого апреля. Прямо мистика какая-то, но Наташа была не особенно суеверна. Поезд пришел в шесть утра. Серое мгlistое московское утро встретило их сыростью и холодом. На перроне никого не было, редкие пассажиры уже ушли. В начале поезда одиноко маячила мужская фигура. Вдруг Миша, вырвав у нее свою руку, побежал и повис на шее у незнакомца. И как будто ничего между ними не произошло, никакой размолвки. Сели в машину, приехали домой, а вечером Наташа с мужем пошла в Дом Актера, где снималась для телевидения передача "Семь нас и джаз", в которой участвовал Александр Анатольевич. А после поехали к Андрею Миронову и, как всегда, засиделись там до петухов.

Самый старейший из друзей Ширвиндтов Михаил Державин считает, что секрет их любви и долголетнего брака заключается в том, что у Наталии Николаевны необыкновенно тонкое чувство юмора. Юмор юмором, но любовь вещь серьезная и не терпит никакого унижения. Однажды муж признался Наташе, что у него в театре был роман с одной актрисой. Наташа этого не знала и даже не почувствовала. Несмотря на то, что популярность ее мужа росла год от года, несмотря на то, что они практически никогда не разлучались, кроме тех моментов, когда Александр Анатольевич бывал на гастролях и киносъемках, но даже в этих поездках жена иногда сопровождала его, у нее была своя собственная очень интересная жизнь. Работа приносила ей громадное творческое удовлетворение. У нее было много друзей. Александр Анатольевич любил вместе с ней бывать в Суханово, в Доме творчества архитекторов. Архитекторы ведь люди особенные, недаром из их среды вышли такие знаменитости, как кинорежиссер Георгий Данелия, писатель Виктор Некрасов, джазист Алексей Козлов и многие другие интересные люди.

- Но если бы я знала об этом,- делится Наталия Николаевна, вспоминая давнее,- ушла бы в тот же день. Не понимаю, как можно все знать и продолжать жить вместе.

Однажды они поехали в Суханово на уик-энд. Наташа любила играть в теннис. Компания там была, как всегда, интересная, а среди друзей был один однокурсник, с которым у нее в институте был легкий роман. Тогда это был красивый молодой человек, на которого Александр первым обратил внимание и показал его Наташе, когда они пришли на новогодний вечер в институт. "Кто этот парень, не знаешь?" - спросил он Наташу. Роман Наташи с однокурсником начался и кончился сам собой, но Александр, видимо, об этом помнил всю жизнь. Дома он устроил жене такую бурю из-за того, что бывший поклонник, проходя мимо, поприветствовал Наташу по-свойски, слегка хлопнув ее теннисной ракеткой чуть ниже спины. Александр Анатольевич, сидя на трибуне теннисного корта все видел. Эта сцена ревности была единственная за всю их супружескую жизнь, но зато какая!

- Не понимаю, с чего он так вскипятился? - слегка пожимает плечами Наталия Николаевна.- Все было так давно...

На самом деле, все, что касается дружбы и человеческих взаимоотношений для Ширвиндта свято. Однажды, придя домой, он застал жену плачущей из-за того, что ее друг однокурсник Николай тяжело заболел и ему необходима срочная операция, а в институте сказали, что нужно шесть лет ждать своей очереди. Александр Анатольевич на другой же день поехал туда сам. С его узнаваемостью и всенародной к нему любовью ему иногда удавалось творить чудеса: добывать квартиры для актеров своего театра, путевки в санатории, устраивать детей в лагеря и тому подобное. Николая прооперировали, прошло с тех уже десять лет.

На днях позвонили из музея и попросили у Наталии Николаевны среди прочих семейных реликвий письма Александра Анатольевича. Когда они расставались, Александр писал ей не от случая к случаю, а каждый день, длинные, полные размышлений философские письма. Наталия Николаевна полезла в чемодан за письмами, давно она их не видела.

Достала несколько толстых пачек, перевязанных ленточками. Читала всю ночь. А утром позвонила в музей и сказала, что письма эти останутся в семье.

ДЕВОЧКА ИЗ ГОРОДА НЕЖИНА

Летом 1947 года отец впервые после окончания войны приехал из Германии в отпуск. За три года, что они не виделись, Эля сильно изменилась. Еще похорошела, длинные косы уже не заплетала как школьница, а собирала в тяжелый пучок на затылке. Худенькая, смуглая, со взрослой женской прической она выглядела особенно трогательно. Отец невольно залюбовался ею.

- Ну, дочка, как дела? Что ты решила с учебой?

Он уже знал, что у Эли не заладилось с медициной и она не пойдет по его стопам.

- Хочу стать актрисой,- сказала Эля и взглянула на отца с надеждой, что он не станет возражать.

Мама сидела тут же на диване с младшей сестрой Соней и молча смотрела на них.

- Это не профессия,- сказал, как отрезал, отец.

Эля отлично знала отцовский характер, знала, что он тверд, как камень, что его не разжалобишь ни слезами ни мольбами, но, молчала, потупившись, и весь ее облик говорил о том, что она будет стоять на своем. Отец понял ее. Действительно, девочка совсем взрослая и за годы войны так привыкла к самостоятельности, у нее уже есть собственный жизненный опыт.

- Хорошо,- сказал он,- я поеду с тобой в Киев и посмотрю, что это за институт такой.

Эля обрадовалась. Ехать не одной, а вместе с отцом-фронтовиком - это совсем другое дело, ведь к фронтовикам отношение особое, они герои. Отец пришел к новому кителю майорские погоны, надраил пуговицы и надел все ордена и медали.

- Чем могу быть полезен? - весь растворился в любезности директор института, когда они вошли в его кабинет.

Отец, за годы войны отвыкший от гражданской жизни, ступешался от такого тона.

- Пожалуйста,- как можно мягче попросил он,- объясните моей глупой дочери, что ей делать нечего в вашем институте.

Директор остолбенел, а Элю будто взрывной волной отбросило. Она вылетела опрометью за дверь и далее на улицу. Слезы хлынули из глаз. Допоздна она бродила по улицам Киева и никак не могла успокоиться. Обида на отца жгла сердце, но, делать нечего, скоро ночь на дворе, придется идти к бабушке, у которой они остановились. Отец давно был там и уже нервничал, ожидая дочь. Эле пришлось выдержать еще один разговор на тему, кем стать и куда пойти учиться. Он приводил один за другим веские доводы, уверенный в своей правоте и в том, что желает дочери добра. Эля уперлась:

- Я вообще никуда не пойду учиться и никем не стану!

- Ну и замечательно,- подвел черту под разговором отец.- Я заберу вас с мамой в Германию. - И увез их в Дрезден.

Там Элю определили в десятый класс средней школы, ведь когда началась война, ей было 13 лет и она не смогла доучиться, потом экстерном сдавала экзамены на аттестат. Отсутствие систематических знаний очень мешало и такие предметы как физика, тригонометрия были для Эли китайской грамотой. К счастью, через три месяца отца перевели в Вильнюс и они покинули Германию. Но родители не могли взять дочерей с собой, потому что в Вильнюсе еще не было жилья, и девочки вернулись одни в Нежин.

Я сама

Двадцать второго июня 1941 года жарким летним днем Эля сидела у распахнутого окна и читала "Войну и мир". Они с мамой и Соней только что приехали из Киева к отцу - капитану медицинской службы - в город Нежин Черниговской области. Легкий ветер пузырил кружевную занавеску. Эля была поглощена чтением. Вдруг в окно всунулась лошадиная морда с пофыркивающими влажными ноздрями. Эля вскочила со стула, а вестовой, перегнувшись через седло, передал запечатанный пакет вошедшей в комнату маме. Через час пришел на обед отец и, вскрыв пакет, произнес: "Война!.." После обеда он сразу

ушел в госпиталь и больше уже домой не приходил.

Первые два дня еще не было страха, ведь Нежин находился в глубоком тылу, а война началась где-то там, далеко. Но на третий день войны немцы уже бомбили железнодорожную станцию Нежина, и всю ночь над городом полыхало зарево пожаров. Началась всеобщая мобилизация. На стенах домов появились плакаты с призывом ко всем защищать Родину.

Эля пошла к отцу в госпиталь, чтобы предложить какую-то свою помощь, но часовой ее не пропустил. Тогда она обошла госпиталь с другой стороны и перелезла через забор.

- Что ты умеешь делать? - спросил ее комиссар.

Он знал, чья это дочь, только не предполагал, что Эле всего тринадцать. Она была рослой, уже сформировавшейся девушкой.

- Все умею! - Сказала Эля твердо.

И она не слукавила. Ей было 9 лет, когда родилась сестренка. В их семье не было ни нянь, ни домработниц. Когда они жили в Киеве, бабушка вела хозяйство и приучала Элю к работе по дому. Она научила ее стирать, мыть пол и посуду, хозяйничать на кухне. Эле пришлось водиться с маленькой Сонечкой. Она ее и кормила, и обстирывала, гуляла с ней и спать укладывала.

- Хорошо,- сказал комиссар,- будешь читать раненым письма и газеты, помогать отвечать на письма родных.

Но работа в госпитале оказалась не такой простой и вскоре стало не до писем и газет. Раненые появились через несколько дней, и госпитальные палаты наполнились криками, стонами, запахом крови и пота. Среди обслуживающего персонала Эля была самая молоденькая, кроме нее, была еще 15-летняя дочь аптекаря, остальные санитарки и медсестры были старше двадцати лет. Но Эля маленькой себя не чувствовала. Физически она была сильной, могла даже не слишком тяжелого бойца перенести сама с носилок на койку. С самого начала никто не обратил внимания, что в госпитале работает наравне со взрослыми ребенок, а вскоре и вовсе стало не до этого. Госпиталь отступал вместе с армией и наступал вместе с ней, находясь все время вблизи линии фронта и неоднократно оказываясь под бомбежкой. Эля видела множество страданий и смертей. Через два месяца открылись медицинские курсы, и Эля, не задумываясь, пошла учиться на медсестру, ведь она с детства знала, что станет врачом и с таким успехом лечила всегда своих кукол. После курсов ее перевели работать лаборанткой. Она заходила в операционную, чтобы взять кровь у раненого, а, выходя обратно, едва сдерживала сладкий противный ком дурноты в горле - вид крови и открытых ран был не переносим - а нередко с ней приключался короткий обморок. Мама тоже работала сутками в госпитале. Они с Элей старались дежурить поочередно, чтобы было кому оставаться с Соней. Соню прятали от людских глаз, ведь детям на фронте находиться было нельзя и если бы командование узнало об этом, отправили бы девочку в детский дом.

В ноябре 1944 года госпиталь, попавший под бомбежку, очередной раз переформировали в Одессе. Предстояла отправка его за границу. Красная Армия вовсю гнала немцев вспять. Элю за границу не пустили, маленькая еще, несовершеннолетняя. Они с мамой и сестрой вернулись в Киев, но дом их лежал в руинах. Тогда им пришлось приехать снова в Нежин, к военкомату которого был приписан отец. Жилье их оказалось занято чужими, они сняли комнату. Элю как фронтовичку приняли в медицинский техникум сразу на второй курс. Девочка с косичками и в солдатской гимнастерке вызывала у всех большую симпатию. Первое же практическое занятие по хирургии стало для нее огромным потрясением. Больному должны были через щеку вскрыть воспаленную надкостницу, но как только дали ему наркоз, он страшно захрипел и мгновенно умер. Среди медперсонала началась паника, практикантов из операционной тут же выставили. Эля была в шоке. Сколько трупов, ампутированных конечностей, гангрены видела она на войне, но вот что бы так просто в обычной мирной жизни взять и зарезать человека - к такому она была не готова. По другим дисциплинам у нее тоже не сложилось. Например, акушерство. За одну ночь Эля

приняла четверо родов и все оказались с патологией. После этой ночи у нее в косах появились первые седые волосы.

"Что это за профессия такая? - думала она в полном замешательстве. Выходит, в жизни быть врачом значительно сложнее, ответственнее, чем на фронте?"

И все-таки она окончила техникум с отличием, в надежде, что сможет пересилить себя. Однако, занятия в анатомичке, где они препарировали сердце, поставили точку во всех ее сомнениях. Эля пришла домой обедать, а мама радостно сообщила, что сегодня у них рассольник с телячьим сердцем время-то было голодное. Эля заглянула в кастрюлю, и ей стало дурно. Телячье сердце по размерам такое же, как человеческое.

Когда Эля поняла, что не станет врачом, как отец, который и терапевтом и хирургом был прекрасным, перед ней встал вопрос: кем быть?

Хочу быть актрисой

После неудачной поездки с отцом в Киев Эля понимала, что он не смирится ни за что с ее желанием стать актрисой. И даже потом, когда она уже ею стала, родители не сразу поверили, что это серьезно. Только когда она сыграла Таню в одноименной пьесе Арбузова, родители были на спектакле и после отец сказал: "Хорошо. Работай дальше" и больше никаких слов похвалы или восхищения, а вот уже на фильм "Неоконченная повесть" они пошли совсем с другим настроением и даже взяли с собой друзей. Ну и, конечно, потом всю жизнь гордились своей талантливой и знаменитой дочерью. Но это было потом, а пока Эля попробовала пойти на компромисс с родителями - поступила в Нежинский педагогический институт. Мама с отцом были в Вильнюсе. Еще учась в медицинском техникуме, Эля участвовала в самодеятельности, играла в спектакле и занималась хореографией. И ей говорили: "У тебя талант, тебе надо в актрисы". Поступив в педагогический, Эля продолжила занятия хореографией и однажды на смотре-конкурсе их танцевальный кружок занял первое место. Элю наградили 12-дневной путевкой в Дом отдыха под Киевом. Там отдыхали артисты и деятели культуры. Однажды устроили вечер самодеятельности, в котором, конечно, приняла участие и Эля. На другой день актриса театра имени Франко Наталия Гебдовская, встретив Элю в вестибюле, поинтересовалась:

- Где вы учитесь?

- В педагогическом.

- Жаль, вам надо бы в театральный.

После такой рекомендации Эля уже больше не могла колебаться. Вернувшись из Дома отдыха, она отвезла сестренку к родителям в Вильнюс и сказала, что едет поступать в Киев, в театральный. Отец провожал ее на вокзале. Он купил ей в дорогу бутылку сидра и буханку хлеба, больше ничего не было, время было голодное. От Вильнюса до Киева нужно было ехать через Гомель и там на вокзале двадцать шесть часов ждать поезда - поезда ходили еще крайне редко.

В театральный Эля поступила легко. Шел 1949 год. На помощь родителей Эля, конечно, не рассчитывала. У нее осталась летняя стипендия, которую выдали в педагогическом институте, пятьсот с чем-то рублей, и на первое время их должно было хватить. Эля понимала, что должна научиться зарабатывать на хлеб сама. Еще когда она подавала документы, к ней подошли и спросили: "Хочешь сниматься в кино?"

- Конечно! - обрадовалась она.

И она стала подрабатывать в массовке. После первого курса ей предложили роль врача в фильме "В мирные дни", в потом ее пригласили в картину "Богатырь" идет в Марто". Началась настоящая жизнь актрисы, и у Эли возникла большая проблема - куда девать собаку. Учась в театральном, Эля подружилась с Яной, которая работала на киностудии имени Довженко. У Яны была овчарка, названная в честь любимой подруги Элей. Собака была крутого нрава, не подпускала к себе ни одного кобеля и на вязку ее водили в зоопарк к волку. Однажды подруга принесла Эле щенка - полуовчарку-полуволчонка и сказала: "Вот тебе на память". Из щенка вырос красивый, умный пес и теперь Эле предстояла с ним разлука, надо было уезжать в киноэкспедицию. Эля поехала в Вильнюс - собака находилась

там - и после семейного совета решено было отдать пса в хорошие руки. Она отвезла его на хутор и дала крепкое-прекрепкое честное слово новым хозяевам, что больше никогда не покажется на глаза своей собаке. Сердце разрывалось от горя, но что было делать...

Как она стала Аксиной

Фильм "Неоконченная повесть", в котором Элина Быстрицкая опять-таки! - сыграла врача, принес ей известность. Она стала получать мешки писем от почитателей и поклонников. Поначалу даже отвечала на все письма, потом поняла, что это невозможно. На премьере картины Элине не удалось побывать. Она начала сниматься в фильме "Убийство на улице Данте", и вдруг гримерша, готовя ее к съемке, просила: "А что это у вас белки глаз такие желтые?" Оказалось, у Элины желтуха, видимо, заразилась в экспедиции или на гастролях. Ее положили в больницу. Потом поехала с киноделегацией во Францию. В группе были только четыре актрисы: Алла Ларионова, Людмила Целиковская, Валентина Калинина и Элина Быстрицкая. Элине было очень интересно узнать, что творится в Москве, и на ее вопрос Алла Ларионова ответила, что в Москве режиссер Сергей Герасимов собирается экранизировать "Тихий Дон" Михаила Шолохова. Эта новость привела Элину в сильное волнение. Вот бы сняться у Герасимова в роли Аксины! Элине казалось тогда, что жизнь казаков, их быт и нравы она знает очень хорошо, ведь во время войны, когда шла битва на Курской дуге, их госпиталь долго стоял под Курском в казацкой станице. Элина видела жизнь казаков своими глазами. Вернувшись в Москву, она тут же позвонила Герасимову, телефон которого ей дала Алла, чтобы узнать, когда начнутся пробы.

- Чего ждать,- сказал Герасимов,- сейчас приезжайте, у меня тут один Григорий уже сидит.

Герасимов поразил ее, она представляла себе его совсем другим. Он был очень элегантен, но вместе с тем резок и требователен в работе. Пробы тянулись целых полгода. Более тридцати актрис претендовали на роль Аксины. Утверждал сам Михаил Шолохов. Элина наезжала из Вильнюса в Москву - в Вильнюсе она тогда работала в театре - и страшно волновалась, ожидая окончательного решения. Когда приехала очередной раз, она уже знала, что не сегодня завтра будет какой-то результат. Она ничего не могла делать, не могла есть и пить, только целыми днями караулила телефон. Друзья, у которых она в Москве остановилась, тоже очень за нее болели. Звонок раздался все равно внезапно. Элина замерла, не дыша. Звонила второй режиссер "Мосфильма" Клавдия Ивановна Николаевич. Элина взяла трубку и услышала: "Аксинья, поздравляю!" От восторга она чуть не лишилась чувств.

Любовь и жизнь

Два года работы с Сергеем Герасимовым были для Элины Быстрицкой необыкновенно интересными. Это была не только школа мастерства и постижения профессии, но и школа жизни. Элина приобретала уникальный опыт, ведь ученики Герасимова всегда были элитой советского кино, а тут ей выпала блестящая возможность работать непосредственно с этим мастером. Вскоре она поняла, что совсем и не знала быта и жизни казаков. Герасимов требовал от актеров абсолютной натуральности, и образ жизни, который на самом деле вели казаки, физически вынести было очень тяжело. И хотя у Элины был свой уникальный опыт, благодаря войне, ей не хватало жизненного, женского опыта и она поначалу многого не понимала. Еще на пробах она столкнулась с этими трудностями. Снималась постельная сцена. Для Элины было совершенно невозможным оказаться так близко с незнакомым мужчиной, хоть это был и актер. И пришлось проложить между ними одеяло в скатку.

В юности, еще со школы, у Элины был жених. Они собирались пожениться, но он уехал поступать в другой город и на некоторое время им пришлось расстаться, Эля осталась в Нежине. Через несколько месяцев письма от него перестали приходить, и Элина не знала, почему. Потом его мать сказала ей, что сына ее арестовали. Тогда очень много людей арестовывали, жить нужно было очень осторожно. Семь лет Элина ничего не знала о его судьбе, не знала, жив ли он вообще. Все равно ждала, верная своему слову. Когда они потом встретились, уже в Киеве, она поняла, что все прошло...

В их семье не было культа красоты, хотя родители были красивы и дочери взяли от них

все, что могли. Отец был высокий, синеглазый шатен, мама стройная кареглазая темная шатенка, но девочек растили в скромности, без особенных нарядов и баловства, и Эля долго не знала цену своей красоте. Еще когда она работала в госпитале, один раненый сказал другому: "Посмотри, какая хорошенькая девушка". Эля тоже обернулась, но позади никого не оказалось и она поняла потом, что говорили о ней. Придя домой, она подошла к зеркалу и повнимательнее посмотрела на себя. В отражении стояла худенькая, с большими темно - карими глазами и длинными косами в простом платье девочка. В общем, ничего особенного, как показалось Эле.

А в "Тихом Доне" ей пришлось играть красавицу Аксинью, страстную любовницу. Поначалу ей не нравился Петр Глебов, исполнитель роли Григория, по фильму ее любовник. Он был старше Элины минимум лет на десять, хотя Григорий в романе, наоборот, моложе Аксиньи. В сцене, когда Аксинья покрывает поцелуями шею и грудь Григория, Элина просто зажмурилась от страха. Обнимаясь, Элина и Петр поворачивали друг друга поочередно к камере спиной, а на экране это выглядело по-настоящему. Герасимов, впрочем, не имел ничего против того, что Элине не нравится Глебов. Не нравится, значит, не равнодушна, значит, может сыграть любовь. Позже, когда Герасимов показывал актерам отснятый материал, Элина, увидя Глебова на экране в одном длинном крупном плане, вдруг поняла, какой мощи и какого обаяния был этот артист. Фильм надолго сплотил киностудию. Старик Мелехов, которого сыграл украинский актер Данила Иванович Ильченко, еще много лет "семью" держал, приглашая к себе домой на борщ, и они все приезжали - и Петр Глебов, и Зинаида Кириенко, и Элина Быстрицкая, и Сергей Герасимов, конечно.

С выходом на экраны "Тихого Дона" жизнь Элины в корне изменилась. Она стала известной, сделалась москвичкой, получив жилье в столице, и поехала по миру. Побывала с картиной во Франции, Польше, Чехословакии, Америке. Во Франции у них была встреча со звездами французского кино. На вечере к Элине подошла элегантная, в красивом голубом костюме, отделанном светло-серой норкой, Симона Синьоре и участливо спросила по-немецки (Элина понимала по-немецки): "Отчего вы такая печальная?" Как было объяснить, отчего? Элина, оказавшись после войны за границей, в роскошном, веселящемся, беззаботном Париже, никак не могла понять: почему в то время как ее Родина лежала в руинах, Париж, который тоже был оккупирован немцами, французы ведь тоже воевали, Париж как был прекрасен, так таким и остался? У нее было тяжело на сердце...

Несмотря на то, что Элина уже стала кинозвездой, по ней умирали от любви сотни мужчин, она не торопилась выйти замуж, ждала настоящей встречи. Мужчины, тронутые ее красотой, часто были не прочь закрутить с ней роман. С этим она столкнулась еще в юности, когда после окончания института получила распределение в театр. Режиссер тут же назначил ей свидание вечером в ресторане.

- Я не приду,- спокойно и твердо сказала Элина, не пряча от него глаз.

Хоть он был неприятно поражен, постарался скрыть это под маской полного равнодушия и сказал в ответ ледяным тоном: "Ну смотри, тебе со мной работать".

Элина испытывать судьбу не стала, на другой же день пошла в Бюро учета и распределения кадров и сказала, по какой причине отказывается от места.

- Что вы порочите наши кадры! - возмутилась тамошняя чиновница.

И тогда Элина уехала в Вильнюс.

Ей и в голову не приходило извлечь выгоду из своей красоты и сделать таким образом головокружительную карьеру. Она полагалась только на себя, может быть, и в ущерб карьере. Во всяком случае, поездки ее за границу прекратились, как только она дала отпор одному влиятельному чиновнику.

Это произошло в Польше. Чиновник, сопровождавший кино-делегацию, сразу обратил внимание на Элину. С царственной осанкой, подчеркнуто строго и элегантно одетая и такая одинокая на вид. Казалось, стоит только подойти и обнять, как начнется роман. Он так и попытался сделать, но вдруг звонкая пощечина обожгла его щеку. Вот кошка царапучая, могла хотя бы пококетничать, поломаться, а она сразу драться!

- Ты больше никуда не поедешь!

- Ну и пусть! - резко вздернула подбородок Элина...

Еще студенткой в Киеве Элина видела несколько спектаклей Малого театра, который приезжал на гастроли. Этот театр на всю жизнь стал ее любимым и после того, как она снялась в "Тихом Доне", она рискнула прийти к Михаилу Цареву и попроситься в труппу. "Я ведь теперь такая популярная, может, меня возьмут?" - надеялась Элина. Но в театре никаких восторгов по поводу появления Быстрицкой не выразили. Ее взяли не в труппу, а на договор и только спустя полтора года Александра Яблочкина вынесла свой вердикт: "Я все поняла, что она говорит. Надо брать". Так Элина Быстрицкая стала актрисой Малого театра, в котором служит по сей день.

С Николаем, за которого она вышла замуж, судьба свела ее случайно. Элина пришла с друзьями в ресторан, а он оказался в их компании. В этот же вечер Элина влюбилась в него без памяти, у него были красивые, как у папы, синие глаза и он был так обаятелен и интересен. Вечер был просто волшебным. Прощаясь, Элина боялась лишь одного, вдруг она больше никогда не увидит Николая, но ее страхи были напрасны, потому что он объявился на следующий же день и с места в карьер сделал Элине предложение. Свадьба была веселая, в том же ресторане. Стояла осень, в скверах опадали клены, заканчивался 1958 год, а впереди была еще целая жизнь...

ПОХИЩЕНИЕ ДЖИГАРХАНИЯ

Однажды Армен Джигарханян получил письмо от незнакомки. Она писала: "Мне ничего от вас не надо, у меня на стене висит ваш портрет, я хотела бы только одного - иметь от вас ребенка".

Ох уж эти женщины! В своем стремлении непременно пожертвовать собой они и не представляют себе даже, что чтобы завоевать такого мужчину, как Джигарханян, вовсе не обязательно ложиться на рельсы.

Начало

Те, кто когда-то слышал миф о том, что Армен Джигарханян однажды выкрал свою будущую жену, как крадут невест джигиты, и, спасаясь от погони, ускакал с ней стремительно в Москву, будут разочарованы, узнав правду: это не он ее соблазнил, это она его соблазнила.

Их встреча могла бы и вовсе не состояться, потому что Татьяна появилась в Ереване накануне того, как произошло главное событие в жизни Армена Джигарханяна - известный режиссер Анатолий Эфрос пригласил его в Москву. Еще не знакомый широкой публике, но уже прославившийся на родине, тридцатилетний Джигарханян был одним из самых популярных актеров кино и театра Армении. Но Татьяна об этом не знала, потому что приехала из России, где еще не слыхали об этой звезде. У нее в тот момент был тоже некий перелом: отойдя от профессии актрисы, она стала работать в ереванском театре завлитом. Армен, как только она его увидела, покорила ее своим обаянием, но не вдруг начался их роман, предшествовало тому молчаливое томление души, неясность мысли, свободное течение времени. Нет, она не боялась, что окажется не понятой и отвергнутой, она не строила вообще никаких планов, а просто прислушивалась к себе и так и жила, переполненная чувствами. Однажды она призналась Армену, что ей отчего-то скучно, а он сказал в ответ: "Есть очень хорошее и проверенное средство от этого". "Какое?" - спросила она. "Нужно влюбиться",- ответил он и серьезно посмотрел на нее. Ей очень понравился его ответ. Он советует влюбиться? Замечательно! Но она уже влюбилась, а он ничего не видит. Еще Гёте сказал, что "начало всегда приятно, именно на пороге надо останавливаться", и Татьяне хотелось как можно дольше оставаться в состоянии неизвестности, ведь оно было таким легким и не обременительным.

Однажды он сидел у нее в завлитовском кабинете, и ее позвали к директору. Она, проходя мимо, наклонилась и, нежно поцеловав его в нос, быстро скрылась за дверью. Потом они стояли у окна, смотрели на улицу и молчали. Таня первая сказала: "Вы знаете, я последовала вашему совету". "Какому?" - не понял он. "Влюбиться. Вы посоветовали мне,

чтобы интересно жилось, влюбиться, и я влюбилась". Тут она умолкла. Он тоже молчал... "Вас",- выдохнула она.

Начались встречи, прогулки допоздна, бесконечные разговоры о жизни, о театре, искусстве. Однажды, провожая ее, он решил: "Можно вас поцеловать?" - "Разве об этом спрашивают?" - смутилась Татьяна.

Прошло так много лет уже, а Татьяна до сих пор хранит в конверте вырезанное из телеграммы слово "опровергаем". Это в первый год их брака Армен Борисович, будучи на гастролях, послал ей телеграмму со словами нежности и любви, а в конце приписал: "опровергаем". Татьяна очень хорошо понимала, о чем он хочет ей сказать. Когда они поженились, им многое нужно было опровергнуть в представлении окружающих о них: и что неизбежен антагонизм двоих, и что жена должна жить только жизнью мужа, и почти никто не верил в долговечность их брака.

Свадьбы как таковой не было. Армену нужно было срочно уезжать - Эфрос прислал телеграмму из Москвы. Они расписались уже в Москве, пригласив двух свидетелей. Не успели найти кольца, и на Танин палец было надето обручальное кольцо, с которым венчалась когда-то бабушка Армена. После регистрации они вчетвером провели вечер в ресторане "Арагви". Поселили их при театре Ленком, в подвальчике, лишенном каких-либо бытовых удобств. В маленькое оконце зимой был виден только сугроб грязного снега, сгребаемого дворником со двора, но их успокоили тем, что до них жили тут и другие артисты, Иннокентий Смокнотовский, например. В Ленкоме Джигарханян оказался в трудной ситуации. Эфроса в тот момент из театра "ушли", и Армен стал завоевывать столицу самостоятельно.

Бег времени

Первые лет пятнадцать Татьяна жила в состоянии сильной влюбленности. Она бежала домой и думала, что Армен тоже, может быть, уже пришел - и у нее внутри все пело. И не важно, что ужин не готов и рубашка не выглажена - все это такие мелочи по сравнению с радостью встречи. Они разлучались лишь в том случае, если он был на съемках или гастролях. Отпуск всегда проводили вместе, исколесили на машине всю Европу. Путешествуя, останавливались в уютных гостиницах, ели в придорожных ресторанчиках и оба, молодые и влюбленные, были переполнены радостью бытия и приходили в восторг от всего: от дождя, не вовремя начавшегося, от красивого пейзажа и оттого, что они вместе, близко. Их влекло друг к другу...

Татьяна при всей своей влюбленности не боялась потерять мужа и поэтому не превратилась в рабу любви, в тень своего супруга. Она не манипулировала мужем, чтобы добиться своего, ей не нужно было прибегать к хитростям, к которым прибегает множество женщин, она оставалась просто самой собой, и их отношения с годами превратились в ту близость, о которой лишь мечтают многие супружеские пары. Однажды на отдыхе в Болгарии они поссорились, и Татьяна, чтобы отвлечься, ушла в гости к подруге-актрисе. А Армен весь вечер ее ждал в гостинице, не зная, где она бродит, может быть, плачет, скитаясь по улицам дотемна. Он измучился в ожидании, а Таня вернулась веселая да еще с подарком - двумя картинами художника, мужа ее подруги. И Армен Борисович, в ответ на ее оправдания, разочарованно воскликнул: "В том - то и дело, что ты никогда не старалась меня удержать!" Но с самого начала их брака они договорились, что будут друг другу верить. Армен Борисович, с точки зрения какой-нибудь ревнивой жены, куда более уязвим, ведь у него всю жизнь была масса поклонниц, и некоторые из них были готовы "на все!" Татьяна с ними не боролась, наоборот, она считает, что поклонницы нужны артисту, как цветку вода и солнце. Одна из поклонниц, еще со времен его юности, давно стала другом их дома. Другая писала и посвящала Армену любовные стихи и даже поселилась поблизости - сняла комнату по соседству с ними с окном, выходящим на окна их квартиры. Стихи были очень хорошие, и Татьяна их все сохранила, одно время хотела их даже издать. Как-то незнакомка позвонила и сказала, что ей нужно передать Армену какую-то книгу. Его в Москве не было, и Татьяна из любопытства предложила ей зайти. Она оказалась не так хороша собой, как можно было

судить о ней по ее стихам. Книгу не оставила, посидела немного и ушла. Та ли это была поклонница или не та - неизвестно, но письма со стихами после этого перестали приходить. Слава и известность Джигарханяна росли год от года. В каком-то смысле он был баловнем судьбы - зрители его любили, женщины обожали. Но он звездной болезнью не заболел, а однажды сказал жене: " Если доживу до такого, что мне нужно будет сидеть в кресле и чтобы все вокруг меня славил, - стукни меня чем-нибудь тяжелым по голове". Пятидесятилетие его миновало благополучно, следующий юбилей - тоже, стукать по голове не пришлось.

Татьяну с обывательской точки зрения тоже можно было бы причислить к баловням судьбы. Жена известного артиста, объездила весь мир, знакома с разными знаменитостями - Даниэлем Ольбрыхским, Адамом Ханушкевичем, Робертом Дювалем... Татьяна сидеть дома не хотела, хотя такая возможность у нее была - муж не настаивал, чтобы она непременно работала. Но она терпеть не могла быт с его монотонностью и рутинной. Она так и не освоила азы армянской кухни, не научилась варить варенье и солить огурцы, хотя Армен Борисович, как все мужчины, конечно, все это любит. Но в семье, к счастью, нет культа еды, и Армен Борисович никогда не вмешивался в бытовые проблемы и сам их не создавал. Ни разу в жизни он не сделал жене ни одного замечания, например, по поводу невымытой посуды. Чаще всего большие стирки, уборки, ремонт кранов и бытовой техники Татьяна оставляла на тот момент, когда муж бывал в отъезде, потому что если его нет, то и части жизни нет, и тогда можно заняться чем-то неинтересным и повседневным. Как-то однажды она захотела устроить к приходу мужа домой большой парад и вымыть окна. Они жили уже на Арбате, а окна в их квартире - двухметровой высоты с двойными рамами. Когда Армен пришел домой, он не заметил чистые окна, а увидел прежде всего бледное и скучное лицо жены. "Что случилось?" - забеспокоился он. - "Ничего, просто устала, окна мыла". И он сказал ей: "Мне куда важнее видеть твое хорошее лицо и тебя в хорошем настроении. Бог сними, с окнами..."

Известное имя открывало перед Татьяной множество дверей, но она не тянулась к светской жизни. Ее почти невозможно было встретить на всяких светских мероприятиях, кинофестивалях, и многие до сих пор не знают - кто жена Армена Джигарханяна. Татьяна была все время чем-нибудь занята. К актерскому и театроведческому образованию она добавила третье - переводчик с английского, окончив институт иностранных языков. Переведенная ею австралийская сказка "Велосипед с красными колесами" имела успех и идет до сих пор на сцене разных театров страны. Татьяна преподавала во ВГИКе - в мастерской Армена Джигарханяна, помогала ему в организации театра, который открылся три года назад. Сейчас она живет в Америке, преподает русский язык.

Все впереди

Таня в детстве подавала большие надежды как балерина. Она занималась в хореографическом кружке, которым у них в Красноярске руководила одна супружеская пара. Как звали его, Татьяна забыла, а вот ее забыть было невозможно - ее звали Анна Каренина. Эти люди были бездетны, в Красноярск они были, видимо, сосланы, и срок их пребывания там уже истекал. Они хотели взять Таню с собой в Москву. Уж как они умоляли Танину маму отдать им девочку, обещая сделать из нее настоящую балерину, уверяли, что "эта девочка голубой крови и белой кости", но мама даже ради блистательного будущего не захотела расстаться с единственной дочерью, которую вырастила одна. Отец Тани погиб на войне. Удивительное дело, когда Таня уже жила в Москве, первая квартира, которую они с мужем получили, переселившись из театрального подвальчика, была как раз на Малой Грузинской улице, той самой, где жила бы Таня, если бы ее увезли учиться балету. Сама Татьяна после школы хотела пойти либо в монашки, либо в актрисы. В результате она стала учиться в Риге, в театральной студии при Рижском драматическом театре. Таня любила Ригу с детства, здесь жила мамина сестра. Рига в то время была почти что границей. Еще подростком Таня столкнулась с тем, что в Риге все не так, как дома, в Красноярске. Однажды они шли с мамой по улице, стояла жара. На Тани был нарядный сарафанчик с глубоким вырезом на спине и груди. В свои четырнадцать она выглядела совершенной девушкой, и их

остановили, сказав, что в Риге "так оголяться не принято". Ее новые Рижские друзья дали ей другое имя - Инга. Тогда все бредили Мариной Влади, которая сыграла Ингу в фильме "Колдунья", а Таня была на нее похожа. В Риге Татьяна полюбила пить кофе с пирожными и по сей день помнит вкус удивительного супа из черного хлеба со взбитыми сливками. В Риге у нее осталось "свое" небо. Когда у нее был роман с однокурсником Женей, то у них у каждого было "свое" небо - у него черное и звездное, а у нее - закрытое хмарью, с желтоватым светом, идущим от земли. Это небо очень соответствовало ее внутреннему состоянию. Была в ней некоторая отстраненность, как будто она наблюдала жизнь со стороны. Теперь, по прошествии многих лет, ей кажется, что она что-то упустила, недооценила свои внешние и внутренние данные. Может, нужно было быть более активной, большего хотеть от жизни, быть более агрессивной, что ли. Хотя она одевалась со вкусом и выглядела экстравагантной в черных чулках, с короткой стрижкой, длинноногая и тонкая, курила длинный дамский мундштук - это было лишь впечатление со стороны. Сама она, что называется, цены себе не знала, может быть, поэтому не остановилась на первой своей профессии - актрисы, хотя судьба ее складывалась удачно. Начав в Калининградском, затем играя в Смоленском драматической театре, она была героиней в известных тогда постановках - "Машенька", "Сто четыре страницы про любовь", "Украли консула", "В день свадьбы".

Первый год пребывания жены в Америке дался Армену Борисовичу нелегко. Татьяна, уехав, увезла и любимого кота Филя, и Армен Борисович очень скучал.

- Порой домой идти не хочется,- с грустью признавался он.

Кот - единственная его привязанность в жизни, он любит его так, что не представляет себе, что будет, когда кота не станет. Филу уже пятнадцать лет и супруги Джигарханян очень его берегут. Когда они завели котенка, даже перестали вместе ездить отдыхать, потому что некому было доверить Филя. С тех пор так и повелось: Армен Борисович едет сначала в подмосковный санаторий, потом не несколько дней в Америку к друзьям. Он очень любит путешествовать по Америке на машине, в тесном маленьком кругу друзей, человека два-три, не более. "Хорошо, если вместе с нами еще и собака". Потом Татьяна уезжает в Карловы Вары, а Армен Борисович остается с Филом дома.

Джигарханян очень любит животных. Полтора года прожил в его театре бездомный ньюфаундленд, а когда театр открылся и присутствие такой серьезной собаки в маленьком помещении стало проблематичным, Татьяна и Армен Борисович устроили своего любимца в добрые руки, а устроив, все время ездили навещать его, привозили корм, помогали деньгами. Татьяна однажды принесла домой совершенно беспомощных слепых двухнедельных щенят, которых нашла случайно на уличном газоне - кто-то их выкинул на верную гибель. Щенки росли в квартире почти год, до весны, весь паркет прописали. Кот, хотя и привык быть кумиром в доме, не обижал их, вскоре даже подружился с ними. Когда наступила весна и начался дачный сезон, Татьяна устроила щенков в семью. О коте Армена Джигарханяна многие слышаны, но мало кто знает, что взаимоотношения Татьяны и Армена с их любимцем выходят далеко за рамки обычного обращения человека с кошкой. Они разговаривают с ним так, будто кот может их понимать, как понимают люди друг друга. А и в самом деле, Фил иногда им отвечает, раздражается такими монологами, что заслушаешься. Когда Армен Борисович звонит в Америку жене, просит позвать Филя к телефону, и кот "разговаривает" с ним через океан. Армен Борисович продолжает играть в Ленкоме и в своем театре у метро "Спортивная", а на Рождество и в отпуск улетает в Америку.

Впервые в жизни Армен и Татьяна так далеко друг от друга. То ли это испытание их брака на прочность, то ли новый поворот в их судьбе.

МУЗА МИХАИЛА КОЗАКОВА

Когда Аня успешно окончила музыкальное училище по классу фортепиано, мама сказала: "А теперь, дочка, консерватория". На что та возразила: "А теперь, мама, мы закончили с музыкой. Я больше не могу".

Карьера учительницы музыки, как видела это мама - и что может быть лучше для

женщины? - Аню совершенно не устраивала. Если не складывается таким образом, чтобы стать известной пианисткой, значит, это не ее судьба.

- Я всегда знала, что у меня будет необычная жизнь,- говорит Анна, уж слишком сильны были у меня амбиции. И, как теперь видно, я не ошиблась.

На перепутье

Они встретились в тот момент, когда оба стояли на повороте своей судьбы. Был конец восьмидесятых. На страну надвигались неотвратимые перемены. В обществе росло и увеличивалось с каждым днем беспокойство и неудовлетворенность. Магазины были пусты, появились первые нищие, жизнь разламывалась.

Аня в свои двадцать восемь все еще искала себя. При взгляде со стороны, не так уж плохо она была устроена в жизни. Жила в Москве, работала на Центральном телевидении в музыкальной редакции и собиралась уехать в Германию к мужу - переводчику. Но собственной жизнью Аня была довольна не вполне, все время тревожили ее какие-то смутные предчувствия, будто что-то должно было произойти.

К тому моменту, когда судьба должна была свести вместе Аню и Михаила Козакова, у него была очень сложная ситуация. Он буквально недавно узнал, что... жены у него больше нет. Как-то приезжал к нему погостить Роберт де Ниро с сыном, а потом прислал ответное приглашение. Двоих в Америку не пустили бы, поэтому на семейном совете Козаковы решили, что вместо Михаила поедет Регина. Она в Америке еще не была, а английский как переводчик-синхронист знает в совершенстве - ей будет интересно там побывать. Регина улетела за океан и канула. Целых три месяца Михаил был в неведении, не знал, что и думать. А потом пришло от нее письмо, мол, все хорошо, не волнуйся, только обратно не жди. В общем, свободен. Михаил был в шоке. В немалом изумлении пребывали и друзья. Зиновий Гердт, узнав о случившемся, сказал: "Как она могла так поступить? Разве она не знает, что ты можешь погибнуть?" Козаков ловеласом не был, брак его с Региной длился восемнадцать лет, детей, правда, не было. Что делать с внезапно свалившейся на него свободой, он просто не знал. Кроме того, с каждым днем все меньше становилось работы, все реже поступали какие-либо предложения. Кино гибнет, театр почти умер. Уж не забвение ли это, не смерть ли при жизни? Не дай бог!

11 мая 1988 года Аня сидела с подругой в ресторане Дома актера. Это был прощальный обед. Через несколько дней она должна была уехать из России, надолго ли - кто знает. Козаков пришел туда с друзьями под вечер. В этот день у него было хорошее настроение - он закончил работу над телевизионным фильмом-спектаклем. Это событие надо было по традиции отметить. Ресторан Дома актера был чуть ли не единственным местом в столице, где можно было не только вкусно и недорого поесть, но и посидеть уютно с друзьями и коллегами. Это был своего рода клуб, куда приходили не сговариваясь, а встречались друг с другом так, словно век не виделись. Были там и завсегдатаи, которые блуждали между столиками, подсаживаясь то к одному, то к другому, заводили длинные и сумбурные разговоры об искусстве, нередко с кем-нибудь скандально споря, и уходили домой сильно навеселе. К вечеру ресторан был полон. Было сильно накурено, шумно и жарко. Со многими известными актерами по роду своей работы Аня была знакома, некоторые знали ее в лицо, и их столик тоже не пустовал. Иногда подходили и не знакомые Ане мужчины, садились без приглашения на свободный стул - прогонять непрошеного гостя было не принято - и предлагали свой тост. Вдруг Аня увидела точеный профиль Михаила по диагонали через несколько столиков. Ее почему-то мгновенно обожгло сильное волнение.

- Тут Козаков! - шепнула она подруге в смятении.

- Ну и что? - пожалала плечами та.

И правда, что тут было удивительного? Вон и Абдулов сидит, и Збруев, да мало ли их, актеров, здесь? Но Аня и не смогла бы объяснить подруге, отчего ей стало вдруг так волнующе-тревожно и так сильно забило сердце. И себе даже объяснить этого она не смогла бы. Проследив за ее взглядом, застольный гость, подняв свой бокал, громко окликнул Козакова:

- Миша!

Тот мгновенно повернулся и посмотрел на Аню, потом поднялся и, прихватив свой бокал, двинулся к их столику. Эскорт друзей последовал за ним. Столы пришлось сдвинуть. Конец вечеринки стерся у Ани в памяти. Кто-то что-то говорил, кто-то провозглашал тосты. Пили за Аню, пили за Михаила, и выпито было немало. Он сидел рядом, положив одну руку на спинку ее стула, и всякий раз, когда он обращался к ней, Ане приходилось поворачивать голову. Она тут же терялась нить разговора, потому что в упор сталкивалась в его черным, как омут, и неподвижным взглядом. Было уже сильно за полночь, когда Михаил вдруг спросил присутствующих: "А вы любите джаз?" - "Любим!" ответила за всех Аня и при этом под столом больно наступила подруге на ногу, чтобы та не вздумала вдруг сказать "нет". И вся компания завалилась в гости к Михаилу слушать джаз. Потом все куда-то испарились, и Михаил с Аней остались одни...

Бриллиант в оправе

Семейная жизнь Ани с Михаилом началась с того, что ей пришлось, прихватив кастрюли и сковородки, последовать за ним в Таллин, где он начал съемки картины "Визит дамы" с Екатериной Васильевой и Валентином Гафтом. У Михаила от передряг, связанных с разводом, обострилась язва, и Аня должна была варить ему каши и по возможности организовывать режим. Михаил не имел привычки заботиться о своем здоровье и работал с совершенно сатанинским усердием. Он был беспощаден к себе и другим на съемочной площадке, работая непрерывно, и Аня очень стремительно постигала его внутренний мир, характер и натуру. При этом были неизбежны ссоры и скандалы. Аня плакала, но бросить Михаила и уйти сил не было - да и желания тоже. События разворачивались слишком быстро, чтобы можно было сидеть и здраво размышлять над происходящим. Аня была буквально как вихрем подхвачена темпераментом этого человека. Он не был скуп на чувства и делился своим внутренним миром щедро.

- У меня в то время было много душевной работы,- вспоминает Аня.- Для меня и по сей день существуют как бы два разных человека: мой муж режиссер и актер и мой муж в быту. И у меня до сих пор нет к нему привычки в плохом смысле этого слова.

Терзаний по поводу будущего их отношений у Ани не было вовсе. Михаил вел себя так, что в его надежности сомневаться не приходилось. Через какое-то непродолжительное время Аня забеременела. Бывший ее муж о том, что он стал бывшим, узнал от родственников, а Анины родители, получив неожиданное известие, что их зятем сделался народный артист Михаил Козаков, нашли в себе силы пережить шок. Чтобы помочь дочке с первенцем, они занялись сложным обменом Кишинева на Москву и, в конце концов, поселились рядом "с детьми".

В пять утра Аня тронула спящего мужа а плечо:

- Миша, кажется, началось.

Михаил, вскочив с постели, побежал в соседнюю квартиру за тещей. Аня стала потихоньку собираться в ожидании "скорой помощи". В тот день, как назло, через полтора часа Михаил должен был быть в аэропорту. Он улетал на фестиваль и не мог проводить жену в роддом. К счастью, им было по дороге, и они мчались по Москве бок о бок: Аня на "неотложке", а Михаил на такси.

Родившегося мальчика, по настоянию друзей, назвали Михаилом, потому что среди троих детей Козакова от предыдущих браков Михаила не было. Когда Михаил и Аня еще только стали жить вместе, пришел к нему в гости как-то приятель-драматург и, глядя на Аню, сказал:

- Знаешь, Миша, из этой девочки может выйти толк. Это тот бриллиант, который нужно вставить в оправу.

Впоследствии Михаил нередко подшучивал над женой: "Ну вот, ты, кажется, уже в оправе".

Изгнанники

В начале 90-го года по Москве прошел слух: "Козаков уезжает! Козаков покидает

Россию навсегда!" Это было не так. Просто Михаилу предложили работать в Израиле. Многие тогда уезжали - у некоторых появилась возможность зарабатывать за рубежом, читать лекции или преподавать. Это была тогда чуть ли не единственная возможность выжить. Но отъезд Козакова и впрямь был похож на бегство: уехали всей семьей, прихватив и Аниных родителей. Аня даже не успела защититься в ГИТИСе, куда незадолго до этого поступила.

В Израиле их встретили плохо. Русскоязычные, жившие там лет двадцать уже, восприняли Козакова как какого-то выскочку, и волей-неволей Михаил очутился в изоляции. Это сильно ударило по нервам, у него началась депрессия. В особенно тяжелые минуты Аня подбадривала мужа: "Миша, в конце концов у нас есть дом, можем вернуться. Нас ведь никто не выгонял". Московскую квартиру они не продали, а сдали жильцам, и эти деньги первое время были источником их существования. Сначала они снимали жилье, потом получили льготную ссуду и купили квартиру в центре Тель-Авива, рядом с театром "Габима". Ане нужно было заниматься бытом, делать ремонт в квартире, а поскольку маляры были все израильтяне, ей пришлось быстро освоить иврит.

От безысходности Михаил продолжал играть в израильском театре, но для актера такого масштаба, как Козаков, эти подмостки были тесноваты. Стали возникать возле него какие-то администраторы с предложениями работы. Аню это беспокоило, она видела, что эти люди не очень-то профессиональны, а, главное, у них не болела душа за судьбу артиста так, как она болела у Ани за мужа, и кто их знает, какую выгоду для себя они хотели извлечь из его имени. И тогда Аня все взяла на себя. В тот момент она еще не понимала, что почти вплотную подходит к своей настоящей профессии. Из телевизионных новостей Козаков узнал, что Олег Ефремов в Москве поставил пьесу "Ужин в четыре руки" и она пользуется успехом. Он загорелся идеей поставить этот спектакль самому. В качестве партнера Козаков пригласил Валентина Никулина, с которым они вместе играли в израильском театре. И закипела работа. Аня нашла, где есть недорогие театральные мастерские, потом нашлись люди, которые захотели вложить деньги в этот проект, затем Аня занялась прокатом спектакля. Нужно было найти и арендовать зал, заказать и продать билеты, организовать рекламу и сколотить команду единомышленников. Ане было очень страшно, она отдавала себе полный отчет в том, какую важную часть жизни Козакова составляет театр. В случае провала это была бы полная катастрофа. Но она относилась к этой работе так, будто это было ее прямой супружеской обязанностью. И пришел успех! Они поняли, что русскоязычный зритель любит Козакова по-прежнему, что он никуда не девался и популярность артиста никуда не девалась тоже. Когда они увидели, что зал полон, у них хватило сил продолжать начатое дело. И повалили к ним гости из России. Первыми протоптали дорожку журналисты, затем стали приезжать артисты и режиссеры, стали поступать предложения сниматься и гастролировать на родине. И по Москве пополз новый слух: "А Козаков-то в Израиле процветает!"

В Израиле у них родилась дочь. И в этот раз Аня в пять утра толкнула в плечо спящего мужа: мол, вставай, поехали. Она сама хотела вести машину, потому что видела, как сильно Михаил волнуется, но он собрался с духом и сел за руль. В израильской клинике Михаилу предложили присутствовать при родах. Ане было так смешно наблюдать, как при этом глаза у Михаила стали чуть ли не втрое больше от ужаса, и она сказала врачам и медсестрам, что предпочитает рожать одна, без поддержки супруга. Михаил остался ждать в вестибюле, а Аню увели в предродовую палату. Израильские женщины рожают с обезболиванием, но Аня отказалась от укола - мало ли что! - и сказала: "Я сама". Когда начались непрерывные схватки, Аня захотела, чтобы ей обезболили, но было уже поздно это делать, и она визжала что есть мочи. А роженицы, мирно лежавшие с обезболиванием, улыбающиеся своим мужьям, сидевшим рядом и державшим их за руки, с изумлением наблюдали, как в родовую вихрем промчалась вопящая женщина, а за нею следом весь медперсонал.

В роддоме все были страшно горды, что именно у них родился ребенок Михаила Козакова, и дочку сразу же вынесли показать отцу. А Аня тут же потребовала себе

мобильный телефон. Они должны были чуть ли не прямо завтра выезжать на съемки, и когда Аня, позвонив в Москву Татьяне Васильевой и переговорив с ней о делах, сообщила между прочим, что только что родила дочь, та растерянно ахнула: "Как это?!" Михаил хотел - они заранее знали, что будет девочка,- назвать ее Аней, но буквально накануне рождения девочки ему приснился сон. Приснилась умершая мама, но она была маленькой-маленькой девочкой. Он осознал, что это мама, а все равно спросил: "Ты кто?" - "Я твоя дочка Зоя". А еще раньше, когда Аня только узнала, что у нее будет ребенок, предсказательница составила ее гороскоп и сказала, что родится у нее дочь и что вселится в этого ребенка душа бабушки. И назвали девочку в честь мамы Михаила Зоей.

Возвращение

Нашлись и такие, которые возвращение Михаила Козакова восприняли с подтекстом. Ах, Миша, как ты все здорово устроил! Сначала уехал, а потом приехал, и вызвал к себе этим новый интерес. А какой ценой все это досталось, никто на самом деле не знает. Израиль - страна маленькая, и спектакли там долго не живут, максимум два сезона. Сыграть сорок спектаклей - уже рекорд, а Россия с ее просторами, многомиллионным зрителем, залами на тысячи мест - совсем другое дело. В прошлом году "Русской антрепризе" Михаила Козакова исполнилось десять лет. С возвращением Козакова театральная жизнь Москвы оживилась. Некоторые театральные критики упрекали его, что он завез халтуру с Запада и этим, мол, развращает российский театр, но время показало, что антрепризный театр куда мобильнее академического, что он делает аншлаги. И стали возникать антрепризы, как грибы после дождя, и даже академические театры начали посматривать в эту сторону. А поскольку антреприза - частный театр, то и выживают они по принципу: есть в кассе деньги, значит, есть и популярность. Многие антрепризы распались на ходу, другие процветают, и рынок все время растет.

В Москве Ане стало ничуть не легче, чем было в Израиле. Работать пришлось больше. Момент краха, призрак его маячит все время, и нужно постоянно заботиться о рейтинге популярности. Нет своей площадки, а аренда недешевая, и стационарные театры неохотно уступают свои помещения "частникам"; в основном по выходным дням, по понедельникам можно там играть, и все антрепризы выстраиваются в очередь. Ане раньше было все равно, а теперь она не любит понедельники.

Она так вгрызлась в работу, что даже был момент, когда их брак чуть не рухнул. И дело тут не в том, что кто-то третий мог вклиниться между ними, а сам театр, который они так тяжело поднимали, чуть их не разлучил. Михаил, такой мнительный и интуитивный, в какой-то момент почувствовал себя снова брошенным. Хорошо, что Аня вовремя опомнилась, что не все - работа. Нередко Ане задают один и тот же вопрос: "И как ты с ним живешь?" подразумевая и то, что с художником жить семье вообще нелегко, и то, что Михаил в прошлом сильно выпивал. Конечно, ей пришлось все это преодолеть, и в результате они создали семью и театр, а и то и другое требует немало созидательных сил, и если б Михаил не помогал Ане, она одна ничего бы не смогла. Прежде, чем Аня поняла, что духовно они очень близки, что у них совпадают цели и амбиции, прошло немало лет. Аня уверена, что без Козакова она не состоялась бы и сама, и она счастлива тем, что у нее есть такой учитель. Сейчас Аня уже настолько самостоятельна в профессии, что старается мужа ограждать от всего - пусть он занимается только творчеством, а административную лямку Аня будет тянуть сама. Ей нелегко, ведь не поплачешься даже мужу в жилетку, потому что он так тогда расстроится, что придется уже утешать его. А Михаил может себе позволить похандрить. Как-то Аня сказала мужу, когда они ссорились, что он вампир. "Я - вампир?!" изумился Михаил Михайлович.

Козаковы живут широким открытым домом. Аня сплотила вокруг себя всех детей Михаила, у нее сложились отношения со старшим сыном Кириллом, тоже актером, поддерживают они отношения и с Региной, сбежавшей когда-то от Михаила в Америку. "Наша старшая жена",- острит в ее адрес Аня. Конечно, у Ани все получилось. Их союз с Михаилом тот самый, о котором люди говорят "они созданы друг для друга", но Аня все же

не лишена самоиронии:

- Первое, что я поняла, когда мы с Мишей поженились, что я совершенно не в его вкусе. Экстравагантно одетая, сильно покрашенная, с копной рыжих волос. Таких, как я, у него еще не было!

ЕДИНСТВЕННАЯ ЛЮБОВЬ ИХТИАНДРА

Сколько же оказалось вокруг покрашенных, расфуфыренных девиц, когда Алла вошла в распахнутые двери ГИТИСа! Она невольно метнулась к выходу.

- Ты куда?! - перехватила ее за руку тетя Зина.

- Я туда не пойду...- Алла смотрела на нее расширенными от страха глазами.

- Мы же деньги на дорогу потратили, так нельзя! Ты попробуй, а уж потом поедем обратно.

Но Алле казалось, что и пробовать нечего. Кому она может быть интересна со своей старомодной длинной косой через плечо и в школьной форме, аккуратно заштопанной на локтях.

"Орел" или "решка"?

Когда Алла читала монолог, ей показалось, что члены приемной комиссии по поводу нее перешептываются, и она расслышала одно слово: "шипящие". У Аллы между передними зубами была щель, и шипящие согласные, действительно, звучали нечетко. Вечером она села в поезд и вернулась домой, в Орел. Целый год Алла копила деньги, откладывая по пятьдесят рублей ежемесячно, чтобы летом снова держать вступительные экзамены. Передние зубы она туго стянула суровой ниткой, и за год они почтирослись.

Конкурс на актерский факультет был 176 человек на место, но Алла приехала уже совсем с другим настроением: поступить во что бы то ни стало. Она стояла, охорашиваясь, у знаменитого институтского зеркала, огромного, с пола до потолка, возле которого студенты назначали друг другу свидания и встречи. По широкой лестнице спускался директор Матвей Алексеевич Горбунов.

- Девушка,- окликнул он Аллу, торопясь вниз,- куда же вы в прошлом году девались-то? Мы же вас хотели брать!

Алла смотрела на него с явным недоумением. Горбунов взял ее за руку и решительно повел по лестнице в свой кабинет. Усадив в кресло, вызвал педагога по сценической речи Елизавету Ивановну Леонарди: "Эта девочка будет у нас учиться. Позанимайтесь с ней, пожалуйста".

- В прошлом году,- обратился он к Алле,- мы на ваше место Валю Талызину взяли, тоже хорошая девушка.

Елизавета Ивановна дала Алле несколько уроков сценической речи и благословила на экзамен.

- А чулочков у тебя разве нет? - спросила она, оглядывая босые Аллины ноги в тряпичных босоножках.

Чулочков у Аллы, конечно, не было.

- Ну ничего, я для тебя найду. На сцену с голыми ногами нельзя.

Читая монолог, Алла от волнения забыла текст, и председатель комиссии коротко оборвал ее: "Все. Спасибо". Алла пулей вылетела за дверь и бегом по лестнице выскочила в институтский скверик. Только бы не разреветься! Опять провал! Горбунов вслед за ней не поспел и послал вдогонку первого попавшегося абитуриента: "Беги, скажи ей, что мы ее обязательно берем, а то ведь опять ускачет в свой Орел".

Первые дни Алла просто летала от счастья, ноги сами подпрыгивали, ходить ровным шагом по московским улицам, как ходят все нормальные люди, у нее не получалось. О своих успехах она послала письма домой: бабушке с тетей Зиной (родители Аллы погибли в войну) и педагогу по театральной студии Дмитрию Георгиевичу Станскому. Алле не терпелось поскорее увидеть МХАТ - ведь там играла великая Алла Тарасова! "Анну Каренину" в ее исполнении Алла слышала по радио не раз. Однажды МХАТ приехал в Орел на гастроли. Было начало июня, шли выпускные экзамены в школе. Ребята сидели, читая конспекты, на

подоконнике. Из школьного окна был виден широкий мост через Оку, вдруг кто-то из ребят закричал: "Смотрите, Тарасова, Массальский!" Артисты шли по мосту, гуляя. Почти вся школы высыпала им навстречу, а Алла как стояла у окна, так и осталась стоять. Необыкновенная робость сковала ее. Ребята наперебой брали автографы, а по мосту не сбавляя скорости прошла поливочная машина и окатила всех стоявших там водой.

Позднее, когда Алла уже стала актрисой и играла в Драматическом театре имени Станиславского, ей представился случай познакомиться с Тарасовой. Шла репетиция "Чайки", и у Аллы никак не получалась сцена, когда Нина Заречная подходит к Аркадиной. И однажды режиссер Платон Владимирович Лесли позвал Аллу: "Подойди, я кое-с кем тебя познакомлю". Алла спустилась со сцены в зал и увидела, что в кресле сидит... Алла Константиновна Тарасова. Когда режиссер сказал: "Познакомьтесь, это наша молодая, очень талантливая актриса", у Аллы от волнения поднялся шум в ушах. Она протянула было Тарасовой руку, но слезы душили от переполнявшего чувства благоговения, и она убежала. Потом Лесли сказал: "Вот так и должна подходить Нина к Аркадиной. Поняла?"

После окончания института у Аллы никаких определенных планов не было. Скорее всего, думала она, поедет домой, в Орел, и там будет играть в театре. Несколько выпускников их курса, в том числе и Аллу, пригласили на показ в Драматический театр имени Станиславского к Михаилу Михайловичу Яншину. Ребята показывали сцены из спектакля "На бойком месте" Островского.

- А вы? - спросил Яншин Аллу, видя, что она сидит.

- Я не показываюсь, я только подыгрываю.

Яншин всех похвалил, поблагодарил и сказал, что, к сожалению, актеры такого плана ему сейчас не нужны. "А вы останьтесь", - попросил он Аллу.

- Почему вы не хотите поступить в наш театр?

- Я не москвичка.

Это обстоятельство сильно осложняло дело. Надо было где-то Аллу прописать, но родственников в столице у нее не было. Тогда Михаил Михайлович и директор театра решили этот вопрос по-своему. Они кинули жребий: "орел" или "решка"? Если "орел", Алла прописывается у директора, если "решка" - у Яншина. Выпал "орел". Аллу прописали у директора, а ее однокурсницу Лиду Савченко - у Яншина. Поселили их на театральном дворе в декорационном сарае. На первом этаже в комнате с двумя железными кроватями и тумбочкой стали жить девочки, а на втором - Женя Урбанский, Алик Филозов, Юра Гребенщиков, Володя Анисько.

Страдания по Ихтиандру

К началу семестра на третьем курсе Алла опоздала на полтора месяца и появилась в институте только в ноябре. У зеркала караулила ее Вика Авербах, второй режиссер "Мосфильма":

- Аленушка, здравствуй, я тебя ищущу-ищу! Срочно поехали на студию делать пробы.

Но Алла даже слышать не хотела ни о каких пробах. Она только что вернулась со съемок фильма "Сошел матрос на берег", устала ужасно, да и не отпустили бы ее с занятий.

- Ну, тогда приди к режиссеру и сама ему об этом скажи, а то он меня загонял уже, - потеряла терпение Вика. - У нас тут еще один мальчик пробует, он тебя проводит. Володечка! - замахала Вика кому-то рукой.

Накануне вечером подружки в общежитии забросали Аллу последними институтскими новостями:

- К нам на первый курс такой красивый парень пришел, с ума сойти! У Светки уже с ним роман, - кивнули они на соседку.

- Свет, покажешь?

- Еще чего! - огрызнулась Света. - Тебе покажи - ты мигом отобьешь.

Алла пожала плечами, обидевшись. Совсем сдурели, не знают разве, что у нее свадьба на носу?

На оклик Вики Авербах подошел высокий худощавый молодой человек, и Вика

познакомила их. Прозвенел звонок, и Алла, оборвав разговор, побежала вверх по лестнице в аудиторию, а молодой человек, шагая длинными ногами через ступеньку, на ходу что-то ей говорил. И тут Алла увидела Светлану. Та шла вниз с побледневшим, совершенно каменным лицом. "А-а, это и есть тот самый парень! - осенило Аллу.- Тоже мне, красавчик, длинный, как морские водоросли".

У Аллы был жених Володя, учился в медицинском. На Новый год она собиралась прилететь к нему в Краснодар, чтобы подать заявление в загс. Летом не получилось, потому что Алла работала на съемках, в прошлом году не вышло, потому что Алла приехала без паспорта, который остался в общежитии на прописке, а встречались они уже несколько лет, еще со школы, когда Володя с родителями жил в Орле. Он был старше Аллы и очень ее любил, буквально носил на руках, не давая самой подниматься по ступенькам или в горку, и ревновал ко сем встречным: "На тебя смотрят!" Алла чувствовала себя с ним очень защищенной и знала, что лучшего парня на всем белом свете нет.

А между тем Владимир Коренев будоражил ГИТИС своим присутствием. Не было девушки, которая бы не мечтала о нем и не была влюблена в его аквамариновые глаза. И только Алла его не замечала. А он почему-то стал часто попадаться ей на глаза. То из института вместе выйдут, то столкнутся нос к носу в метро, и всякий раз он старался заговорить первым. Владимир был начитан и широко эрудирован и был интересным собеседником. Алла и не заметила, как увлеклась им. Ей никогда не нравились просто красивые парни, самое главное, что внутри, считала она. Как-то Владимир и Алла допроважались друг друга на лавочке в метро "Ботанический сад" (теперь "Проспект Мира") до полуночи. Владимир, прощаясь, сказал: "Знаешь, а я без тебя уже не могу". И Алла поняла, что ни в какой Краснодар она не летит.

Володя, получив отказ, тяжело заболел, потерял интерес к жизни, бросил институт и целый год родители пытались его спасти. Потом он со злости женился и сразу ушел от семьи, но когда родилась дочь, вернулся.

Слава о красоте Владимира Коренева вышла далеко за пределы института. Однажды Яншин (Алла уже окончила ГИТИС и работала в театре) спросил: "Ну как там ваш красавец?" - имея в виду дальнейшие планы Коренева, который учился на последнем курсе. Алла в ответ залилась слезами - они с Владимиром как раз были в ссоре. Четвертый год уже встречались, он вся тянул с предложением. Девчата не давали ему прохода, так и висли на нем. Алла прибегает к нему в институт и видит обычную картину: сидят на двух лавочках в институтском скверике сплошь девчата, а среди них Коренев. Но у Аллы, видимо, было такое лицо, когда она к ним приближалась, что лавочки мгновенно пустели и Владимир уже встречал ее один.

Яншин, сбитый с толку ее слезами, стал успокаивать: "Что вы, что вы, не расстраивайтесь так! Я его возьму в театр, вы только мне его покажите".

Владимир Коренев на последнем курсе получил приглашение на пробы в фильме "Человек-амфибия". На главные роли режиссер Владимир Чеботарев искал идеально красивую пару и утвердил Владимира Коренева и Анастасию Вертинскую. Через два месяца Владимир должен был улететь на съемки, и Алла решила с ним объясниться.

- Давай поженимся. Если завтра ты не придешь ко мне ровно в двенадцать и мы не пойдем в загс, то пять минут первого меня уже не будет, и ты меня больше не увидишь.

Коренев ничего не ответил, а у Аллы сердце громко стучало в груди. Назавтра он пришел без пяти минут двенадцать и спокойно, по-будничному, спросил: "Ну что, Аллен, пойдем?"

Расписались они 2 апреля 1961 года. После загса Алла пошла в театр, а Владимир вернулся в институт на занятия. Съемки начались в мае, Коренев улетел в Баку. Театральный сезон в конце мая закрылся, у Аллы начался отпуск, и она не знала, как ей быть. Вроде она мужняя жена, хотя у них еще и медового месяца толком не было, потому что Владимир с курсом был в Финляндии, и толи ей лететь в Баку, толи дома оставаться? Шла она как-то по улице Горького, погруженная в свои мысли, а навстречу ей Михаил Козаков:

- Ты почему не в Баку? Смотри, вокруг твоего Коренева уже ходят некоторые...

Второй раз намекать Алее не нужно было. Утром она вылетела к мужу.

Дон Кихот нашего времени

В прошлом году в Владимира Борисовича Коренева были сразу три знаменательных даты: сорок лет супружеской жизни, сорок лет творческой деятельности в драматическом театре имени Станиславского и сорок лет фильму "Человек-амфибия".

Картина имела грандиозный успех. Критики разнесли фильм в пух и прах, а министр культуры Фурцева сказала, что эта картина - подарок министерству финансов. В моду сразу вошли белые брюки и длинные волосы у парней, а девушки и молодые женщины все скопом сошли с ума из-за главного героя фильма Ихтиандра - актера Владимира Коренева, сыгравшего эту роль.

Телефон в квартире Кореневых звонил круглосуточно. Поклонницы просили, умоляли о встрече, хотели познакомиться и выйти за него замуж немедленно. Они дежурили в подъезде - Корневым пришлось шесть раз с первого по шестого этажа красить стены за свой счет, густо исписанные губной помадой,- они торчали у театра и преследовали Коренева в других городах, куда он приезжал на гастроли. Алла сопровождала мужа везде и была вынуждена быть при нем неусыпным стражем, потому что за ним по пятам ходили толпы фанатов и все время дежурили у театрального подъезда какие-то чужие машины.

Контр-адмирал Коренев Борис Леонидович, как только фильм вышел на экраны и поднялась шумиха, взял срочную командировку и прилетел из Североморска в Москву. Прямо с дороги, не пообедав даже, он закрылся с сыном в комнате, а жена Ольга Васильевна, бабушка, дочь Наташа и Алла ходили на цыпочках и старались не шуметь: "папа разговаривает с Володей". Такие разговоры отца с сыном не были редкостью, но сейчас был особый прецедент. Борис Леонидович был идеально красив, выше сына ростом, знал несколько иностранных языков и был очень принципиален. Когда командование предложило ему трехкомнатную квартиру, он отказался: "Меня вполне устраивает двухкомнатная, у нас есть другие офицеры, нуждающиеся в жилье". Он не имел служебной дачи и не пользовался служебной машиной в личных целях, а уже тем более не разрешал этого делать жене и детям. Жили Корневы возле метро "Войковская", но контр-адмирал большей частью служил на флотах - Черноморском и Северном. Жена все время была рядом, а детей в Москве растила бабушка, его мать. Бабушка Володю боготворила. Бывало, тот читает до рассвета, а она сидит в кресле, клюет носом, но не ложится, караулит внука. На плите все время горячий чайник, под салфеткой бутерброды и свежесваренный по-бурятски чай с молоком - она то и дело подливает ему в кружку. Когда Алла с Владимиром расписались, не спросив родителей, бабушка пришла в ужас: "Он все время теперь будет ходить голодный и грязный!" ведь до сих пор чистые носки, свежая рубашка и наутюженные брюки каждое утро ждали Владимира на спинке кресла. По мнению бабушки, мужчина не должен был ходить с авоськами, тем более никогда не ходил с авоськой сам контр-адмирал, вокруг него всегда хлопотала жена. Горевала бабушка, что и свадьбы, как полагается, не было, а молодые отшутились: "Проживем лет десять, тогда и справим".

Письма от поклонниц приходили мешками в течение многих лет. Их никто не читал. Бабушка попробовала было почитать, но плюнула в сердцах: "Невесть что девки пишут, срам какой!" А невесты со всей страны слали горячие признания в любви и свои фото в разных видах. Попадались и очень смелые, которые писали Корневу: "Я хочу, чтобы ты у меня был первым" .

С рождением дочери Иры карьера Аллы в кино резко притормозилась. Не с кем было оставить ребенка, и многие соблазнительные предложения в кино прошли мимо. Борис Леонидович не увидел внуку и внука - дочь Наташа родила сына через полгода после Аллы,- он умер раньше срока. Бабушку от горя разбил инсульт, а Ольга Васильевна, овдовев, совершенно потерялась и не знала, как жить. Иногда Ирочку отвозили на лето в Орел, к тете Зине. Однажды, приехав в отпуск, Алла встретила на улице маму своего бывшего жениха и узнала, что Володя живет теперь в Ленинграде, что он стал военным врачом и у него растет

еще одна дочка. Алла не забыла свою первую любовь. Фотография Володи до сих пор стоит в ее семейном альбоме. Правда, Коренев как-то спросил: "Ты когда это фото уберешь отсюда?" Она ответила: "Никогда". Оказавшись на гастролях в Ленинграде, Алла позвонила Володе, ведь прошло с тех пор четырнадцать лет. Встретились у метро, но разговора не получилось. Перед ней стоял высокий плечистый человек в погонах, а по лицу его катились слезы...

Яншин, как и обещал, взял Коренева в труппу. У него молодые актеры всегда начинали с массовки, но когда зрители увидели в массовке Ихтиандра тут такое началось, чуть спектакль не сорвался. Понятно было, что Коренев должен играть только героев. В те годы театральная публика ломилась в театр Станиславского. Когда Алла начала там играть, уже блистали на сцене Евгений Урбанский, Елизавета Никищихина, Евгений Леонов. Но и молодежь пришла не бесталанная - Алла Константинова, Альберт Филозов, Юрий Гребенщиков, Владимир Коренев. Весь цвет московской и ленинградской интеллигенции посещал этот театр. А какие роли были обещаны Алле! Маша в "Трех сестрах", Лариса в "Бесприданнице", Нина Заречная в "Чайке". Когда Алла играла Заречную, ей выпал случай сыграть эту роль на сцене МХАТа вместе с Тарасовой и Массальским. Заболела актриса, исполнявшая роль Нины Заречной, а поскольку Алла играла эту роль в своем театре, ей предложили ее заменить. И вот она - Нина Заречная, а великая Тарасова - Аркадина! Спектакль прошел с большим успехом. Впоследствии Алла Константиновна нередко приглашала Аллу принять участие в своих концертах.

Когда в театре Станиславского шел спектакль "Палуба", приходилось конной милицией разгонять беснующуюся у касс толпу. Однажды Екатерина Фурцева спросила у Юрия Гагарина, который был у нее на приеме: "Что хорошего сейчас можно посмотреть в московских театрах?" - "Палубу",- не задумываясь ответил тот.- Как играют Константинова с Урбанским - лучшего не может быть!" На гастролях в Красноярске публика скупила все билеты только на спектакль "Коварство и любовь" с Владимиром Кореневым - все другие спектакли пришлось отменить и двадцать два раза сыграть Шиллера. Вместе с Аллой Владимир Борисович полторы тысячи раз выходил на сцену в спектакле "Робин Гуд". В молодости им редко приходилось играть вместе, они по очереди сидели с маленькой дочкой, причем Алла всегда старалась дать мужу возможность играть как можно больше. Зато сейчас семью Кореневых в полном составе можно увидеть на сцене - Ира тоже стала актрисой. Подрастает в семье внук Егор, точная копия деда и его единственная слабость. За глаза все называют Владимира Коренева современным Дон Кихотом и хотя подтрунивают над ним, а любят именно за это, за принципиальность, за твердость убеждений, за скромность. Коренев не снимается в кино. Судьба его как киноактера сложилась раз и навсегда, подарив ему звездную роль в фильме "Человек-амфибия".

За сорок лет супружеской жизни Владимир Борисович не только научился ходить с авоськами, но и стирать, готовить и даже огурцы солить на даче. Поклонницы продолжают сохнуть по нему, звонят домой и даже умудряются узнать номер его мобильного. А Владимир Борисович говорит, что всему хорошему в своей жизни он обязан жене, что он не спился от своей сумасшедшей популярности, не стал валяться под забором и не разорвали его на кусочки женщины.

ЖИЗНЬ БАЛЕРИНЫ

Она находилась уже у той грани отчаяния, когда готова была прийти в любой театр, абсолютно в любой, и сказать: "Возьмите меня, я буду просто выходить на сцену, можно даже без слов, только возьмите". Проезжая на машине по Бульварному кольцу, она часто обращала внимание на красивый особняк на Трубной площади и думала: "Что это за театр там находится, может быть, именно туда мне и зайти:?" А по ночам ей снилось, что она танцует на сцене Большого театра...

Алые паруса

Алые паруса к Людмиле приплывали в жизни дважды: первый раз, когда Юрий Григорович заметил на всесоюзном конкурсе юную ленинградскую балерину и взял ее в

Большой театр, а второй - когда в театре "Школа современной пьесы" Иосиф Райхельгауз задумал ставить спектакль по пьесе Семена Злотникова "Прекрасное лекарство от тоски" о судьбе двух супругов, в прошлом известных артистов балета, и выбор его пал именно на Людмилу Семеняку, будто он угадал, что она тоскует по сцене.

Людмила идеально подошла на роль героини этой пьесы. В прошлом увенчанная славой и лаврами звезда балета и в настоящем незаслуженно преданная забвению своим же родным театром, для которого она так много сделала.

...Маленькая Люда минуты не могла прожить, чтобы не играть в театр. Она постоянно наряжалась в разные персонажи, устраивала домашние концерты для родителей и гостей, на Новый год выступала Снежинкой или Принцессой. Мама шила ей по этому случаю специальный костюм, на головку прикреплялась корона, и Люда превращалась из обыкновенной девочки в сказочный персонаж. Родители рано заметили артистичность дочери и в десять лет отдали ее в хореографическое училище.

Кумиром у Люды была Галина Уланова. В училище по стенам висела целая галерея портретов известных балетных артистов, начиная с Нижинского и Павловой и кончая выпускниками. В школьном музее в глубоких шкафах хранились альбомы, посвященные творчеству каждой отдельной звезды балета. В свободное время Люда заглядывала туда.

- Моя маленькая газель пришла? - встречала ее приветливо директор музея Мариетта Харлампиевна Франкопуло.

У Люды были только глаза и ноги, поэтому ее прозвали газелью.

- Ну, что будешь сегодня смотреть?

- Можно мне Галину Сергеевну?

- На, только смотри аккуратно.- И из шкафа извлекался заветный альбом.

Педагоги в училище были очень сильные, вагановской школы. По общеобразовательным предметам - тоже, и дисциплина была железная. Учеба чередовалась с репетициями. Люда приходила домой только вечером. В перерыве между занятиями можно было погулять в школьном дворе. Иногда ребята прогуливали уроки, но это бывало нечасто, в основном по какому-нибудь важному поводу. Например, если вышел на экраны фильм Ивана Пырьева "Братья Карамазовы", то грех было не сбежать с уроков в кино. На такие нарушения дисциплины педагоги закрывали глаза. Дома Люду держали в строгости. Все что касается отметок, успехов в балете, с нее спрашивалось по всей форме. Баловали обновками, но нечасто, а если уж покупались какие-либо туфельки, то те самые, о которых только мечтать можно было. Папа всегда работал на двух работах, чтобы обеспечить дочери пребывание в училище, чтобы она хорошо питалась, чтобы у нее были все необходимые балетные принадлежности. Еще в училище будущие артисты получали большую практику, выступая в сборных концертах на сцене Кировского и Малого Михайловского театров, на многочисленных новогодних елках. В десять лет Люда уже первый раз танцевала соло.

Бывало, ведут ее под сценой в балетной пачке, где чудный запах грима и закулисной пыли и вдруг над головой распахивается люк и там гремит оркестр. Оказываясь на сцене, Люда и чувствовала себя самой что ни на есть балериной!

Первый раз надеть балетную пачку было огромным событием. Это как посвящение в профессию - танцуешь не в какой-то там марлевой юбочке, а в настоящем костюме балерины. К концу выпуска из училища Люда танцевала почти весь балетный репертуар, но вместе с тем детям никогда не внушалось, что их ждет необыкновенное будущее. Выступая на одной сцене со знаменитыми артистами Кировского театра, они все равно смотрели на своих кумиров как на богов.

В первый же год обучения Люда влюбилась в своего одноклассника и на школьном резиновом ластике написала ему послание: "Я тебя люблю". Ластик попал в руки завуча, и та вызвала Людмилиного папу.

- Что это у вас за ребенок такой, в десять лет уже влюблена!

В ответ папа рассмеялся: "Ну ведь они совсем крохи, что ж вы так серьезно судите?" А в старших классах у нее начались романтические отношения с Андрюшей.

Если какой-то мальчик нравился девочке или наоборот, то педагоги разрешали им вместе репетировать, выступать в одном номере, это пожалуйста, но главное - не нарушать дисциплину. Прежде всего балет, поэтому свидания с Андрюшей у Люды проходили под неусыпным оком педагога. Все свидание длилось не более пятнадцати минут. Андрюша жил на одной окраине города, а Люда - на другой, и он провожал ее по Невскому до автобусной остановки. Ноги не шли, натруженные после нескольких часов репетиций, а погулять все же хотелось. Люда затягивала как можно туже на осиной талии пояс болоньевого плаща, выпускала на глаза челку (в школе носить челку запрещалось) и выходила из дверей на улицу, где ждал ее Андрей. Но если педагог, караулившая на углу школы, ловила их, то разгоняла в разные стороны: "Марш, марш, по домам!"

На Всесоюзном конкурсе, уже будучи артисткой Кировского театра, Людмила Семеняка танцевала партию Черного лебедя из третьего акта балета "Лебединое озеро". Главный балетмейстер Большого театра Юрий Григорович, у которого был особый дар распознавать таланты, обратил на нее внимание и сказал, что пришлет ей вызов в Москву. Тогда была такая практика: все лучшие силы балета стягивались в столицу. Люда и не подозревала даже, что одновременно с творческой судьбой решается и ее личная судьба. Солисту балета Большого театра известному артисту Михаилу Лавровскому подыскивали в тот момент подходящую невесту. Уже имелись две-три претендентки из начинающих балерин, и тут Людмили педагог Нина Викторовна Беликова, желавшая своей воспитаннице счастья, предложила:

- У меня есть ученица, я бы хотела устроить ее судьбу. Ей нужно танцевать, а если Мише необходимо жениться, то почему бы их не познакомить.

Принц и Золушка

Своего жениха до свадьбы Людмила видела всего два раза. Просыпаясь по утрам, она не верила своему счастью, тому, что Михаил Лавровский сделал ей предложение и скоро она станет его женой. Перед Людмилой стремительно разворачивался сюжет ее жизни, совершенно как бы неподвластный ее воле. Все поменялось в какие-то два месяца. Конкурс, вызов в Большой театр, предложение стать женой ведущего артиста балета Большого театра. Все как в сказке.

Михаилу Лавровскому в ту пору было тридцать лет. Он был кумиром женщин, влюблялся сам, влюблял их в себя, у него было много романов, он уводил жен от мужей, разбивая сердца с жестокостью рокового любовника. В конце концов, когда он начал ухаживать за одной известной замужней балериной, министр культуры Екатерина Фурцева вызвала его к себе и сказала: "Миша, хватит хулиганить. Женись!"

Люда, конечно, об этом ничего не знала. Еще и двух лет не прошло, как она выпустилась из училища. В своего будущего супруга она влюбилась издали. В него невозможно было не влюбиться. Как-то бабушка, разглядывая журнал, показала Людмиле фото Лавровского и спросила: "Этот, что ли, твой жених-то?" Люда кивнула. "Красивый он у тебя",- покачала головой бабушка. Со свадьбой спешили, потому что Лавровский должен был уезжать на гастроли. Он не хотел никакой огласки, никакого торжества, даже не захотел, чтобы невеста была в платье, специально сшитом для такого случая, и Людмила расписывалась в маленьком белом кримпленовом платьице, в котором выглядела совершенным ребенком. После загса до вечернего сбора гостей еще успели захватить в театр и позаниматься в классе. Пришли, встали у станка, и никто из окружающих даже и не знал, что они только что поженились. Вечером были только свои, человек десять.

Семья, в которую попала Люда, была в то время одной из самых известных в Москве, и не только в Москве. Лавровского-старшего, в прошлом главного балетмейстера Большого театра, уже не было в живых, дом возглавляла его вдова Елена Чикваидзе. В свое время она станцевала все ведущие партии на сцене Большого театра, композитор Сергей Прокофьев для нее сочинил балет "Ромео и Джульетта" и называл ее любовно "моя маленькая Джульетта".

Елена Георгиевна состояла в родстве с известными грузинскими фамилиями

Бараташвили и Чавчавадзе, она свято хранила традиции своего рода. В уютной квартире на Арбате была старинная библиотека, в гостиной стоял рояль и антикварная мебель - во всем этом чувствовался свой, особенный уклад. Получив в мужья одного из самых завидных московских женихов, Людмила вместе с ним получила и свекровь, которая приняла ее в свою семью как дочь, но этим ее и ограничила, не желая уступать молодой невестке своего единственного горячо любимого сына. Людмила, прожив с мужем четыре года, так и не стала хозяйкой в доме. Еще когда они расписывались в загсе, Людмиле потихоньку шепнули, чтобы она, как только они войдут в зал регистрации, первая ступила на ковер, но как она ни старалась, Михаил ее опередил.

Несмотря ни на что, первые годы Люда была очень счастлива. Жизнь ее в это время была до краев наполнена творчеством. Свекровь верила в нее как в будущую звезду, много помогала советами. Каждый вечер после спектакля, если не было гостей, они втроем, сидя в гостиной за чаем, много говорили о балете, разбирали спектакль, обсуждали. Это были незабываемые вечера. Люда станцевала с Лавровским "Лебединое озеро", "Жизель", "Спартак". Он уже тогда начал пробовать себя в качестве балетмейстера и свои первые балетные постановки делал с женой, она была его музой. В эти годы Людмила очень много танцевала, и, казалось, счастьем не будет конца...

Она попросила развод первая, собрала чемодан и переехала в однокомнатную квартиру на Преображенке. И без того воздушная, она еще похудела, перестал звучать в кулуарах театра ее беззаботный смех, по глазам было видно, что она много плачет в одиночестве. В театре все были озабочены случившимся и всерьез опасались, боясь потерять балерину. Боялась за Людмилу и бывшая свекровь. Галина Сергеевна Уланова однажды с глазу на глаз поговорила с Людой: "У тебя есть балет - самое главное. И спасти тебя может только это",- подчеркнула она последнее слово. Но, уйдя от мужа, Люда виделась с ним ежедневно на репетициях и спектаклях, и он продолжал оставаться ее партнером. Обливаясь слезами, она работала. Тогда она уже имела звание заслуженной артистки балета. Для нее было жутким откровением узнать, что муж, оказывается, ее не любит. Просватанная за него двадцатилетней девочкой, не знавшей жизни, она приняла свою судьбу как дар свыше и думала, что Михаил женился на ней по любви. Одна в пустой квартире, она могла только плакать, а на людях старалась держаться, хотя ни скрыть свое горе, ни отвлечься было невозможно - слишком тесен был мир, в котором она жила. И единственную подругу, которой Люда успела обзавестись в Москве, она тоже потеряла - именно к ней и ушел Михаил. Ей надо было найти точку опоры, чтобы воскреснуть, ведь ради Миши она готова была даже отказаться от балета.

Новая жизнь

Работать в Большом театре Людмила начала со спектакля "Лебединое озеро". Первый раз она выступала на сцене Кремлевского Дворца съездов. Сцена там огромная, ее очень трудно охватить, но Люда справилась. Был успех, зритель принял молодую балерину "на бис", но самое главное - приняла ее труппа. Когда опустился занавес, никто из артистов, занятых в спектакле, не ушел за кулисы, все стояли и аплодировали Людмиле. Слезы счастья заволокли ее глаза. От краха личной жизни Люду спасло то, что она была очень востребована в театре, карьера ее неуклонно росла. У нее было много спектаклей, гастролей, концертов, конкурсов. Помимо Михаила Лавровского, ее партнерами были Александр Богатырев, Вячеслав Гордеев, Юрий Владимиров, Андрей Кондратов, Марис Лиєпа, Александр Годунов. Балет "Ангара", поставленный Юрием Григоровичем, и партия главной героини Вальки сделала Людмилу лауреатом Государственной премии. О ней сняли фильм. Людмила выступает с успехом в Японии и Америке. Приезжает труппа Большого театра после двенадцатилетнего перерыва в Англию с балетами "Раймонда" и "Спящая красавица" - триумф. В Париже пресса вещает о рождении новой балетной звезды. Людмиле посвящаются целые журнальные развороты, она дает интервью по-французски - это очень впечатляет французов. Выступление на знаменитой сцене Гранд Опера - мало кому выпадает в жизни такая честь. Гала-концерты в Париже. На вечере, посвященном Галине Улановой,

весь балетный Париж. Аргентина. Триумф "Жизели" и вечера Чайковского - Людмила танцует акт из "Лебединого озера", акт из "Щелкунчика", акт из "Спящей красавицы". Аншлаг. Она впервые видит, как люди ночуют на ступеньках театра в надежде достать лишний билет.

Еще несколько лет Людмила и Лавровский танцуют вместе. Ни разу в жизни они не поставили руководство театра в неловкое положение по поводу того, что им не хочется или невозможно вместе выступать. Искусство и ответственность за свое дело оказались для них важнее личных переживаний. Несмотря на успешную карьеру и очень насыщенную творческую жизнь, Людмила не могла избавиться от одиночества. Что она знала, кроме балета? Ведь на гастролях артистам было все запрещено, у них был только один маршрут: театр, гостиница, дорога домой. Ни вправо, ни влево артист шагнуть не мог, тут же бы настучали. Ей приходили письма от разных интересных людей, присылались приглашения в знаменитые дома на светские вечера, приносились контракты от зарубежных театров - она вынуждена была от всего отказываться.

Не принес Людмиле счастья и второй брак, которому она отдала шесть лет своей жизни. Ей было уже за тридцать, муж - моложе на десять лет, он только начинал в балете. Она старалась во всем ему помочь, очень тратила себя и вскоре поняла, что этого человека по-настоящему любить не может, что этот человек занимает в ее душе чужое место, предназначенное другому. Людмила была уже в том возрасте, когда женщина не просто хочет, а жаждет иметь ребенка. Ребенка не было, а вся доброта и нежность оставались невостребованными. Было очень одиноко. Хотелось семьи, дома, уюта, тыла. Но только через несколько лет она догадалась, где выход. Она решила: если произойдет в ее жизни встреча, от которой невозможно будет отмахнуться, она оставит мужа и родит от этого человека ребенка. Двенадцать лет назад эта встреча произошла. О том, что она беременна, Люда узнала, находясь на гастролях в Греции. Она шла после визита к посольскому врачу по тенистой платановой аллее, подставив лицо горячему солнцу, и прислушивалась внутри себя к тому, что еще почти не существовало, но, тем не менее, уже было, к зарождающейся новой жизни. Впервые Людмила поставила театр в трудное положение. Григорович, узнав, что она ждет ребенка, схватился за голову: "Люда, надо дотанцевать!". Так совпало, что другая молодая солистка балета тоже оказалась в положении, и газеты написали: "Над Большим театром летают аисты". Люду долго не отпускали - театр в этом отношении довольно жесток, а костюм на ней уже не сходился. В театре никому и в голову не могло прийти, что Людмила, разойдясь с мужем, захочет иметь ребенка. Она очень переживала, что Григорович обидится на нее и между ними пробежит черная кошка. Когда театр был на гастролях в Японии, Людмила пришла к Григоровичу в кабинет, уже пополневшая, с явно наметившимся животиком. Он бросился ей навстречу, расцеловал.

- Я вас подвела? - спросила виновато Людмила.

- Иди и спокойно рожай,- заверил ее главный балетмейстер. Вернешься - все будет так, как есть сейчас, ничего не потеряешь.

Григорович свое слово сдержал. После рождения сына Людмила вернулась в театр на то же положение, на те же роли. Трудность состояла в другом необходимо было в короткие сроки восстановить утраченную форму. Через три месяца предстоял международный конкурс балета, а через четыре месяца надо было ехать в Англию выступать в "Спящей красавице". Помогали Людмиле и педагоги, и коллеги, дома помогала мама, но были в театре и косые взгляды в ее сторону.

Начался новый взлет ее карьеры. Все пошло как бы по второму кругу. Триумф в Гранд Опера, гастроли в Америке, триумф в знаменитом театре "Колон" в Аргентине, в театре, где выступает весь цвет искусства. Она блистает в "Раймонде" с Валерием Анисимовым.

Это был момент абсолютного самовыражения как в творческом, так и в жизненном плане. Много поддержки получила она тогда от самых разных людей. Приходили письма, телеграммы, поздравления и подарки со всего света.

...Карьера Людмилы кончилась с приходом Владимира Васильева на должность

главного балетмейстера. Он дал отставку всем, кто блистал при Григоровиче.

Опять нужно было искать точку опоры. Рос сын, а крепкого тыла у Людмилы не было. Театр ее забыл совсем, и вскоре у нее появилось горькое чувство, что она никому не нужна, будто ее никогда и не было. Весь мир знает народную артистку балета Людмилу Семеняку, а родной театр, которому она принесла и славу и жертву, сделал ее изгоем. Людмила всю себя посвятила сыну. Сама учит его игре на фортепиано, Ванечка стал заниматься балетом, Людмила стремится дать ему хорошее образование. По-прежнему рядом родители. Избавление всегда приходит в тот момент, когда человек доходит до крайней степени отчаяния. Так произошло и с Людмилой. Иосиф Райхельгауз вдруг пригласил ее играть в своем театре. Люда жадно ухватилась за эту возможность. Она еще молода и сидеть дома и стареть просто невыносимо. Она привыкла расти, двигаться вперед, достигать каких-то вершин, а бездействие разрушало. Театр "Школа современной пьесы" принял Людмилу очень хорошо. Она нашла тут и внимательных, доброжелательных людей, и крышу над головой, и новые возможности. Очень боялась премьеры, ведь она никогда не была драматической артисткой, хотя, конечно, во всех своих балетных спектаклях не просто танцевала, а проживала роль, играла образ, но только без слов. После первых репетиций сел голос, она взяла несколько уроков сценической речи, много занималась дома сама. Роль в спектакле "Прекрасное лекарство от тоски" стала и прекрасным лекарством для нее самой. Она снова актриса, у нее есть зал, зритель, аплодисменты.

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ КАЙДАНОВСКОГО

- Какая ты упертая Инна,- сердились на нее, бывало, мама и бабушка. Ты никогда не выйдешь замуж! Мужчины таких не любят.

Золотые туфельки

- Вы прочитали мой сценарий? - спросил Кайдановский, как только Инна переступила порог его комнаты.

- Я с ним спала! - выпалила она и смутилась, зардевшись краской.

Получилось уж очень двусмысленно. Она хотела бы объяснить ему, что читала сценарий всю ночь напролет, что она, конечно, знает Кайдановского по фильму "Сталкер" И что она счастлива, что он пригласил ее на кинопробы. Об этом и мечтать-то было невозможно, а тут вдруг звонок от самого Кайдановского!

Все это она хотела рассказать, но от бессонной ночи и волнения все спуталось, и вылетела одна только эта нелепая фраза.

Кайдановский стоял на фоне окна - высокий, красивый, плечистый - и смотрел на нее, улыбаясь. Краешком глаза Инна заметала у двери в углу золотые женские туфельки и почувствовала острый укол ревности. Их роман начался в тот же день.

Этот сценарий - "Возвращение к Экхарту" - стоил Кайдановскому и здоровья и жизни. Был 1994 год. Александр часто ездил на "Мосфильм" и возвращался всякий раз расстроенный: денег на съемку не давали, к сценарию придирались. Александр переписывал сценарий шесть раз. Не ко времени, видимо, затеял он эту философско-эпическую картину. Правда, в тот момент, когда они с Инной встретились, все чуть-чуть сдвинулось с места и появилась надежда, что можно будет начать снимать. Французы обещали дать денег. Кинопробы прошли успешно - французские партнеры утвердили Инну на главную роль. И потекли счастливые дни в ожидании съемок. Они часто бродили по Москве, Александр выбирал натуру для фильма. Однажды Инна повезла его в Суханово, где сама часто любила бывать там с друзьями, и Александр снимал на камеру старую усадьбу, красивые окрестности и Инну, прыгающую через сугробы.

- Подавайте руку даме! - кричала она ему весело, выбираясь из очередного сугроба.- Не надо меня снимать, снимите лучше эту красоту. Вот было бы здорово, если бы мы тут жили! Вы бы писали, читали, рисовали, а я была бы рядом и помогала во всем.

Инне было тогда двадцать пять лет, она была еще беспечна и совсем не представляла себе, с кем именно свела ее судьба. Кайдановскому было сорок семь. Он был уже маститый, уставший и был болен. Но Инна об этом не подозревала. Она влюбилась без памяти и была

счастлива и несло ее по волнам счастья, как перышко по воздуху.

Последние годы Александр жил один. Конечно, вокруг него существовали разные люди: друзья, женщины, которым он сильно нравился и которые нравились ему, коллеги, бывшие жены, две дочери от предыдущих браков, но временами он чувствовал себя очень одиноким. На этот раз одиночество затянулось, и друзьям уже казалось, что Александр больше не способен потерять голову от любви. Однако они ошиблись.

Инна играла в театре Ленком. Кайдановский ходил на все ее спектакли, хвалил, учил, а однажды сказал, как отрезал: "Театр оставишь!" Он считал, что настоящий художник может уцелеть, лишь оставаясь свободным. Сам он никогда в театре не работал. Жил в огромной коммунальной квартире на Поварской. Быт его был совершенно неустроен. Посуда не мылась, а просто выбрасывалась, когда становилась непригодной. Кот лопал "Вискас" прямо с хозяйской тарелки, сидя на столе. Стол был деревянный, огромный. По вечерам за ним собиралось множество народу. Выпивали, разговаривали, спорили, ругались, беседовали - вся жизнь проходила за этим столом. Кайдановский, живя в коммуналке, должен был подчиняться общим правилам. Инна обомлела, когда как-то вечером в дверь его комнаты всунулась соседка и бесцеремонно сказала: "Саша, завтра твоя очередь убирать", а тот в ответ кивнул. "Вот так просто можно сказать: Саша, твоя очередь? - недоумевала Инна.- И кому? Самому Кайдановскому, которого знает весь просвещенный Запад!"

Александра включили в состав жюри очередного Каннского фестиваля. Он имел возможность взять с собой одного человека и, конечно, предложил Инне поехать на фестиваль. Он вылетел туда первым, а Инна должна была прилететь через пару дней. Она страшно волновалась. Первая поездка за рубеж, совсем одна, языка не знает, а вдруг она там пропадет? Но волнения были напрасны: в аэропорту ее ждала машина, чтобы отвезти в отель. Александр с утра до вечера был занят в жюри. Инна ходила на просмотры фильмов, гуляла по набережной Круазетт. На день закрытия фестиваля Александр с утра облачился в смокинг и лаковые туфли. У Инны до начала церемонии было время и она посвятила его своему туалету. Она привезла с собой черное платье, сшитое у модельера - Александр его еще не видел,- сходила в салон и сделала прическу, а потом заглянула в ювелирный магазин и купила недорогое, но красивое кольцо.

Вечером на приеме Инна увидела, что многие зарубежные кинозвезды и известные режиссеры знают Александра в лицо, и он беседовал с ними по-английски, как с друзьями. Инна всем понравилась и чувствовала, что Саша этим очень доволен. Только Катрин Денев не пожелала познакомиться. Она подошла к Кайдановскому и, кокетничая, завела с ним беседу по-английски, не взглянув даже на стоявшую рядом Инну.

- Не обращай внимания,- сказал потом Саша.- Просто Катрин не любит молоденьких актрис. Придется предложить ей роль в моем фильме, как ты думаешь? - рассмеялся он и взял Инну под руку.

Серебряный браслет

Приближался первый Новый год, который они должны были встретить вместе. Накануне вечером они пошли в гости к одной из Сашиних подруг художнице Фиалке Штеренберг. Сколько ей было тогда уже лет, если она еще в юности дружила с четой Бриков и Маяковским? Сначала зашли в антикварный магазин, и Саша купил для Фиалки изумительный браслет. Попросил Инну примерить, чтобы убедиться в том, как он хорош. Инна впервые примеряла настоящее украшение, глаза у нее загорелись. Вкус Александра и умение разбираться в женских безделушках поразили ее. Видя ее волнение, он предложил: "Выбери что-нибудь и себе". Инна совершенно растерялась, и тогда он выбрал сам: серебряный браслет с гранатами. Вечер у Фиалки прошел чудесно. Прощаясь, та сказала Инне: "Я хочу написать ваш портрет". Впоследствии этот портрет был выставлен и кем-то куплен.

Кайдановский был одним из тех редких мужчин, которые умеют дружить с женщинами. Подруги были гораздо старше его, они были очень образованны, с аристократическими манерами, будто олицетворяли собой давно ушедшую эпоху. Да он и

сам был, скорее, из века девятнадцатого, а не двадцатого. В прошлом жил, как в настоящем, и когда рассуждал о чем-либо, то возникала полная иллюзия того, что он мог бы быть современником и Пушкина, и Достоевского. Кайдановский был тонким ценителем классической музыки, изучал философию, историю религии, собрал уникальную библиотеку, писал картины, сценарии, сочинял и сам исполнял песни. Кажется, не существовало ничего на свете, чего бы он не знал. Какова же была радость Инны, когда случайно выяснилось, что Саша не читал дневников Достоевского, а у Инны как раз была эта книга. Она принесла ее из своей скромной домашней библиотеки, и Саша с жадным нетерпением сразу же стал читать. С того момента Инна почувствовала, что между ними началось взаимопонимание.

Несмотря на мужественную внешность, Кайдановский был раним душой. Прекрасное, настоящее, высокое могло заставить его даже заплакать. Однажды они собирались посмотреть кассету с фильмами Чарли Чаплина, и Саша признался: "Ты только не удивляйся, когда я смотрю его фильмы, то не могу удержаться, всегда плачу". Нежнейшим образом он любил и своих животных: собаку-дворянку Зину и кота Носика. Бывало, звонит из Испании (он был там на съемках): "Здесь прекрасно, изумительно! Не хватает только Зины и Носика!" Или звонок из Парижа, уже при Инне: "Как Зина, Носик? С ними ничего не случилось?" Когда его спрашивали: "Ты действительно любишь Зину больше любимой женщины?" - Александр совершенно серьезно отвечал: "Конечно, ведь Зина нуждается во мне куда больше". Носик вырос в атмосфере обожания. Из комнаты Александр его не выпускал, однако тот не раз дрался с соседским котом так, что их водой разливали, и трижды сигал в окно с третьего этажа.

Инна и Саша переехала с Поварской - сняли квартиру на Бауманской. На Поварскую, которая в самом центре, к ним ежедневно кто-нибудь заходил, на Бауманскую стали приезжать изредка, не по пути. Однажды приехал из Санкт-Петербурга Сергей Курехин. Конечно, засиделись за полночь - о стольком нужно было переговорить. Много выпили, сильно накурили. Сергей приоткрыл дверь на лестничную площадку, чтобы выветрился дым, а то они уже почти не различали друг друга за столом. Александр вначале не заметил, что дверь открыта, а когда это обнаружилось, Носика дома уже не было. Что тут началось! Обыскали подъезд, двор, весь квартал. Саша был вне себя. Курехин, виноватый и расстроенный, тоже искал, бегая по двору. Искали до трех часов ночи и не нашли. Пришлось возвращаться домой. Вечер был испорчен, радость от встречи с другом прошла из-за пропажи любимого кота. Когда вошли в подъезд, Инна сказала, что не станет ждать лифт, а поднимется на седьмой этаж по лестнице и там их встретит. Ей, мастеру спорта по легкой атлетике, сделать это было нетрудно. Между шестым и седьмым этажом она вдруг обнаружила Носика. Тот сидел, вжавшись в стену, за мусоропроводом. Взяв на руки обмякшего сразу кота, она прижала его к груди и, когда Саша вышел из лифта, протянула ему его любимца. Саша просиял от радости и посмотрел на Инну долгим признательным и любящим взглядом.

Свадьба

Время шло, а с фильмом ничего не получалось. Александр знал, что у него большое сердце, он уже перенес два инфаркта, и все это сильно выбивало его из колеи. Так ведь можно и не успеть. И потом, он тяготился жизнью, если не была заполнена творчеством, его угнетала повседневность, раздражал быт. Инна чисто по-женски хотела ему помочь. Ей доставляло огромное удовольствие бегать за мясом в гастроном, варить ему борщ, гладить рубашки. Саша больше одного раза рубашку не надевал, так что стирать и гладить приходилось без конца. Но она не знала, что все это мало имеет для него значения, если нет главного - кино.

Однажды, очередной раз вернувшись с "Мосфильма" - они снова жили на Поварской, - Александр увидел, что давно не мытые окна вымыты до блеска, а в комнате наведен идеальный порядок. Вообще он привык к беспорядку, в котором он один всегда знал, где что у него находится, в каких рукописях зарыт нужный листок или блокнот, где валяются его часы и так далее. Самодеятельность Инны привела его в такое бешенство, что она потом и не

помнила, как оказалась за дверью, как бежала по улице, размазывая по щекам слезы, и как оказалась в театре. У нее в тот вечер был спектакль. Ей было обидно - ведь ничего плохого она не сделала! - и страшно. Таким Сашу она еще не знала. И весь ее мир, сияющий счастьем, разлетелся вдруг вдребезги. Инна по натуре была романтична и мечтательна. Когда была маленькая, мечтала, что вырастет, станет большой актрисой, будет много зарабатывать и купит дом в Юрмале на морском берегу - Инна родом из Риги, - в котором будут жить мама с папой, младшая сестра, бабушка с дедушкой, все вместе. Ей тогда и в голову не приходило, что люди смертны, что бабушка с дедушкой, скорее всего, не смогут дожить до исполнения ее мечты, что стать большой актрисой не так-то просто и счастья добиться трудно. Инна после ссор звонила Саше первая. Она не могла без него жить. А он был вспыльчив, но не зол, к тому же он ведь тоже ее любил по-своему.

Другой раз он поставил ее в тупик тем, что, узнав, что она не читала "Былое и думы" Герцена, сказал: "Тогда и разговаривать с тобой не о чем". И правда, перестал разговаривать и молчал до тех пор, пока не убедился, что Инна взялась за чтение. Разница их в возрасте и образованности была огромна, но Инна и не старалась сравняться с Сашей, просто поняла, что нужно быть с ним искренней. Он чем-то напоминал ей родную тетю, старшую мамину сестру, которую Инна очень любила. Как-то сидела Инна у нее в гостях и слушала пластинки Пугачевой, Джо Дассена, Высоцкого, а тетя спросила: "Что тебе больше всего из этого нравится?" Инна пожалала плечами. И тогда тетя сказала: "Высоцкий - это самое настоящее". У Инны было природное чутье, и она понимала, что Александр хотел бы, чтобы она смогла, сумела понять его сложный внутренний мир.

Однажды в приступе ипохондрии Александр решил покончить с их отношениями. В ответ на слезы и мольбы Инны он кричал, что не надо ему никакой семьи, что он должен работать, только работать - и больше ничего. Ни одной женщине еще не удавалось остаться с ним раз и навсегда, не удалось и Инне. Видя, что до нее никак не доходит смысл его слов, он побелел от ярости и процедил сквозь зубы: "Уйди! Уйди совсем!"

Все было кончено. Прошло больше месяца. Инна не звонила, он тоже. Скоро должен был снова наступить Новый год, но уже без Саши. Инна с горя думала: может, выскочить за кого-нибудь замуж? Клин клином, по живому...

Как-то в три часа ночи ее подняли бешеные звонки в дверь. За дверью стоял Кайдановский. По нему было видно, что он пил уже несколько дней подряд, глаза были красные и воспаленные от бессонницы, лицо и руки перепачканы чем-то черным.

- Что с тобой?! - воскликнула Инна

- Я писал твой портрет углем. Собирайся, я хочу, что ты стала моей женой.

Расписались они в три дня. Саша все организовывал сам. Он не хотел ждать ни минуты, все гнал и гнал куда-то, будто знал, что времени нет совсем.

- Людмила Фокиевна, немедленно приезжайте, я оплачу все расходы! звонил он в Ригу будущей теще.

Но подготовить выездные документы так быстро было невозможно. В окружении Кайдановского некоторые недоумевали: что происходит? Может, девушка в положении, и он как человек порядочный женится на ней? С него станется! Позвонил из Санкт-Петербурга близкий друг кинооператор Юрий Клименко:

- Саша, я на твою следующую свадьбу приеду, на эту не успею!

Не поверил, видимо.

Инна вернулась на Поварскую уже в качестве жены Кайдановского. Раньше ей все-таки удалось убедить Сашу выехать из коммуналки, но их квартира на Арбате была еще не готова. Там шел ремонт. Кайдановский в те дни писал в дневнике: "Ремонт квартиры затянулся, денег на кино не дают. Тоска. Одна лишь радость - молодая, красивая жена..."

Через три недели после свадьбы он умер. Когда сердце Александра остановилось, Носик лег ему на ноги и два часа не уходил, прощался.

После

После смерти известных людей остается наследие, которое нередко потом оказывается

предметом споров и раздоров между людьми, считающими себя причастными к прошлой жизни умершего. Предметом спора после смерти Кайдановского стали не только квартира, мебель и книги, но и Зина с Носиком. К спору по наследству, кроме дочерей и трех бывших жен, пристали и чужие люди, не состоявшие ни в каком родстве с Александром, а просто знавшие его много лет. Возле каждой знаменитости существуют такие люди. Друзья Александра раскололись на два враждебных лагеря. Инна, абсолютно непосвященная и не подготовленная к сложным взаимоотношениям окружавших Кайдановского людей, долго не могла во всем разобраться. Она не понимала, как могут люди, которые еще недавно сидели с ней за одним столом и ели ее стряпню, которые, как ей казалось, хорошо к ней относились, ненавидеть ее теперь. Долго она не могла привыкнуть и к смерти мужа.

В тот последний день Александр, как всегда, встал в восемь утра, принял контрастный душ, прогулялся до завтрака. От лучезарного счастья до трагического финала их отделяло одно мгновение. За завтраком обсуждали, как будут они жить, как будут снимать кино.

- С ребенком нужно не затягивать,- сказал Саша.

Он хотел сына. И вдруг ему стало плохо. Примчалась "скорая", началась суета. Инну просили что-то принести, что-то унести, потом попросили выйти за дверь и... конец. А еще третьего дня они вечеряли вдвоем. Саша был в прекрасном расположении духа, был домашним и близким, каким Инна больше всего его любила. Они сидели друг против друга за толом. Между ними стояла роза в вазе. Темно-алая, на высоком толстом стебле роза, которую принесла Инна. Не он, а она дарила ему цветы, и Саше это очень нравилось. Они сидели, оба поставив согнутую в локте правую руку на стол и, сжав пальцы в кулак, стучались обручальными кольцами и при этом Саша спрашивал: "Ты моя жена?" - "Я твоя жена",- откликнулась Инна, и кольца позвякивали одно о другое. "А я твой муж!" - "А ты мой муж".- "А ты моя жена..."

Недавно Инне приснился сон. Вообще за все время Саша приснился ей только раз. Это было вскоре после его смерти. Как будто он пришел к ней только на одну минутку. Она обрадовалась и испугалась, что он снова оставит ее, и все спрашивала: "Где ты? Я хочу к тебе, я хочу быть с тобой".- "Тебе туда нельзя",- ответил Саша, и она проснулась. В темной комнате никого не было, только Зина и Носик посапывали во сне. А тут ей приснился светлый и радостный сон. Этот сон был связан с Сашей, но конкретно не снилось ничего, просто было ощущение радости от его присутствия и как будто бы он сказал ей, что пора начинать новую жизнь.

ЛЮБИМАЯ НЕВЕСТКА СЕРГЕЯ МИХАЛКОВА

- Только на тебя у меня была надежда, что ты мне в старости кружку воды подашь,- грустно произнесла Таточка, глядя, как Наташа собирает чемодан. Наташе было жаль свекрови, как жаль было и михалковского дома, и уютной комнаты, заботливо убранной и обставленной Таточкой, и своей недолгой жизни в этом гостеприимном семействе, но оставаться смысла не было - ведь они с Андреем только что официально развелись.

Чистый лист бумаги

Если бы второй режиссер картины "Первый учитель", которую задумал снимать Андрей Михалков-Кончаловский, не забыл записать фамилию девушки, выбранной на роль главной героини, то, возможно, Наталья Аринбасарова не стала бы известной актрисой и не вышла бы замуж за Андрея Кончаловского. Но он забыл, и когда позвонил в балетное училище, где они с Кончаловским накануне были, то ему на том конце провода вежливо и охотно подсказали: "Вам, наверное, Наташа Аринбасарова нужна?" - "Точно, она!" - обрадовался второй режиссер.

Девочка-казашка показалась Кончаловскому незнакомой, и первые минуты он был несколько озадачен. Поговорив с Наташей, он уточнил: "А есть у вас в училище еще девочки из Казахстана?" - "Целых пять!" - заявила простодушная Наташа.- Приезжайте, я вас со всеми познакомлю". И он действительно приезжал еще раз, но почему-то все-таки остановился на Наташе Аринбасаровой.

Наташа в ту пору выпускалась из балетного училища. Был май, шли государственные

экзамены. Мама приехала из Алма-Аты, чтобы поддержать ее в этот ответственный момент. Наташа страстно любила балет и ни о какой кинокарьере даже не задумывалась, но одно обстоятельство омрачало ее будущее: в старших классах обнаружилось, что у нее развивается порок сердца. Это означало, что Наташа, при всех ее способностях, не сможет стать солисткой балета.

Переполюшив балетное училище, киношники куда-то пропали, и Наташа вскоре забыла об этом, как вдруг на ее имя пришла телеграмма из Фрунзе. Ее вызывали на кинопробы. Мама категорически не хотела отпускать Наташу. Променять балет на какое-то там кино? Ведь Наташе нужно ехать в республиканский театр оперы и балета завоевывать там положение, а на съемках она потеряет форму и что тогда? В унисон с мамой были и балетные педагоги: "Кто ж не знает, как в кино портят девочек, как ломают им судьбы?!" И Наташа дала ответную телеграмму с отказом сниматься. Кончаловский позвонил тут же. Сначала дико ругался, орал, потом стал просить, а затем умолять Наташу приехать. "Первый учитель", по повести Чингиза Айтматова, был его дипломной режиссерской работой, и провалить ее он никак не мог. Войдя в его положение, Наташа решила все-таки приехать на пробы. Ведь еще ничего неизвестно, может, и не утвердят, тем более в театре сейчас не сезон. Мама полетела во Фрунзе вместе с ней.

- Слишком рафинированная,- придиричиво разглядывая Наташу со всех сторон, произнес художник картины Михаил Ромадин.

Оператор Георгий Рерберг и Кончаловский согласно кивнули.

- Надо ее фактурить,- дополнил свои замечания Ромадин.

Наташа совершенно не понимала, что все это означает, только придиричивые и бесцеремонные мужские взгляды сильно смущали, но мама была рядом. По сценарию Наташа знала, что должна будет играть девочку-сироту, но когда ее нарядили в несуразное платье, вымазали лицо темным гримом, остригли ногти и загнали под них "грязь", а вдобавок ко всему костюмер, не спросив, больше чем наполовину отхватила ножницами ее роскошные черные волосы, она пришла ужас. Но все происходило на ее глазах так быстро и непонятно, что она не успела отреагировать. Из оставшихся волос сплели косички и взбили на макушке колтун. Ромадин прожег спичками несколько дырок на жилетке, а потом, хорошенько потоптав ее ногами, протянул Наташе и сказал: "Надевай".

Но в том-то и заключается магия кино, что, попав в его плен однажды, уже невозможно вырваться.

- Дочка, неужели тебя не утвердят? - волновалась мама спустя два дня, когда они сидели на лавочке во дворе студии в ожидании решения худсовета, забыв уже, как ее саму отпаивали валерьянкой на кинопробах.

Кончаловский в своей требовательности на съемочной площадке временами доходил до грубостей и бывал даже жесток. Он держал Наташу впроголодь - "У тебя такие щеки, что со спины видны, в крупный план не влезают!" - никогда не хвалил, а однажды, желая добиться от нее наибольшей достоверности переживаний, вlepил звонкую пощечину.

- Не надо меня бить,- взмолилась очумевшая от боли Наташа,- я вам сама все сыграю!

Но вместе с тем она видела, как он работает и как много он работает, с каким упоением и самоотдачей. Время от времени вечерами после съемок они гуляли, Андрей рассказывал Наташе о своей семье, о маме, а иногда они слушали пластинки Баха на проигрывателе "Юность", и Андрея эта музыка приводила в такой экстаз, что он даже плакал. Потом был день рождения Андрея, а через месяц Наташе стукнуло восемнадцать. Вся съемочная группа весело отмечала эти важные события их маленького коллектива. Когда съемки подходили к концу, Наташе все чаще становилось тревожно и грустно: что же будет дальше? А вдруг не будет ничего? Андрей уехал в Москву показывать отснятый материал, а когда вернулся, сказал Наташе: "Я ехал в троллейбусе по улице Горького, вспоминал тебя, и вдруг меня осенило, что я должен на тебе жениться. Я на мгновение даже ослеп от этой своей догадки".

Они расписались в районном загсе в Киргизии, и все до утра гуляли на их свадьбе. Под Новый год, когда натурные съемки были закончены, Андрей отправил жену в Москву к

своим родителям, а сам должен был прилететь следом. Он написал письмо маме и попросил Наташу передать. "Дай слово, что не прочтешь!" Наташа слово сдержала и передала письмо Наталье Петровне, не читая, и только через несколько лет свекровь показала ей, что там было. "Мамочка,- писал Андрей,- посылаю тебе чистый лист бумаги. Что мы на нем напишем, то и будет".

Что было дальше

Фильм "Первый учитель" прошел в Москве незаметно. Кончаловский уже приступил к съемкам "Истории Аси Клячиной", как вдруг новость - "Первый учитель" будет показан на Венецианском фестивале! Кончаловский с женой должны были полететь в Италию на день показа картины. Пока точно не стало известно, что они летят, Андрей из суеверия не разрешал жене готовиться к этому мероприятию, и у Наташи с Натальей Петровной голова шла кругом в последние дни перед отъездом - ведь нужно было сшить наряды. Наталья Петровна не пожалела для невестки свой отрез черного лионского бархата, а в комиссионке они достали отрез серебристой парчи, и очень дорогая мастерица взялась сшить туалеты в кратчайший срок. Из парчи сделали длинное вечернее платье, а из бархата - маленькое, как тогда было модно, платьице со шлейфом. Под бархатное платье Наталья Петровна одолжила Наташе свою бриллиантовую брошь и жемчужные с бриллиантами серьги, а под парчовое старинную брошь в стиле рококо с изумрудами, рубинами, сапфирами и серьги с изумрудами. Но это еще не все. Тогда только начала входить в моду норка, и Наталья Петровна презентовала невестке свой палантин из голубой норки, в который маленькая Наташа, против крупной и высокой Натальи Петровны, могла просто запеленаться с головы до ног.

"Первый учитель" на Венецианском фестивале имел оглушительный успех. Западная пресса даже называла Кончаловского русским Курасовой. Прошел слух, что приз за лучшую женскую роль, скорее всего, получит Наталья Аринбасарова. Наташе не верилось - ведь ее соперницами были Джейн Фонда, Ингрид Тулин, Джулия Кристи,- однако слухи оказались верными. Наташу и без того повсюду преследовали журналисты, а в день закрытия фестиваля, когда были оглашены имена призеров, на Наташу свалилась просто мировая слава. Ее без конца снимали, без конца она давала какие-то интервью, отвечала на всевозможные вопросы, вплоть до того, какая у нее с мужем квартира и машина.

- Сколько у вас вечерних туалетов? - не унимались журналисты.

- Я не могу так сразу подсчитать,- выкручивалась из всех сил Наташа.

Венеция, Средиземное море, шикарный отель, вокруг масса знаменитостей и среди них она, Наташа, два года назад никому еще не известная выпускница балетного училища Большого театра, девочка из Казахстана. И рядом с ней муж, любимый, талантливый, от которого у нее уже есть маленький сын. Как она счастлива! Как прекрасна жизнь!

"Уеду воевать во Вьетнам"

В следующей своей картине Кончаловский жену не снимал и уехал в экспедицию в Горьковскую область один. Наташа его навещала, но не могла долго быть рядом, потому что дома оставался маленький Егор.

"История Аси Клячиной" легла "на полку". Кому из друзей успел Андрей показать картину, всем она понравилась, но это ведь ничего не меняло. Кончаловский переживал, на нервной почве у него на руках и ногах выступила экзема: "Нужно уезжать, здесь работать нет никакой возможности!" Но в то время, чтобы легально уехать на Запад, нужно было жениться на иностранке. Наташа тогда еще не знала, что это - первая трещина в ее семейном благополучии, которая со временем разрастется и приведет к обрыву. Андрей становился все более раздражительным, все глубже замыкался в себе, по вечерам слушал "Голос Америки" и Би-Би-Си. Наташа догадывалась, что он несчастлив. Вскоре он уехал в новую киноэкспедицию снимать "Дворянское гнездо".

А Наташа, сделавшись известной актрисой, поступила во ВГИК к Сергею Герасимову учиться актерскому мастерству. Помимо этого, она занималась французским. Еще на первых порах, когда у Андрея Сергеевича были радужные планы на дальнейшую жизнь, он ей

говорил:

- Я хочу, чтобы ты училась, стала одной из самых образованных и интересных женщин, я хочу чтобы ты училась в Сорбонне!

Когда Наташа вошла в семью Михалковых, она не представляла себе, до какой степени это известная и влиятельная семья. Да, она знала, что Сергей Владимирович Михалков детский писатель, что он автор "Дяди Степы", а уже потом она узнала, что он еще и автор Гимна Советского Союза и что перед ним открываются любые двери. Его супруга Наталья Петровна - не только дочь известного художника Петра Кончаловского, но и внучка великого русского художника Василия Сурикова. Проведя школьные годы в интернате, где был жесткий режим, много работы до седьмого пота в балетном классе, где всех их одевали за государственный счет в одинаковые пальто и платья, Наташа первое время просто наслаждалась уютом, живя в семье Михалковых. Они жили празднично, хлебосольно, многолюдно, весело. Наташа полюбила их дачу на Николиной горе - большой деревянный дом, красиво обставленный мебелью из карельской березы, с изразцовой печью, такой настоящий русский дом. Приятно было просыпаться по утрам от щекочущего ноздри аромата свежесваренного кофе и домашних пирожков и спускаться вниз, в нарядную кухню, где хлопотала кухарка Поля, жившая у Михалковых с детства. Быт Наташу не заедал, с Егором сидела няня, в Москву ее возил шофер. У Михалковых в доме всегда было полно всяких интересных людей, но Наташе ближе была компания младшего Михалкова, Никиты, с которым они были ровесники. Когда приезжали к нему на дачу друзья - Коля Бурляев, Женя Стеблов, ставшие потом известными актерами, молодой тогда композитор Слава Овчинников,- вот было веселье. Никита в то время уже прославился, снявшись в фильме "Я шагаю по Москве". Вслед за старшим братом он вскоре женился на Насте Вертинской, тоже уже известной благодаря фильмам "Алые паруса" и "Человек-амфибия", и у них родился сын Степан.

Свекровь Наталья Петровна была очень интересным человеком. В ней органично уживалось и обыденное и высокое. Она могла быть одинаково привлекательна и как светская дама и как простая русская женщина. Любила все делать своими руками: шила, мастерила, готовила. И у нее было одно редкое качество - умение наслаждаться жизнью и из всего плохого извлекать что-то хорошее. Внуки, Егор и Степан, ее обожали и звали Таточкой. Наталья Петровна занималась литературой, она написала роман о жизни деда, Василия Сурикова: "Дар бесценный". Дома нередко устраивались чтения, приезжал актер Василий Ливанов со своими замечательными сказками, читал свои произведения Сергей Владимирович. Наташа любила ездить со свекром на дачу, он водил машину мягко и ее не укачивало совсем. В свои восемнадцать-девятнадцать она оставалась очень простодушной и воспринимала Михалкова не как известного писателя и общественного деятеля, а просто как родственника и даже иногда выговаривала ему, например, за то, что он опоздал к ужину.

- Разве вам трудно было позвонить? Наталья Петровна тогда бы не волновалась.

Михалков лишь хмыкал в ответ: "Откуда ты это знаешь?"

- Женщина женщину всегда поймет,- философствовала Наташа, сидя на заднем сидении автомобиля.

Впоследствии, когда Наташа ушла от Андрея, Сергей Владимирович нередко говорил ей: "Ты моя самая любимая невестка".

Наташа благодаря своему простодушию ничего не знала о другой, личной стороне жизни Андрея. Они никогда не ссорились напрямую, Андрей этого избегал. Она и не ревновала его, потому что была молода и не могла даже мысли допустить, что муж ей станет с кем-либо изменять. Но близость - та, которая была в первые годы их совместной жизни,- стала куда-то исчезать, и Наташа нередко чувствовала себя лишней рядом с Андреем. Временами ей казалось, что лишняя не только она, но и Егорка. Как-то Андрей откровенно ей сказал:

- Знаешь, я перестал тебя чувствовать.

У Наташи внутри все оборвалось.

- Давай расстанемся...

- Нет, сейчас нельзя, ты еще учишься и не можешь себя содержать. Что ты будешь делать одна?

- Уеду воевать во Вьетнам! - нашла в себе силы отшутиться Наташа.

Рецепт счастья

Хорошо, что все свободное время у Наташи занимала учеба, иначе неизвестно, как бы она перенесла развод с мужем; к тому же она продолжала сниматься в кино. Работа часто разлучала ее с мужем и сыном, потом приходилось наверстывать учебу во ВГИКе, и Наташе некогда было сосредоточиться на своих переживаниях. Но все равно время от времени она остро чувствовала, что между ней и Андреем все больше и больше непонимания. Вдруг серьезно и тяжело заболела Мотя, Егоркина няня. Няню госпитализировали, и Наташа разрывалась между больницей и киносъемками. Она снималась то в Киргизии, то в Белоруссии. Егорку пришлось на это время отправить к маме в Алма-Ату. Эти два сложных месяца Наташа совсем потеряла из виду Андрея и даже не знала, где он находится. Она подала на развод первая.

Сергей Герасимов приступил к съемкам фильма "У озера" и специально для Наташи написал небольшую роль балерины. Каким образом он и Тамара Федоровна Макарова всегда узнавали, что происходит в жизни их воспитанников, непонятно, в душу они никогда ни к кому не лезли, но эта работа тогда Наташе очень помогла. Коллеги и друзья, узнав о ее разрыве с мужем, очень удивились: "Ты всегда такая веселая, что и подумать невозможно было, что у тебя такая драма!" На это Наташа ответила: "А женщина и должна быть всегда на двадцать пять процентов веселее, чем есть на самом деле".

Свекор и свекровь первое время еще надеялись удержать Наташу возле себя. Наталья Петровна даже оставила для нее свободную комнату на даче. Параллельно развелись и Никита с Настей, так что "старикам" пришлось переживать вдвойне. Наташа не боялась одиночества и не боялась, что останется без поддержки в профессии, у нее уже был накоплен опыт, а картина "Песня о Маншук", сценарий к которой был написан Андреем, снова принесла ей несколько премий, и это еще придало уверенности в будущем. Наташа дала себе слово, что не примет ухаживаний ни от кого из окружения Андрея, но ей ведь было всего двадцать три и засушить себя она никак не могла. А приятели и знакомые Кончаловского, узнав, что она свободна, стали ухаживать наперебой. После развода Наташа почувствовала себя даже уверенней. Андрей, женившись на ней, восемнадцатилетней, так и продолжал считать ее маленькой, чистым листом бумаги, на котором он был вправе оставлять свои автографы. Бывало, идут в гости к какому-нибудь знаменитому человеку, и Андрей говорит: "Сиди тихо и внимательно слушай", будто она не могла быть равной в беседе с умными людьми. Наташа заметила странную перемену: те, кто при Андрее относился к ней так же, как и он, вдруг переменились, и у нее завязались с этими людьми совсем новые, по-хорошему приятельские отношения, которые протянулись потом через всю жизнь. В компании Кончаловского было много интересных и талантливых людей: кинорежиссер Андрей Тарковский, сценарист Валентин Ежов, актриса Беата Тышкевич, и был среди них Николай Двигубский, художник, сын русских эмигрантов из Парижа. Это был красивый, элегантный молодой человек. Родители его в конце пятидесятых, не выдержав разлуки с Родиной, вернулись. Николай никак не мог привыкнуть к жизни в Советском Союзе, он был слишком свободным, слишком раскованным для советского общества. Наташа видела его несколько раз, но и представить себе даже не могла, что он станет ее мужем и отцом ее дочери Кати - Николай среди ее поклонников был не самым настойчивым.

Так прошло два года. Наташа жила, работала и училась. Бабушка с дедушкой часто забирали Егора к себе на Николину гору, Андрей много работал, они виделись редко. Через несколько лет Кончаловский все-таки уехал за рубеж, женившись на французенке.

Однажды Наташа вернулась со съемок, и в квартире сразу зазвонил телефон. Это был Двигубский. Он сказал, что в почтовом ящике оставил для нее письмо, и очень настаивал, чтобы она прочла немедленно. Прочтя - в письме было объяснение в любви,- Наташа

перезвонила и сказала, что между ними ничего никогда быть не может.

- Как? - огорчился он.- А женитьба тебя разве не устроит?

Брак Натальи с Николаем продлился десять лет. Это были счастливые годы. Но странная закономерность: Николай тоже хотел уехать из России. А Наташа никогда никуда уезжать не собиралась. Сейчас Николай живет во Франции, скучает в своем загородном замке, хотя у него есть семья. Но ему время от времени так не хватает задушевного общения с теми, кто его понимает.

ПРОСТИ МЕНЯ, ВОВЧИК!

Когда мама вынашивала Светлану, она уже знала не только, что дочку будут звать Светланой, потому что фамилия - Светличная, но и не сомневалась в том, что, когда та вырастет, станет известной актрисой. Ведь она сама мечтала таковой стать, но не сбылось, а все окружающие всегда замечали ее необыкновенное внешнее сходство с Любовью Орловой.

"Второгодники"

Однажды в солнечный осенний день начала семестра на актерском факультете ВГИКа во время занятий распахнулась дверь, и в аудиторию вошли две "звезды": Владимир Ивашов и Жанна Прохоренко. Они только что прогремели на весь мир, снявшись в картине Григория Чухрая "Баллада о солдате". Аудитория, ахнув, замерла, глядя на них во все глаза, таких великолепных. Жанна, стройная, в облегающем фигуру платье, огромные карие глаза блестят на матово-чистом лице, каштановые волосы, собранные в пучок, едва удерживаются на затылке под собственной тяжестью. Рядом Владимир, высокий, в строгом черном костюме, темные волосы разделяет аккуратный пробор, на щеках тень от густых длинных ресниц. Неизвестно, что почувствовали, глядя на эту красивую пару, ребята, а девочки так сразу все в одно мгновение влюбились в Ивашова.

- Бог ты мой! - восхитилась про себя Светлана, не сводя глаз с Владимира.- И кому только достанется такой парень, кому же повезет?!

Новички были "второгодниками" - Жанну отчислили из театрального за то, что она, нарушив запрет, снялась в кино, а Владимир от своего курса отстал из-за съемок, и они были вновь зачислены на второй курс к Михаилу Ромму.

Влюбившись в Ивашова, Светлана затаила и никому-никому об этом ни слова, хотя сохранять тайну было нелегко. В общежитии все жили дружной, тесной компанией, секретов от подруг иметь не полагалось, а имя Володи Светлана слышала постоянно то от одной из них, то от другой, и ей приходилось следить за собой, чтобы щеки ее предательски не вспыхивали при упоминании об этом парне. К тому же у Володи остались друзья на прежнем курсе, и он часто навещался в общежитие. А в институте у нее было другое испытание: поскольку Михаил Ильич видел в ней будущую героиню, то во всех институтских постановках она была занята в главной роли, а партнером ее был, конечно, Ивашов. Все сцены и отрывки, которые репетировались на занятиях, были так или иначе про любовь, нужно было играть чувства. А как тут играть чувства, если ты, наоборот, пытаешься скрыть свою первую большую любовь? Нравится ли она Володе, Светлана не знала и боялась даже думать об этом. Он был ровен со всеми девушками, приветлив и в то же время умел так держать дистанцию, что никто не мог бы ему просто так навязаться. Конец всем мукам положил однажды режиссер Резо Эсадзе. Репетировалась любовная сцена, где предполагался поцелуй, и он, видя, что герой и героиня все мнутя и никак не решаются, сказал нетерпеливо:

- Ну все, поцелуйтесь, наконец, и идем дальше!

И Ивашов шагнул к Светлане, обнял ее, и она почувствовала прикосновение его мягких, теплых губ. У нее земля ушла из-под ног, она закрыла глаза, но все же самообладание не потеряла. В ту же секунду ее накрыла волна торжествующего счастья: "Он неравнодушен ко мне!"

Через некоторое время Ивашов признался: "Светка, кажется, я тебя люблю!" - и повез ее на дачу знакомить с родителями. Светлана была удивлена, что у Володи оказалась такая простая семья, ведь он был уже звездой, его постоянно приглашали на творческие встречи то

во французское, то в итальянское посольство. Ивашов был не только красив, а аристократически тонок, обладал хорошим вкусом и изысканными манерами. Он приглашал на эти встречи и Светлану, но она ни разу в посольство его не сопровождала: то туфель подходящих такому случаю не было, то платья не оказывалось. И когда они приехали на дачу, их встретила Евдокия Николаевна, мама Володи, хлопотавшая в огороде на своих шести сотках.

Поженились они после зимней сессии, перейдя на третий курс. Расписались в Москве, а свадьбу играли в Мелитополе, где обосновались родители Светланы после того, как ее отец, военный, вышел в запас и построил там собственный дом. Светлана из своих однокурсниц пригласила на свадьбу только Ларису Буркову, которая еще до романа ее с Володией сильно сохла по Ивашову, и у Светланы было некоторое чувство вины перед ней, оттого, что Володя не ее выбрал. Вся мелитопольская улица, на которой жили отставники, высыпала из своих домов, когда приехали молодые. Еще бы, ведь их посетил сам Алеша Скворцов, герой фильма "Баллада о солдате"! Ребяшня сопровождала невесту с женихом с громким криком и восторженным визгом до самого порога. Свадьба была широкая, с самогоном и водкой, с жареными гусями и утками, по-украински хлебосольная, с песнями и плясками три дня.

Светлана, когда приехала в Москву поступать, думала, что москвичи все живут в больших квартирах со стеклянными широкими дверями и сверкающим паркетным полом, как тогда в кино показывалось, а Ивашовы жили в коммуналке, все в одной комнате: мать, отец, Володя с братом и сестрой Галей, поэтому молодые супруги спали на полу. Вскоре у них родился Алешка.

"Не виновата я, он сам пришел!"

В фильм "Бриллиантовая рука" Светлана Светличная попала случайно отказалась сниматься в этом эпизоде Людмила Максакова, и киногруппа оказалась в цейтноте. Съемки прошли мгновенно, в три дня, и у Светланы от этого осталось такое же чувство, какое бывает, когда тебе должны вырвать зуб: трясешься от страха, а вот он уже и вырван, а ты и не заметила как. Что-то в этом роде переживала она и, конечно, тогда никак не могла предполагать, какой ошеломляющий успех принесет ей этот двухминутный эпизод. После выхода картины, которая и сама по себе имела успех, на Светлану свалилась просто небывалая слава, отзвук которой сопровождает ее по сей день. Танго "Помоги мне" сразу стало шлягером, а фраза "не виновата я, он сам пришел!" сделалась крылатой. Слава эта была несколько своеобразной: все мужчины Советского Союза сразу влюбились в Светлану, а все женщины, наоборот, невзлюбили ее, но равнодушных к этой необыкновенной блондинке в открытом купальнике не было. Сейчас, уже по прошествии более тридцати лет, Светлана в этом фильме вновь актуальна, но уже по-новому, потому что снят запрет на секс и женская красота отпущена, наконец, на свободу. Молодежь ставит Светлане и сейчас пять с плюсом за эту крохотную роль. На всех творческих встречах после "Бриллиантовой руки" Светлана делала аншлаги - все ломилось в зал посмотреть на "Светличную в жизни". Однажды одна девушка даже в обморок хлопнулась от восторга. Надо отдать должное Светлане: она, имея двоих детей, следила за собой всю жизнь: бегала по утрам, сидела на диете, и даже "моржевала" в прудах Нескучного сада, когда они с мужем жили на Ленинском проспекте. Вскоре после рождения Алешки им дали квартиру из двух комнат. Счастью не было предела. Родители Светланы подарили им кровать, стол и два стула; кровать для сына они купили сами. И приехала Светланина тетя сидеть с малышом.

После "Бриллиантовой руки" за Светланой толпой бегали фоторепортеры, где бы она ни была - дома или за рубежом. Поклонники просили автограф и хотели сфотографироваться с ней вместе, несмотря на то, что у нее были и другие картины, например, "Им покоряется небо" Татьяны Лиозновой. В некотором роде она стала заложницей "Бриллиантовой руки", после этого ее перестали снимать, считая, что у нее "слишком западная внешность". И даже фильм "Стряпуха" не "реабилитировал" ее в глазах кинематографистов. Если бы советско-венгерская картина "Между небом и землей", в которой снялась Светлана после "Бриллиантовой руки", вышла на экраны, то, возможно, стереотип этот был бы сломлен, но

картина легла на полку на много-много лет. А Светлана вовсе и не чувствовала себя простушкой и совсем не собиралась ею становиться в угоду тогдашней конъюнктуре. Она одевалась ярко, могла все деньги потратить на обновку, если в моде были юбки мини, она немедленно отрезала все подолы и могла надеть шляпу вот с такими полями - и во всем чувствовала себя органично. Правда, муж, сдержанный, уравновешенный, иногда слабо возражал: "Светка, может быть, ты наденешь вот это?" - когда они шли вместе куда-нибудь. Но первые пятнадцать лет их брака Светлана больше доверяла своему вкусу, чем Володину. Зато когда эта необыкновенная пара появлялась на улице Горького, направляясь в Дом актера, поклонники и поклонницы окружали их плотным кольцом - у каждого из них был свой кумир: либо Володя, либо Светлана.

Ивашов к своей славе относился равнодушно. Да, ему нравилось, когда в Театре-студии киноактера, на сцене которого он играл, зал, бисируя, вставал, и в этот момент он был, вероятно, счастлив, но разгримировавшись, он становился просто Володей Ивашовым, мужем Светланы и отцом своих детей. Они спешили домой: Володя - погулять с собакой, Светлана - скорее пожарить картошки на ужин. Потом садились за стол, выпивали по стопке, чтобы снять напряжение, и говорили уже о своем, о земном. Они жили дружно, деньги тратили с удовольствием и свою квартиру, впоследствии трехкомнатную, сделали по-своему уютной. В этом их вкусы совпадали полностью. Все, покупая ковер, вешали его любовно на стену, а Светличная с Ивашовым бросали на пол, потому что так "шикарнее". Жили весело, с друзьями и застольями. Ивашов был душой компании, когда рассказывал анекдоты, а если брал в руки гитару, то невозможно было не восхищаться им: так, как он пел романсы и "Русское поле", никто не умел. Они завели сеттера, и Володя ездил с ним на охоту. Когда он облачался в телогрейку и резиновые сапоги, становился еще интереснее. "И откуда у него столько изыска?" - не переставала удивляться Светлана.

Через одиннадцать лет родился Олежка. Этот ребенок был уже воспитан ими самими, без помощи старших. Они уже стали зарабатывать - Владимир много снимался в Польше, - и Олежке доставались и джинсы, и игрушки, каких не было у старшего брата, но мальчишки все равно жили дружно. Правда, младший Володе и Свете достался труднее, они его избаловали, он и из дома сбегал, скрываясь по три дня, и учиться ленился.

- Ты можешь сказать ему, в конце концов, как отец?! - взывала к мужу Светлана, но тот, тая от любви к сыну, никак не мог применить свою отцовскую строгость. Единственное, что он мог, - это сидеть и заниматься с детьми все свободное время, отдавая им свои знания, которые были у него в области искусства и литературы обширными. Эта его уравновешенность, молчаливость временами сбивала Светлану с толку. На комплименты скуп. Новое платье лишней раз не похвалит, только посмотрит любовно и все, а если хорошо сыграла в спектакле, скажет: "Молодец!" Этого Светлане казалось мало, ведь она куда эмоциональнее и всегда выплескивала все через край. "Володя, ты так сегодня играл, ты был великолепен!!!" - или, бывало, раскритичится на него за что-нибудь, а он: "Я пойду, пожалуй, в спальню..." и тихо уйдет. Утром ее мучило раскаяние - нахамила ведь вчера! - и первым делом, только открыв глаза, она тихим голосом лепетала: "Вовчик, прости меня за вчерашнее". А он ласково: "Да я тебя вчера еще простил". Это его "вчера еще простил" ее просто обескураживало!

После "Баллады о солдате" у Ивашова была еще одна картина, по значению равная этой, но ее тоже отправили на "полку". Фильм Станислава Ростоцкого "Герой нашего времени" ничего не добавил к их славе, хотя в новелле "Тамань" они оба были очень хороши: Иващов в роли Печорина, Светлана в роли контрабандистки.

"Не оставляй меня"

Невозможно было быть такой блистательной парой, и чтобы не было ревности. У Светланы был повод ревновать, когда Владимир уезжал в длительные киноэкспедиции. Повод она находила сама, при помощи своей интуиции. Он же ревновал жену молча, страдая от того, что вокруг нее всегда вились влюбленные в нее мужчины, в ее русалочьи глаза. Эти ее глаза еще в институте сводили с ума парней, а когда она снялась в своем первом фильме

"Мне двадцать лет" у Марлена Хуциева, то в киношной среде всерьез стали говорить о появлении новой кинозвезды. Светлана и сама, к своему невольному удивлению, была поражена яркостью своих глаз, когда впервые увидела свой крупный план на экране. Эту свою изюминку - необычные глаза, которые придавали ее облику некую интригу, она, конечно, берегла всю жизнь. Однажды на фестивале фестивалей в Акапулько в Светлану влюбился немецкий журналист и ходил за ней по пятам. Даже в посольстве знали о том, что он "без ума" от Светличной. На приеме в честь актеров Светлана, увидев, что муж оставил ее и друзья утащили его к своему столику, решила проучить его и тоже пошла в "свою" компанию. Потом он не мог ее найти и очень рассердился: "Где ты была? Я повсюду искал тебя!" - говорил он возмущенно. "А ты меня не оставляй",- сказала ему Светлана. Она всегда была уверена в своих силах.

Но однажды - это было уже через много лет после свадьбы - Володя, в свою очередь, проучил ее. Ею, как и положено, увлекся один человек, и она стала как бы подыгрывать ему. Ей нравилось, то она так нравится. Муж сказал: "Светка, бросай все это, прекращай". Она пропустила мимо ушей, и тогда он дал ей понять, что он тоже может быть любим другою, причем очень сильно. Светлана, любя мужа больше всего на свете, опомнилась: Володя может и уйти. Конечно, все эти влюбленности, налетая как ветер, через два-три месяца проходили бесследно, Светлана знала, что по большому счету она у мужа женщина номер один.

Она очень любила приходить в театр, когда муж играл. Он ее, бывало, спрашивал: "А что ты пришла, ты ведь уже видела этот спектакль?" Она отвечала: "Чтобы полюбоваться на тебя и еще сильнее влюбиться". И это было правдой - в мужа-актера она влюблялась еще и дополнительно. Уже после смерти Владимира она наткнулась на его дневник, в котором он всего за полгода до ухода писал о своих чувствах к ней так, будто они только-только поженились.

...Однажды Владимир пошел на работу, и ему сделалось в метро плохо. Работа у него была уже не в театре и не в кино, а... на стройке. Была середина девяностых. Театр-студию киноактера при "Мосфильме" распустили, всех уволили, кино перестали снимать, денег не стало. Владимир очень тяжело переживал сложившуюся ситуацию. "Ничего не понимаю!" - говорил он жене. В советские времена было тоже нелегко. Дефицит, очереди, простои в кино, но как-то все-таки все, в конце концов, устраивалось. Если не снимали, значит, платили среднемесячную неустойку, а если подворачивалась съемка на периферийной киностудии или в странах соцлагеря, значит, работа была. Театр тоже приносил свои плоды - там были творческие удачи, например, "Бесы" по Достоевскому: Ивашов в роли Ставрогина, Светличная в роли Лебядкиной. А тут они вдруг ощутили, что больше не нужны ни-ко-му. Чтобы прожить и вырастить младшего сына, Светлана сначала торговала обувью, потом нанялась в новому русскому убирать квартиру. Конечно, такое унижение даром не прошло - у Ивашова открылась язва. Эта болезнь преследовала его с молодости. Но в молодые годы все переносилось легче. Нужен жир барсука? Нужна китовая вытяжка? Врач? Достанем! За шестнадцать лет до смерти Владимир был удачно прооперирован, и о болезни постепенно забыли, а она, коварная, ждала своего часа и дождалась. Владимир стал вдруг худеть, терять силы. В тот роковой день он вернулся домой и сразу лег. Долго спал, потом, проснувшись, вдруг попросил покормить его манной кашей. Светлана спросила: "Тебе в постель подать?" - "Нет, я встану",- поднялся он, но, сделав несколько шагов, сильно покачнулся и оперся рукой о притолоку. Тут Светлана поняла, что дело плохо.

...В реанимацию к нему не пускали. Светлана передала ему записку и смотрела через стекло палаты, как он ее читает. Володя прочел, поднял глаза, улыбнулся, потом сложил из листочка самолетик и пустил к ней. Этим он хотел сказать ей, что скоро вернется домой и они будут вместе. Самолетик, не долетев, спикировал на пол. В этот день Светлана видела Володю живым в последний раз.

ЛЮБОВЬ НЕ С ПЕРВОГО ВЗГЛЯДА

Это началось еще в семидесятом. Молодые актеры пришли на Таганку, и в их числе

Леонид Филатов. Нины Шацкой в театре не было - она сидела дома с грудным Денисом, но в тот день забежала на минутку в бухгалтерию взять справку. И увидела его.

Он сидел со свойственной ему манерой, поставив руки на локти, а кисти свободно провисали в воздухе. Нина не разглядела и не запомнила его лица ее поразили именно руки, красивые, с тонкими запястьями и длинными нервными пальцами. Что-то кольнуло внутри. Но это был еще не роман и даже не его начало.

Первая попытка

Он тоже ее заметил. Высокая, длинные белые волосы, улыбка озаряющая лицо, как молния и грудной низкий голос. Мелькнула и ушла.

- Кто это? - спросил он проходившую мимо гримершу.

- Нина Шацкая,- последовал ответ.

Но, видимо, голос Филатова выдал его - тут же строгое предупреждение:

- Но она замужем.

- За кем? - с любопытством спросил он.

- За Валерием Золотухиным.

- Я воспринял это известие,- вспоминает Леонид Алексеевич,- как несчастный случай. "Как это могло случиться?" - думал я потом. Кто угодно, только не Золотухин. Его воспринимать я не мог вообще, не то что соперничать с ним...

Нина вышла за Валерия Золотухина в конце пятого курса института. Зима кончалась. Однажды она привела его домой и представила маме: "Вот мой муж". Он был неважно одет, в драной шапке ушками вниз. Мама глянула на него и заплакала. Мамы всегда плачут, когда взрослые дочери ставят их перед фактом, что детство их кончилось, а вместе с ним и мамина молодость. Молодость Нининой мамы была короче ласточкиного хвоста. В сорок втором, за день до возвращения с фронта после тяжелого ранения, погиб муж. Его убило взрывной волной от бомбы на пороге госпиталя. Нине было тогда около двух лет.

- Боже мой, как она кричала, когда пришло извещение о гибели папы! вспоминает Нина.- У меня до сих пор в ушах звон стоит от этого крика. Она выла, как раненый зверь. Это была у мамы единственная и последняя любовь, больше она замуж не вышла.

...Как только Нина после декрета пришла в театр, Леонид предпринял первые шаги к сближению. Однажды в перерыве между репетициями он пригласил ее в кафе. Был день. В кафе почти не было народа. Они ели нехитрую по тем временам закуску, пили кофе. Леонид между ничего не значащими фразами прочел Нине свои стихи. Стихи не были посвящены ей, но интонация, с которой он читал, насторожила ее. На душе вдруг сделалось весело-тревожно, но она постаралась не подать виду. Но как трудно было устоять! Во всем его облике, таком небрежном, было столько сексуально притягательности и какой-то магнетической обаятельности.

- В детстве я бредил кино и засматривался в "Советском экране" на портреты Анджея Вайды, Андрея Кончаловского, Андрея Тарковского, рассказывает Филатов.- Кепочка, свитерок, темные очки - все это казалось мне безумно эротичным.

Этот стиль он усвоил потом на всю жизнь.

- Я замужем,- вдруг сказала Нина, а Леонид ни о чем таком ее и не спрашивал, но женское чутье уже предупредило ее о надвигающейся опасности. Я замужем, я очень хорошо к вам отношусь - и не больше,- как можно тверже произнесла она и встала, чтобы уйти.

Замужество Нины Леонид препятствием не считал, но интонация ее голоса, выражение глаз остановили его. У него уже была прививка от несчастной любви. Еще в студенческие годы он пережил сильное и безответное чувство к молоденькой, хорошенькой, а главное, очень уже известной актрисе - комедийный фильм с ее участием весело шагал по экранам страны от Черного моря до Тихого океана, а он был еще безвестным, разве что только подающим надежды артистом. И сколько ни ворожил, сколько стихов ни писал ничего не помогло. Быть снова отвергнутым он не хотел.

Кажется, на этом все и прекратилось. Они виделись только в театре во время репетиций, но очень редко. Карьера Нины в театре складывалась нелегко отчасти из-за

непростых отношений с главным режиссером Юрием Любимовым. И хотя она играла что хотела и почти все главные роли в шедших тогда спектаклях переиграла, ей приходилось репетировать редко, чаще ее просто вводили в спектакль вместо кого-то заболевшего или отсутствующего за день-два до премьеры. Она не умела прятать характер, к тому же честолюбия и тщеславия в ней было ноль.

Семейная жизнь Нины между тем шла вкривь и вкось. Валерий по полгода отсутствовал, уезжая на гастроли. С его стороны это был не брак, а сплошной адюльтер. Таганка в те годы была самым популярным театром в Москве. Имя актрисы Нины Шацкой уже стало звучать, ее узнавали на улице, а она ходила в стоптанной обуви и невзрачном пальтишке. Денег в семье не было. Сытой жизнью Нина и в детстве не была избалована. Она помнит, что за праздник был, когда мама однажды продала кожаное папино пальто и на вырученные деньги купила батон белого хлеба. Пожалуй, светлые годы ее молодости студенчество. Мимолетное увлечение Толей Зубехиным из МИМО, потом очень сильная влюбленность в актера Театра имени Моссовета Владимира Шурупова (ныне уже покойного). Влюбленность была обоюдная. Встречались, целовались до безумия, но голову она не теряла - мамин пример монашеской строгости сильно на нее повлиял. Подогретая этой влюбленностью, она вышла замуж за Валерия. И хотя ей очень скоро стало ясно, что счастья с ним не будет, она продолжала тянуть ляжку этого брака, убежденная в том, что, выйдя замуж однажды, должна прожить с этим человеком всю жизнь.

"Я тебя люблю!"

Она не лукавила, когда сказала Леониду, что она - замужняя женщина. И бог знает, чем бы все кончилось между ними, если бы под крышей Таганки не расцвела еще одна любовь - Владимира Высоцкого и Марины Влади. Как красиво он за ней ухаживал, как искренне и сильно та его любила! У Нины открылись глаза: есть на свете любовь, да еще какая! Есть совсем другие отношения, чем у нее с мужем. И любовь к Леониду захватила ее всю. Но с тех пор, как они виделись в кафе, прошел ровно год. За это время Леонид, к сожалению, женился на актрисе того же театра.

- Я далеко жен не искал, они у меня обе с Таганки,- иронизирует над собой Филатов.

Все началось со сна. Что это был за сон, Нина не помнит. Это был сон-ощущение, сон-предчувствие. Проснувшись, она поняла, что снился ей Леонид и что ей срочно нужно бежать в театр. Она помчалась туда, боясь опоздать, хотя Леонида в тот день и не должно было там быть. В театре шел какой-то показ. Она стояла в проходе зрительного зала, сердце громко стучало в груди, и она не понимала, что происходит на сцене. Вдруг - легкое прикосновение чьих-то губ на шее возле уха с серьгой. Обернулась - он! Но и после этого мистического случая целых полгода между ними ничего не было, только редкие встречи в театре, мимолетные прикосновения друг к другу и три слова, сказанные второпях: "Я тебя люблю".

- Мы уединялись, где никто не мог увидеть нас,- вспоминает Нина,- и стояли, склонив головы друг другу на плечо, словно лошади в деннике.

И хотя между ними разгоралась самая настоящая страсть, они не сближались. Нину продолжало вертеть в водовороте ее личной жизни. Внезапно и тяжело заболела мама. Врачи сразу болезнь не распознали и положили ее в раковый корпус. Нина каждый день прибегала туда, боясь не застать маму живой, и всеми силами ее утешала: "Ты только не волнуйся, у тебя ничего такого нет, ты лежишь здесь просто по благу". А болезнь тем временем прогрессировала, маме предстояла операция по удалению легкого, у нее пропал голос. Врачи полагали, что уже есть метастазы. К счастью, они ошиблись, у мамы нашли туберкулез. В этом тоже ничего хорошего не было, но по крайней мере угроза жизни отступила. Маму прооперировали, и только Нина отправила ее в санаторий на долечивание, как заразился туберкулезом двухлетний Дениска. Каково же ей было оставлять такую кроху одного на попечении медперсонала, который, как известно, на ласку скуп, и метаться между больницей, санаторием и театром. Она не могла окунуться с головой в свою любовь, но ощущение, что у нее есть теперь этот человек, было с ней постоянно и это очень помогало.

Вместе

В семьдесят восьмом Нина наконец развелась. Валерий сам, наверное, никогда бы этого не сделал. Во всяком случае, женщинам, которым он нравился, он говорил: "От Шацкой я не уйду". При разводе он заплакал...

Встречи у Леонида с Ниной по-прежнему были редкими, но она уже не прятала влюбленных глаз. Нине казалось, что в театре никто не догадывается об их отношениях, но спустя годы одна актриса сказала ей: "Я давно все знала. Он ходил следом за тобой и словно вдыхал тебя". Неизвестно, дошло ли до жены Филатова, что происходит между ним и Шацкой, но однажды она пришла к Нине домой якобы за советом и пожаловалась, что у нее с мужем "все плохо". Трижды Нина пыталась порвать с Леонидом. Однажды ей показалось, что она больше не любит его, другой раз она уехала из Москвы, чтобы не слышать, как разрывается от звонков ее домашний телефон, но всякий раз он находил ее, хватал за руку, и страсть с новой силой охватывала их. Он неоднократно говорил ей: "Стариться все равно будем вместе!" - но никак не решался на последний шаг.

Просуществовав восемь лет, брак Леонида распался. Теперь уже ничто не мешало им соединиться, но Нина вдруг приняла совсем другое решение:

- Ленечка, ты должен побыть один и все взвесить. Может, тебя потянет обратно, а может, ты найдешь кого-нибудь лучше меня.

И влюбленному Филатову пришлось еще какое-то время жить у друзей.

Порог Нинино дома он переступил только в восемьдесят втором. Первые два года между ними шла жуткая притирка. Однажды разругались так, что даже обменялись оплеухами. Потом было примирение, слезы, мольбы о прощении на коленях. Нина рискнула испытывать прочность чувств в тот момент, когда Филатов был на пике своей популярности после фильма "Экипаж". Все женщины Советского Союза сходили по нему с ума, а ему нравилось, что он нравится. Правда, серьезного повода для ревности он Нине не подавал - такого, после чего она бы перестала верить ему, но все равно она следила за ним, как кошка за мышью, ведь вокруг него в театре и на съемочной площадке всегда увивались женщины, а некоторые прямо вешались ему на шею при Нине. Кроме соперниц, были еще и поклонницы, которые писали ей: "Он не только ваш, он общественное явление, он для всех!" Если бы это "общественное явление" хотя бы раз дал ей повод к настоящей ревности, увечье сопернице было бы нанесено серьезное, уж это точно. Однажды Нина, еще в бытность Золотухина, одну такую огрела палкой вдоль спины на съемочной площадке. Леонид тоже Нину ревновал, особенно в компаниях, когда кто-то сильно увлекался ею. Первые годы они жили очень широко и радушно. Леонид был солнцем, вокруг которого все вращалось. Он любил людей и любил быть центром внимания. Он ввел Нину в свой круг, никого из друзей за годы жизни они не потеряли.

В восемьдесят пятом они наконец поженились и приобрели маленькую квартиру. Впервые в жизни Нина ощутила, что значит, быть окруженной мужским вниманием, заботой и любовью. Впервые в жизни стала получать подарки. Первым подарком Лени была золотая брошь. Они не разбогатели да и не смогли бы разбогатеть, потому что Леонид всегда в душе презирал деньги, но нужда с появлением его в доме кончилась. Денис был во втором классе, когда Нина разошлась с Валерием. Как можно мягче она постаралась объяснить сыну, почему больше не сможет жить с его папой. Дениска, кажется, понял, только подняв на нее растерянные глаза, спросил: "Мам, а кто будет?.." - не решаясь произнести слово "папа". Услышав имя Леонида, мальчик просиял. Он давно его знал и любил, мама часто маленьким брала его с собой на репетиции в театр. Денис вырос и стал священником. Несколько лет назад он обвенчал Леонида и Нину в своем приходе. Он уже отец троих дочерей и сына. Девочки очень любят Леонида Алексеевича и соперничают друг с другом, стараясь завладеть его вниманием. Старшая, Оленька, его слабость, хочет стать актрисой.

- Дедушка, а ты тоже актриса? - спрашивает она Филатова, потому что иногда видит по телевизору его фильмы.

- Бывшая,- отшучивается дед.

Новая жизнь

В тот день на Таганке давали "Чайку". Нина и Леонид были на сцене. Вдруг она видит, что Леонид стал говорить медленно, странно растягивая слова и очень тихо, а на лице его появилась растерянная нелепая улыбка. "Громче, громче",- шептала ему ничего не подозревающая Нина, а Леонид пошел кланяться и так странно кланялся, будто его водило из стороны в сторону.

Прежде чем наступило полное осознание случившегося, пришлось пройти несколько замкнутых кругов - врачи долго заблуждались относительно диагноза. Нина не растерялась и не раскисла, хотя ей было очень страшно за мужа. Несколько месяцев подряд она практически не спала, переставляя звонок будильника через каждый час, чтобы не пропустить опасный момент, если давление у Леонида начнет катастрофически повышаться. Ей пришлось уйти из театра, чтобы ухаживать за тяжело больным мужем. Потом его положили в Институт трансплантологии, и ему предстояла сложнейшая операция.

- Когда меня везли на каталке и я видел склоненные надо мной лица жены и мамы, старался держаться изо всех сил,- вспоминает Леонид.- Я понимал, каково им, когда в любую минуту можешь потерять близкого тебе человека. Не хотел бы оказаться на их месте.

Нина жила с ним в больнице, сутками не снимая медицинского халата и только на минутку выскакивая на улицу купить чего-нибудь перекусить. После операции - длительное лечение в санатории, и Нина при муже неотлучно. Помогали друзья, помогали коллеги, присылали деньги даже совсем незнакомые люди...

Перенесенная болезнь не позволяет Леониду сниматься в кино и он полностью посвятил себя литературе. Он издал уже около двадцати книг. В прошлом театральном сезоне по его пьесе "Опасный, опасный и очень опасный" - оригинальная версия в стихах "Опасных связей" Шодерло де Лакло был поставлен спектакль. Нина впервые после четырехлетнего перерыва вышла на сцену. Начались съемки фильма по первому произведению Леонида Филатова, принесшему ему литературную известность много лет назад,- "Сказке про Федота-стрельца". Нина - первый слушатель и первый критик его сочинений. Если она долго занята на кухне, он зовет ее к себе: "Нюся, поди сюда!" - но она и сама то и дело навещает его в комнату то кофе подать, то поговорить. Они острят друг с другом и шутят без конца, на рукописях дремлет пушистая белая кошка Анфиса. Как-то Нина заметила, что Леонид часто подходит к плакату над диваном с изображением персидского котенка и целует его нежно в курносый нос. Она поняла: надо срочно завести такого котенка. Помчалась на "Птичку", но не знала, как нужно выбирать перса. Первый понравившийся ей котенок оказался очень дорогим, и хозяйка ни за что не захотела уступить в цене. Пришлось поискать подешевле, и достался ей совсем крошечный двухнедельный котенок, которого они с Леной заботливо выкормили из соски. Анфиса - настоящая боевая подруга - жила с ними и в больничной палате, и в санатории. Когда Леонид Алексеевич работает, кошка лежит на столе и внимательно наблюдает, как из-под его пера появляются строчки.

ЖЕСТОКИЕ ИГРЫ С СУДЬБОЙ

Как же она соскучилась по любви зрительного зала, по той любви, которая горячими волнами идет прямо на тебя, когда ты делаешь поклоны, а зрители, стоя, аплодируют. Каждый день отражение в зеркале подтверждает ей, что она уже готова снова выйти на сцену. Всякий раз, когда Ирина хотела что-то в своей жизни изменить, судьба грубо и бесцеремонно вмешивалась в ее планы. Может быть, если она предпримет еще одну попытку, ей удастся победить свою судьбу?

"Доживем до понедельника"

После того как Ирина Печерникова прогремела, снявшись в фильме Станислава Ростюцкого "Доживем до понедельника", она пропала из виду, и о ней пошла молва, что она, сделавшись богатой и знаменитой, живет где-то за границей. Но это всего лишь миф. Вдогонку фильму Ростюцкого она снялась в "Первой любви" по Тургеневу с Иннокентием Смоктуновским, а потом поехала сниматься в Польшу и на второй же съемочный день,

прыгнув с высоты в сугроб, налетела на пень, которого никто не заметил, и сломала обе ноги разом. Боль была такая пронзительная, что она тут же потеряла сознание, не успев понять, что произошло. Больше полугода провела Ирина на больничной койке, заново потом училась ходить.

А тем временем фильм "Доживем до понедельника" имел грандиозный успех, его возили за рубеж, композитор, сценарист, оператор, режиссер, исполнитель главной роли Вячеслав Тихонов и исполнительница главной женской роли второго плана Нина Меншикова были удостоены Государственной премии. Фильм стал настолько популярен, что его буквально растащили на цитаты: "А Сыромятников списывает", "Счастье - это когда тебя понимают" и так далее, а Печерникову даже не узнавали на улице, хотя письма от зрителей шли к ней мешками. Не узнавали в основном из-за длинных темно-каштановых волос, ведь ее героиня в кино носила модную по тем временам стрижку. Ирине приходилось во время съемок вставать в пять утра и ехать на студию, где над ней долго колдовали гримеры. Сначала заплетали сто косичек, затем укладывали их на голове и туго бинтовали, чтобы можно было потом надеть парик. Так тихо и незаметно слава прошмыгнула мимо нее. Потом предложений сниматься было много, были другие работы; от очень многих предложений она отказывалась, не хотела ради проходной роли в кино терять лучшие роли в театре.

Еще когда она была выпускницей Школы-студии МХАТ, ее пригласил на пробы Леонид Гайдай в свою "Кавказскую пленницу". Студентам сниматься категорически запрещалось под угрозой отчисления, считалось, что кино испортит мхатовскую школу. Так, в свое время были отчислены из театрального Татьяна Самойлова, снявшись в картине "Летят журавли", и Жанна Прохоренко, сыгравшая в "Балладе о солдате". Но на преддипломном курсе преподаватели давали студентам слабину, и киношники часто появлялись в стенах школы, приглашая на пробы. Ирине название "Кавказская пленница" ничего не говорило, и она выбрала "Каменный гость" по Пушкину, сыграв в этом фильме донну Анну. "Кавказская пленница" с Натальей Варлей в главной роли имела оглушительный успех, и Гайдай, встретив ненароком Печерникову в Доме кино, съехидничал: "Ну что, донна Анна, где твой Дон Жуан? Псс! - издал он неприличный звук губами, разведя руки в стороны.- А вот моя "Кавказская пленница"... Дальше можно было не продолжать, и так было ясно, что с его картиной, которая стала лидером проката, никто в тот момент конкурировать не мог. Но тогда ведь еще не был снят фильм "Доживем до понедельника"...

Судьба как бы все время хотела поиграть с Ириной в жестокие игры. После диплома она была распределена во МХАТ, а влюблена была и мечтала о Театре имени Ленинского комсомола, где режиссером был Анатолий Эфрос. И вдруг Эфрос приглашает ее на главную роль в спектакль по пьесе Арбузова "Мой бедный Марат". Как Ирина была счастлива! Но вскоре выяснилось, что режиссер пригласил ее лишь потому, что у него в тот момент вышел конфликт с любимейшей актрисой Ольгой Яковлевой, и Арбузов ему сказал: "Что ты так переживаешь? Я видел на днях в школе-студии МХАТ свою пьесу и там такая Лика (он имел в виду Печерникову), лучше не придумаешь". И Эфрос не глядя пригласил Ирину. А дальнейшее было и вовсе непредсказуемо. Эфроса из театра "ушли", и он с забрал в Театр на Бронной свою актерскую команду, а Печерникова и Джигарханян, вызванный им накануне из Еревана, остались. И после ухода Эфроса они еще целый год держали его репертуар. Через два года Андрей Гончаров перетащил их к себе в Театр имени Маяковского.

Свадьба в "Праге"

Ирина ходила еще с палочкой после того сложного перелома, когда однажды друзья из Польши пригласили ее на выставку, где выступала музыкальная группа "Бизоны", а "Польская мода" показывала свою летнюю коллекцию. Руководитель группы Збышек Бизон, красивый усатый брюнет, обратил внимание на Ирину. Чем она тогда его пленила, Ирина так и не поняла - по подиуму ходили такие девушки, демонстрируя наряды, с такими красивыми ногами, а ее сломанные ноги исхудали до невозможности и красавицей она себя в тот момент

совсем не ощущала. Збышек не знал, что она известная актриса, и фильма ее не видел. Просто влюбился в ее глазищи - и все. Месяц они не разлучались. Потом он уехал, взяв с нее слово, что она сразу, как только он пришлет ей приглашение, приедет в Польшу. Однако, когда вызов пришел, Ирину из страны не выпустили, объяснив, что Збышек ей не родня, следовательно, увидеться с ним она не может. То же самое сказали Збышеку с его стороны. Сначала молодые люди как-то пытались обойти эту ситуацию, а когда поняли, что это невозможно, решили назло системе срочно пожениться.

Свадьбу родители Ирины организовали в ресторане "Прага". Было много гостей, а молодожены тайком от всех сбежали в театр и сидели почти до утра в кабинете художественного руководителя театра Гончарова и пили за любовь. С ними были Армен Джигарханян, Валерий Плотников и Николай Бурляев. После свадьбы Збышек вернулся в Польшу, а Ирина осталась в Москве. Конечно, теперь им можно было видаться беспрепятственно, но ведь у каждого из них было свое дело, которое они не могли бросить. Ирина играла в Театре имени Маяковского в ведущих спектаклях. Когда наступило лето, она попросила Гончарова отпустить ее с гастролей.

- Я так соскучилась по мужу, на каждой репетиции письма ему пишу, пожаловалась она.

Гончаров отпустил ее со словами: "Вы вернетесь все равно, вы без театра не сможете". Так и произошло, только вернулась Ирина через три года.

В поисках любви

Ирина и Збышек поженились так скоропалительно, что совершенно не успели понять и узнать друг друга. Когда она наконец приехала к мужу, то увидела, как он живет. Это было самое что ни на есть холостяцкое жилье, без уюта, без мебели, повсюду музыкальные инструменты, о которые она то и дело спотыкалась. По сути, Збышек не был готов принять жену и начать семейную жизнь, к тому же у него началась черная полоса. Он распустил свою группу и находился без работы. Через несколько месяцев он принял решение отправиться в поисках заработков в Швецию. Ирина поехала с ним. Вот там она впала в самую настоящую тоску. Совершенно чужая страна, с чужим языком и такая благополучная и скучная - хоть волком вой. Збышек по ночам выступал в клубе, приходил утром, усталый, а днем шел репетировать. Ирина все ночи была одна, у нее было время подумать, как жить дальше. Однако она три года выдержала, все-таки Збышек очень ее любил. Если бы они остались в Польше, может быть, все сложилось бы иначе. Там она могла бы начать работать. Язык понятен, культура близка, но в Швеции ей месяцами просто не с кем было сказать полслова. И когда ей стало совсем невыносимо, она отпросилась у мужа домой под предлогом сниматься в кино. Когда поезд тронулся и Ира ободряюще улыбнулась стоявшему на перроне Збышеку, он тоже ей улыбнулся, но она успела заметить, как по щеке его сползла и упала в усы слеза.

В театре Ирина обнаружила, что репертуар, в котором она была занята, она уже потеряла, но тем не менее четыре года она там продержалась, каждый день ощущая, что будущее ее неясно. И тут ей снова повезло. Руководитель Малого театра Михаил Царев пригласил к себе и дал такие роли, что ради них Ирина отказалась от всех в киносьемок. Но Царев ее предупредил, что минимум два года ее будут все в труппе официально есть. Она сразу была завалена большой работой в трех спектаклях: "Король Лир", "Красавец мужчина" и "Ревнивая к себе самой". Конечно, на репетициях было тяжело: некоторые из актеров просто демонстративно садились в первый ряд во время работы и начинали громко друг с другом переговариваться на ее счет. Однажды на банкете после премьеры один артист подошел к ней с бокалом шампанского и, глядя прямо в глаза, произнес: "Странно, ты наркоманка, а пьешь, как нормальный человек. Да что ты?" - добавил он, видя, как Ирина онемела. Разве не знаешь, что о тебе так говорят? Еще с Маяковки о тебе такая слава идет". И Ирина догадалась, что сплетни эти завелись, когда она уехала за границу, ведь в те годы наши актеры так просто за границей не проживали. Перелом произошел, когда вышла премьера спектакля "Красавец мужчина". Буквально на другой же день всю труппу как подменили, и первой сдалась Елена Гоголева. Но интриги интригами, а все-таки, пока был

жив Царев, Ирина была избавлена от опасности быть съеденной начисто. Эти годы, с 1976-го по 1982-й, были у нее самыми счастливыми в смысле творчества. Иначе обстояло с личной жизнью. Она стала женой актера Бориса Галкина. Шесть лет продлился этот брак, и у Ирины осталось некоторое чувство вины перед Борисом - не надо было ей за него выходить. Но он был такой красивый и так обворожительно пел под гитару! В глубине души Ирина понимала, что до сих пор не встретила той любви, о которой мечтала. Девчонкой, зачитываясь романами и бегая в кино, она ставила себя то на место Джеммы - невесты Овода, то на место героини Одри Хепберн из фильма "Римские каникулы". А вдруг и у нее будет такая любовь? Уж падать, так с вороного коня.

Бегом от любви

Сашу Соловьева Ирина видела несколько раз еще студентом. Он учился у Гончарова. Однажды он преподнес ей на сцене гвоздику - она только успела тогда отметить, что у него очень длинные ресницы. Прошло десять лет. Наступил 1988 год. В стране началась перестройка, в театре тоже начались необратимые перемены. Михаил Царев умер, пришел новый руководитель, и однажды Ирина обнаружила, что больше ей там неинтересно, что она ходит в театр просто как на работу. И у Ирины созрел план уйти из театра совсем. Она не боялась пропасть, потому что тогда все надеялись на прекрасную жизнь, которую сулила перестройка. Уже стали возникать независимые театральные проекты, и многие артисты пустились в свободное плавание. У Ирины тоже были два успешных проекта: "Любовь до гроба" и "Джазмен"; со вторым она, Василий Бочкарев, Вера Глаголева, Александр Фатюшин и джазист Алексей Козлов успешно гастролировали в Америке. Никто ведь и не подозревал тогда, что впереди еще 1992 год, когда будут отпущены цены и все полетит к чертям...

А пока счастье шло в руки само. Судьба случайно сводит ее с Сашей, и между ними в тот же день возникает бурный роман. Ирина впервые чувствует, что любит, и любит по-настоящему. Но через два месяца в их отношения вмешиваются другие обстоятельства. Ирина узнает, что тяжело заболел Сашин сын из-за того, что тот ушел из семьи. И как ни трудно было ей рвать с любимым, она принимает решение, что они должны расстаться. Саша сопротивляется ей, но она-то интуитивно чувствует, что он все время думает о сыне. Такой ценой добывать себе счастье она не хотела. Они расстаются... Пока от отчаяния спасает работа, но сердце все время ноет и болит. Она не может ни забыть Сашу, ни заставить себя обратить внимание на кого-либо другого. Сердце прочно занято им. Иногда он по ночам, не выдержав разлуки, звонит ей, и от этого ей становится еще хуже. В конце концов, она принимает решение: все, больше никакой любви. Будет теперь жить одна, сама. Она покупает в Подмосковье развалюху-дом, отстраивает его и, взяв с собой ослепшего старого отца и щенка-спаниеля, уезжает на лето в деревню. Ей в тот момент кажется, что она вполне наладила свою жизнь. Но когда лето кончается, тоска одиночества возвращается вновь. Несколько лет она борется еще с собой, а однажды на сэкономленные деньги уезжает в Италию, и там, в чудной Флоренции, а потом в Венеции, почти исцеляется от своей любви - или по крайней мере ей хочется так думать.

Саша

Уже два года, как она была в тяжелой депрессии. Не было даже сил выйти погулять с Флаем - выручала соседка. Ирина сдала свою квартиру на Тверской, потому что не на что было жить, и сняла другую, попроще. Она все время болела и весила уже сорок два килограмма. В глубине души она сопротивлялась, но сил изменить жизнь не было: все театральные проекты один за другим срывались. Временами она оживала, пыталась самостоятельно найти пьесу, звонила друзьям и знакомым, и вроде бы появлялась надежда, что что-то сдвинется с места и они вот-вот начнут репетировать, а там недалеко и до премьеры. Но в результате не выходило ничего. Она даже платье сшила для спектакля "Дама с камелиями", и все лето репетировала роль у себя в деревне перед слепым отцом и Флаем, которые были единственными ее зрителями и поклонниками. А когда наступила осень и она вернулась в Москву, ожидание спасительного звонка с предложением работы стало просто невыносимым. Депрессия ее еще более усилилась, и когда ей все-таки позвонили, она

отказалась.

Спасение пришло внезапно и оттуда, откуда она его вовсе не ждала. К ней вернулся Саша и это было просто ошеломляюще, ведь с момента, как они расстались, прошло восемь лет. Саша сказал ей, что он свободен, что сын вырос и стал студентом. Они поженились и обвенчались. Саша тоже был безработным, он ушел из театра и за то время, что они с Ириной не виделись, успешно снимался в кино. Фильмы "Зеленый фургон" и "Адам женится на Еве" принесли ему известность, а в начале девяностых он сделал свой фильм "По Таганке ходят танки".

Три года они снимают жилье и никак не могут свить своего гнезда. Оба безработные, лето проводят в деревне в Ирином доме. Наконец им приходит в голову идея продать Ирину квартиру на Тверской и купить другую, поменьше, а на оставшиеся от продажи деньги сделать ремонт и приобрести мебель. Впервые в жизни Ирина с таким удовольствием выбирает мебель и обои. Раньше ее такие "мелочи" жизни не волновали. В этот период она очень счастлива и вдруг осознает, что прежняя ее жизнь, в которой главное место занимал театр, была не настоящая, а настоящая началась только теперь, когда ей перевалило уже за пятьдесят и рядом с ней оказался человек, с которым у нее все общее, даже мысли. А летом в деревне как им было хорошо! Саша рыбачил, гуляли по лесу, собирали грибы, а вечером он сам готовил ужин. Ходили все время рука об руку и все никак не могли наговориться друг с другом. Флай сопровождал их повсюду. Осенью, вернувшись в Москву, стали смотреть все театральные премьеры. У Саши было много планов и неосуществленных проектов. Он хотел снимать Ирину в своем будущем фильме. Но актеры не могут быть счастливы до конца, если у них нет выхода на публику, на признание. И время от времени Саша тоже приходил в отчаяние: как и у Ирины, у него ничего не складывалось и все планы срывались.

Оставалось несколько дней до Нового, 2000 года. Однажды Ирина, вернувшись из поездки в Калугу, не нашла Сашу дома и никакой записки от него. Ночевать он не пришел. И на другой день от него не было известий. Сначала Ирина думала, что он, скучая - он терпеть не мог разлучаться с ней,- ушел к друзьям и загулял с ними. Потом она уже стала его разыскивать повсюду: звонить в бюро происшествий, в морги, в другие города знакомым. От Саши не было ни слуху ни духу. Так в неизвестности прошла новогодняя ночь, потом еще неделя. В милиции ей посоветовали "прочесать" в институте "скорой помощи" имени Склифосовского морг и все корпуса, где могут находиться люди, попавшие на больничную койку, без документов. Она не знала точно, имел ли Саша при себе документы. Она поехала туда и там его не нашла. В морге ей сказали: "Нет его тут. Что, мы любимого артиста не узнали бы?" - хотя, как ей стало известно потом, он находился в морге уже первого января. В тот последний вечер Саша действительно пошел к друзьям на премьеру спектакля. Когда он шел домой, его забрала милиция. Оттуда он поступил в институт "скорой помощи" имени Склифосовского с черепно-мозговой травмой, где и скончался, не приходя в сознание. Сразу после Сашиних похорон умер Иринин отец, а еще через неделю - Флай. Все ниточки, которые привязывали Ирину к жизни, вдруг оборвались, и она с тяжелым нервным расстройством попадает в клинику. ..

Прошло два года. Поначалу Ирина никак не могла привыкнуть к тому, что Саши нет. Было ощущение, что он просто вышел за дверь и скоро вернется. Ей было тяжело привыкнуть к новой квартире, ведь они, сделав ремонт, так и не успели пожить своим домом. И вдруг в какой-то момент судьба ее предстала перед ней в новом свете. Ирина поняла, что она - счастливый человек, потому что все, о чем она мечтала, сбылось. Мечтала о театре - сбылось, мечтала о настоящей любви - сбылось. И осознав это, она начала жить с новым смыслом и первым делом повесила обратно на стену свой портрет молодости, который очень нравился Саше.

ШАНС ГРИГОРИЯ ГУРВИЧА

Большие черные глаза Любы стали еще чернее и больше с тех пор, как умер ее муж, художественный руководитель театра-кабаре "Летучая мышь" и телеведущий программы "Старая квартира" Григорий Гурвич.

Они прожили в счастливом браке почти двадцать лет. Как-то принято считать, что счастливому браку обязательно должен предшествовать бурный роман с пылкими чувствами и объяснениями в любви.

- Когда мы женились,- вспоминает Люба,- Гриша даже не сказал, что любит меня.

А знакомые нередко подначивали их: "У вас такой неинтересный брак, про вас даже сплетен никаких нет".

Ультиматум

Любина мама Гришу очень любила - он частенько приходил к ним обедать. Еще совсем молодой, он держался, как взрослый, умудренный жизненным опытом мужчина, и это в нем подкупало. Он обожал свою мать, боготворил своего педагога по ГИТИСу Марию Иосифовну Кнебель и вообще к дамам вдвое старше себя относился с особенным пиететом. С Любой они встречались уже полтора года, но ни разу не объяснялись. Познакомились они в ГИТИСе. Люба училась на театроведческом, а Гриша - на режиссерском факультете. В институте готовились к ретро-балу, и Люба впервые обратила внимание на Гришу, когда им обоим поручили надуть шарик.

"Какой остроумный и веселый еврейский мальчик",- подумала про него Люба.

Но так как они учились на разных факультетах и даже в разных зданиях, то видеться часто было проблематично. Люба занималась на вечернем отделении и работала в Ученом совете секретарем. И тогда она пошла на хитрость. В большую перемену она стала частенько забегать на третий этаж, где проходили занятия Гришиной группы: якобы ей нужно было по делам в деканат.

Энергии и веселости в Грише было хоть отбавляй, и его всегда окружали девчата и приятели. В комитете комсомола он возглавлял культмассовую работу, делал капустники. Люба вызвалась помогать ему и вошла в его компанию.

Гриша был бакинец. Он успел уже окончить Бакинский университет, филологический факультет, и только после этого осуществил свою мечту приехал в Москву и стал студентом ГИТИСа. Родители не отпускали горячо любимого единственного сына от себя. Москва, ГИТИС... Нет, сначала надо приобрести настоящее образование, профессию, а уж потом будешь заниматься баловством, если охота не пропадет. Гриша был веселый, одаренный, любящий музыку человек, и вместо серьезной научной карьеры его, как магнитом, тянуло именно к баловству, к театру. Когда он был еще совсем маленьким и его кормили с ложечки, он соглашался есть только под красивые арии из "Сильвы" (оперетта Кальмана).

Нелегко было отвлечь Гришу от его проектов, планов и идей, которые так и фонтанировали в нем, и опустить на грешную землю, чтобы он понял, что, кроме этого, есть еще и другие радости жизни, семейное счастье, например, и девушка Люба, которая любит его и хочет стать его женой.

Как-то однажды он сказал, делясь своими планами на будущее, что до тридцати пяти лет жениться не собирается. Люба хоть и приняла это к сведению, но поняла, что медлить больше нельзя.

Однажды Гриша пригласил ее на спектакль "Сладкая собачка", который шел в Детском (теперь Молодежном) театре, стихи к которому он сочинил. Это было, по сути, их первое настоящее свидание, потому что Гриша почти не бывал один, и гуляли они обычно большой компанией. Люба стояла в вестибюле института и ждала, когда окончатся занятия и Гриша появится на широкой институтской лестнице. Прозвенел звонок, и появился Гриша, но не один, а со студенткой Леной Степановой. По их оживленным лицам Люба догадалась, что и Лену Гриша пригласил тоже. У нее внутри все перевернулось, и когда Гриша подошел к ней, она спросила:

- Мы что, втроем идем?

- А что тут такого? - слегка растерялся Гриша.

- Нет, это вы идете вдвоем,- сказала как отрезала Люба и, развернувшись, ушла.

На другой день Гриша пришел к ней в ректорат и спросил нарочито небрежно:

- Ты обиделась?

- Нет,- ответила Люба,- просто тебе будет слишком жирно иметь меня в качестве второй.

Гриша рассмеялся, но Люба поняла, что ему понравился ее ответ.

Гриша был парень с гонором. Воспитан он был как настоящий восточный мужчина и, любя и уважая женщин, все-таки первое и последнее слово оставлял за собой. Приручить его было просто невозможно, к тому же еще Москва, в которую он давно стремился и наконец попал, новая жизнь, вдали от мамы с папой,- ну что может быть лучше для честолюбивого парня! Под влиянием Любы Гриша постепенно становился москвичом.

Первый раз, выходя из троллейбуса, руку ему подала она. Он намек понял. А еще у него была манера говорить самому, а Любы будто бы и нет. И однажды, когда она стала что-то рассказывать в компании, Гриша ее перебил, не дав договорить. Люба встала и вышла из-за стола. Он пошел следом: "Что случилось, Люба?" - "Если ты еще раз когда-нибудь меня перебьешь, я вообще уйду". И это он понял тоже.

Отношения у них сложились великолепные, Любина мама принимала Гришу как родного, а он познакомил Любу со своими родителями, привез ее в Баку. Встретили ее очень хорошо, только потом, через несколько лет, свекровь призналась, что была шокирована: как могла молодая девушка позволить себе такую вольность - приехать к парню в родительский дом, не будучи еще его невестой?

Стоял январь. Шла зимняя сессия. То ли усталость сказалась - ведь Любе приходилось учебу совмещать с работой,- то ли ей показалось, что их отношения зашли в тупик, только в один прекрасный день, когда они вместе шли из института, Люба вдруг выставила Грише ультиматум: либо ты принимаешь решение, либо мы расстаемся. Домой Люба шла уже одна, ноги у нее подкашивались. Едва переступив порог, она сказала маме сквозь слезы, что у нее с Гришей все кончено.

- Что ты натворила, доченька! - опешила мама.

Люба прорыдала четыре часа и, измотавшись вконец, решила сама поставить все точки над "i". Телефона у них в доме не было, и Люба совсем не подумала о том, как Гриша сообщит ей о своем решении и вообще как она обо всем узнает. Она побежала звонить ему из автомата, чтобы сказать окончательное "прощай!".

Он сорвал телефонную трубку сразу:

- Ты какой месяц больше всего любишь?

- Январь,- растерялась Люба.

Январь-то она как раз и не любила, но не готова была к разговору.

- А март тебя не устроит? - просящим тоном переспросил Гриша,

И Люба поняла: он делает ей предложение!

По смешному совпадению и Гришины и Любины родители в свое время поженились 8 марта, и они решили тоже жениться 8 марта. Но загс в этот день не работал, и регистрация брака состоялась пятого числа. Свадьба была широкая: сначала в доме у Любиного старшего брата, потом в ресторане, а на 1 Мая они прилетели в Баку. Кроме родственников и друзей, еще весь кабинет министров Азербайджана гулял на этой свадьбе. Платье у Любы взмокло на спине от их пристальных взглядов: кого это сын Гурвича привез из Москвы?

До самого последнего момента Люба не знала, что Гришин отец - большая шишка. Она недолюбливала детей из высокопоставленных семей. В детстве, когда мама и папа еще жили вместе, няня водила Любу в элитную прогулочную группу, где были дети генералов, народных артистов, министров, крупных партийных работников. И спецшкола на улице Станиславского, где училась Люба, была сплошь из особого контингента детей. Потом уже, когда родители развелись, маме с Любой пришлось выехать из большой квартиры и сначала снимать жилье, а позже у них появилась крошечная квартира на Октябрьском поле. Люба в девятом классе оставила престижную школу и перешла учиться в школу рабочей молодежи и начала работать. Денег в семье не хватало, тяжело заболела бабушка.

Когда они с Гришей стали встречаться, Люба нередко говорила ему, что, мол, как хорошо, что он парень из простой интеллигентной семьи. Мама генетик, преподает в

университете, папа журналист, ни тебе спецпайков, ни персональной машины, всего того, что Любу раздражало. А Гриша лишь усмеялся на это. И только в загсе, заглянув в Гришину анкету, она, во-первых, сделала для себя открытие, что Гриша моложе ее на месяц и девять дней - а она думала, что он старше на несколько лет,- и что папа у него не просто журналист, а член ЦК КПСС республики, депутат Верховного Совета, министр.

- Вот попала! - вырвалось у Любы.

- Что, передумаешь теперь? - съехидничал Гриша.

- Да нет, поздно уже,- сокрушенно сказала Люба.

Мечты и разочарования

Если бы кто-нибудь тогда сказал Любе, что ее муж организует театр, во главе которого ей потом придется встать и вести это дело самой, уже без него, она бы восприняла это как какой-то бред. Мама вообще думала, что Люба просто будет настоящей еврейской женой и у нее будет как минимум пятеро детей. Ни к какой особенной карьере Люба не готовилась, но, как водится в еврейских семьях, ей давали хорошее образование: музыка, английский.

А тогда, много лет назад, они, дипломники ГИТИСа, гостили у Гришиных родителей в Баку. Было лето. Люба с Гришей стояли на балконе и обсуждали свои планы на будущее.

- Чем ты хочешь заняться? - спросила его Люба.- В каком театре ты себя видишь? Тебе нравится и режиссура Эфроса, и режиссура Захарова, ты любишь "Современник", а что тебе ближе всего?

Гриша хотел работать в театрах, ставить спектакли, и он ответил:

- Скорее всего, что-то близкое к спектаклям Ленкома, к Захарову.

Ему не удалось поставить в московских театрах ни одного спектакля. Его дипломную работу закрыл Андрей Гончаров, главный режиссер Театра имени Маяковского. Сам его пригласил в театр ставить спектакль, сам же этот спектакль и закрыл. Это было для Гриши трагическим событием вдвойне, потому что спектакль был закрыт в день похорон его любимого педагога М. И. Кнебель. Закрывал ему спектакль и Марк Захаров тоже. Всего у Гурвича было закрыто пять спектаклей. Пригласил его Валерий Фокин поставить кабаре в Театре имени М. Ермоловой - он тогда был там главным режиссером. Играть решили в помещении кафе "Марс", которое находилось дверь в дверь с театром. Уже был сделан проект, готова сцена, и начались репетиции с Татьяной Догилевой и Олегом Меньшиковым в главных ролях, как вдруг Фокин сказал: "Знаешь, Гриша, давай отменим, еще не время".

В тот день Григорий не мог идти домой. Они жили по-прежнему в той маленькой квартирке на Октябрьском поле, спали с Любой на полу. Люба, помимо работы, давала уроки английского и философии, мама Любина работала, а бабушка уже умерла.

Гриша сидел в Доме актера и грустно размышлял о своей жизни. Он не представлял себе, как придет домой и скажет жене, что опять ничего не получилось, что он, по-видимому, обыкновенный неудачник. К нему подсел знакомый, Леша Бельский, и спросил, отчего у него такой убитый вид. Гриша рассказал.

- Знаешь, что,- сказал в ответ Бельский,- давай сделаем так. Я дам вам денег на год зарплаты (Люба потом запомнила эту сумму на всю оставшуюся жизнь - он дал 79 тысяч рублей) и попросимся к Исаеву (это был ректор ГИТИСа) в Гнезниковский, хорошо?

Это было великолепное предложение!

Да, Грише нужно было начинать создавать свой театр, просто пока такое не приходило ему в голову. Однажды Марк Захаров и Григорий Горин, посмотрев в очередной раз в ВТО его капустник, сказали: "А что если тебе сделать театр-кабаре "Летучая мышь"? Попробуй".

Гриша тогда чуть ли не за оскорбление принял этот совет. Они, значит, будут заниматься настоящим искусством, а он, видите ли, должен делать какое-то кабаре.

Потом, дома, они с Любой порылись в книгах и обнаружили, что такой театр до революции существовал в Москве, назывался он "Летучая мышь" и играл как раз в том самом Гнезниковском переулке, где находилась учебная сцена ГИТИСа. Этот театр был основан артистом МХАТа Никитой Балиевым, известным мастером ставить капустники. Театр был чрезвычайно популярен, в него ходили сливки общества, известные артисты,

художники, дипломаты и эстеты, любители жанра, в нем выступал со своими стихами молодой Маяковский, чета Бриков, Лиля и ее муж Осип, были завсегдатаями "Летучей мыши" Да кого там только не было - вся Москва, и из Петербурга приезжали; главное, что театр этот был кумиром у публики.

Первый спектакль, поставленный Гурвичем в "Летучей мыши", вызвал бум в Москве. Спектакль назывался "Чтение новой пьесы". В день премьеры был сумасшедший дом с утра.

Любу всю трясло, Гришу тоже. Они не разговаривали даже друг с другом и вообще были какие-то заторможенные. Когда приехали в театр, там творилось невероятное. Художник Боря Краснов орал изо всех сил, что спектакля быть не может, потому что костюмы привезли из мастерских мокрыми. А накануне они с актрисой Машей Гайзидорской сцепились - опять же по поводу костюмов. Маше платье не понравилось, они орали друг на друга таким матом, что Любе уши заложило. Схлестнулись два темперамента - киевский Краснова и одесский Гайзидорской. Люба спросила Гришу: "Что это такое?" - "Не обращай внимания,- сказал он.- Поорут и перестанут" И правда, так оно и вышло. Потом Маша с Борей целовались и обнимались как ни в чем ни бывало.

Так Люба впервые окунулась в стихию театра. Публика на премьеру собралась элитарнейшая. По окончании спектакля зал визжал так, что Люба и Гриша были перепуганы насмерть и не могли понять, что произошло: это успех или провал?

После спектакля они с артистами сидели в ресторане, отмечали, и Гриша, подняв бокал с шампанским, сказал: "Будут и другие времена, смотрите, не предавайте друг друга".

В дальнейшем в "Летучую мышь" невозможно было попасть. Зрители и поклонники жанра кабаре чуть ли не с утра колотили в дверь ногами, требуя лишнего билета. Зал в Гнездиновском крошечный, едва вмещал двести с небольшим человек, и ходили в кабаре все знаменитости, в том числе и Марк Захаров, и Григорий Горин, и известные журналисты, и актеры. Гриша писал пьесы сам, потому что репертуар прежней "Летучей мыши" до нас не дошел, театр после революции эмигрировал из России, но дух прежней "Летучей мыши" Гурвичу удалось возродить и заразить им всех. Театр поехал на гастроли в Германию, в Польшу. Люба впервые ехала за границу, но одно обстоятельство удерживало ее дома - мама была тяжело больна и лежала в больнице.

- Поезжай,- сказала ей мама,- обязательно поезжай, я так рада за вас, а мне уже лучше, я дождусь тебя.

В Польше Гриша и Люба ровно полчаса побыли миллионерами. Им вручили премию за спектакль - два миллиона злотых. Таких денег у них сроду не было, и Люба пошла по магазинам покупать подарки, косметику и шмотки. Тогда, в конце восьмидесятых, в России все было в дефиците, и польские магазины показались ей просто волшебными. Через полчаса два миллиона злотых рассосались в ее кошельке, но она не жалела о потраченных деньгах. Гриша, несмотря на то, что был не худенький вовсе, очень любил хорошо одеваться, умел это делать, великолепно носил смокинги, а, главное, вкус у него был безупречный, и ей доставляло необыкновенное удовольствие покупать ему обновки. Уж Люба, бывало, в шубе стоит, готовая к выходу, а он все еще повязывает галстук - сто пятый вариант. В быту Гриша был человеком совершенно беспомощным, он ничего не умел и не хотел уметь. В детстве у него была няня, а Люба, став его женой, все взяла на себя. В быту он был немужественным, зато в творческом отношении он был очень мужественным, многое держал в себе, хотя с женой у него были очень доверительные отношения, но тем не менее никогда не перекладывал на нее свои профессиональные заботы. Он никогда не орал ни дома, ни в театре, но мог так иронично и жестко сказать, что все понимали его сразу. Любе доставалось первой, если что, а уж потом другим. Сначала он не хотел, чтобы жена работала в театре, но все равно остаться в стороне Любе не пришлось бы, потому что дома он все время что-то с ней обсуждал, писал по ночам, будил ее, просил послушать написанное и нередко говорил: "А вот это ты должна придумать". И постепенно Люба вошла в его дело и стала его первым другом и помощником. И чай подавала, и переодевала актеров - а только в спектакле "Шоу-бизнес" у каждого актера десять переодеваний, не считая париков,- и репетиции она

вела тоже. В конце концов, все стало так, что Гриша уже не мог без нее обойтись и только кричал: "Где Буля (это Люба наоборот), я ничего не помню, что я должен репетировать!" А еще он звал ее Гном-Суббота за маленький рост и проворность.

Как только они вернулись с гастролей, Люба прямо из аэропорта поехала в больницу к маме.

- Ты вернулась? - спросила ее мама и уже больше не приходила в сознание.

Приговор судьбы

Люба самостоятельно выпустила премьеру - русскую версию известного американского мюзикла "Кордебалет". Спектакль назывался "Шанс". Гриша очень любил это произведение, ему нравилась история про мужественных людей, которые могут проявить волю и использовать свой шанс, который дает им судьба. Премьера прошла с аншлагом, а Люба уезжала из театра расстроенная, даже не показавшись на публике. Зал кричал "Браво!" - а она ехала домой и думала про себя: "И вот это все? Все, за что мы так бились? Вот так выглядит успех?"

Последнее время ей было все время страшно. Страшно, что она не выдержит и опустит планку, которую держал Гриша. И все-таки счастье, что все билеты на следующий месяц проданы. Счастье, но только без Гриши...

Гурвич задумал новый большой спектакль "Великая иллюзия", который уже не поместился бы на сцене Гнездиновского. Он перешел на другую сцену, в Театр-студию киноактера. Отметили сорокалетие Гриши на старой сцене и стали паковать вещи. Актеры плакали, уезжая из Гнездиновского, как будто предчувствовали плохое. "Великая иллюзия" шла полным ходом, когда вдруг по Москве пополз слух, что Григорий Гурвич серьезно болен. Никому в это не верилось, ведь он еще совсем молодой, и в его театре царил такой светлый, легкий дух, что, казалось, никогда его не коснутся ни печаль, ни горе. Люди приходили на спектакли и отводили душу там. Но слух оказался верный. Гриша, правда, был болен. Когда Люба узнала, что это неизлечимо, она не захотела смириться: "Я тебя вытащу, обязательно вытащу, я обещаю тебе!" - горячо уверяла она подавленного Гришу. Врачи сказали, что шансов у него нет, но если и выпадет хоть один, то это будет уже совсем не тот Гриша. "Он никогда не станет прежним", - вынес свой приговор лечащий врач.

Но Люба уже все придумала, как будет, если Гриша выживет. Он будет заниматься только режиссурой, хоть сидя, хоть лежа, все остальное она возьмет на себя.

Гришу увезли лечиться в Израиль. Театр полностью лег на Любины плечи. Каждые десять дней она летала к мужу. Помогали все, кто чем мог. Большую сумму дал на лечение Владимир Гусинский, которого Люба и видела-то всего один раз в жизни. Странно, что родной ее брат, когда Гриша заболел, совсем от нее отошел и не помог ни словом, ни делом. Это было для Любы жутким откровением.

Однажды Гриша попытался сказать ей, что она должна будет делать, если его не станет, но Люба тут же перебила его: "Я не хочу даже слышать об этом!" Потом, когда он уже чувствовал, что уходит, он сказал ей "Хорошо, что у нас с тобой нет детей, тебе будет легче". И еще он сказал: "Ты одна театр не вытащишь. Брось все это".

В тот день, когда Гриша должен был умереть, играли один из лучших его спектаклей, "Шоу-бизнес". Люба шла на сцену из кулис и разговаривала с Гришей по мобильному телефону. Зал бисировал.

- Гриша, я тебе обещала, что будет биток, у тебя биток!

А овации все не прекращались, зрители не отпускали артистов со сцены.

В этот момент Любе показалось, что у них с Гришей еще все впереди и что все еще будет. Придя из театра, она вновь позвонила. Ей ответили, что Гриша принимает ванну. Успокоенная, она пошла выпить кофе и собиралась лечь, как вдруг звонок. Звонила Гришина мама, которая была при нем неотлучно, и сказала, что Гриша умирает. Гриша был под кислородной маской, он что-то говорил Любе, но никто не мог разобрать его слов и только с последним вздохом он ясно произнес: "Мама, прости..."

Утром Люба вылетела в Израиль. Пока Люба хлопотала о похоронах, Гришу

похоронили в Израиле. Артисты звонили ей туда, поддерживали ее всячески, но и не могли скрыть своей тревоги. "Ты нас не бросишь?" - спрашивали они.

В эти тяжкие дни Люба поняла, что за ней стоит восемьдесят пять человек и их судьба зависит от нее.

Когда она вернулась, то полностью погрузилась в работу. Никто из труппы не ушел, не оставил театр, актеры стали работать даже лучше, чем при Грише. У Любы давно был завоеван среди них авторитет. Поначалу она советовалась с Гришей, а однажды, когда у нее случился конфликт с одной артисткой и она спросила мужа, как ей быть, он ответил: "Если хочешь работать в театре, выстраивай свои отношения с артистами сама". В новом сезоне пришла молодежь, ребята с Гришиного курса, который он вел в ГИТИСе. Стали готовиться к гастролям и новым премьерам. Люба хотела воплотить в жизнь все Гришины замыслы. Гриша мечтал поставить спектакль про Ольгу Чехову - звезду кабаре, разведчицу, - и пьеса уже написана, ставить будет режиссер Владимир Алеников. Дело только за малым - нужно найти деньги на постановку.

Пока были живы Гриша и Любина мама, она была абсолютно счастлива, она была защищена от всех превратностей судьбы. На премьере "Шанса" присутствовали друзья, Федор Чеханков, Виктор Шендерович, хвалили, морально поддержали, порадовались за Любу. Теперь в театре нет такого бомонда, который ходил туда при Грише. Многие сами отпали, от некоторых Люба отошла, но ведь самых близких тоже не стало, например, Гриши Горина, Аллочка Балтер...

Гриша и Люба почти никогда не ссорились, разве что по поводу детей, которых Гриша не хотел. Как только Люба заводила разговор на эту тему, так он спрашивал ее: "А как же я?" Что на это Люба могла ему возразить?

Они завели собаку, кокер-спаниеля Шери, и избаловали ее себе на радость. А сейчас в Любиной квартире звенит детский голосок, и это, с одной стороны, кажется странным, потому что здесь всегда журчал бархатный Гришин баритон, да веселый лай Шери, да смех Любы. И вдруг - голос девочки где-то в глубине большой квартиры, которая то болтает что-то, то напевает. Это Василиса. Она появилась в Любином доме вместе со своим папой, Михаилом, и с собакой-дворняжкой, которую Шери приняла ласково и даже пустила в свое кресло.

Михаил пришел работать в театр техническим директором совершенно со стороны два года назад. Он полюбил Любу с первого взгляда, и никто об этом не знал. Ничего не подозревала и Люба. Гриша уже болел, у Любы был полон рот забот, а Миша незаметно стал помогать ей во всем. Прежний директор стащил все, что мог, оставив спектакль "Великая иллюзия" в долгах, и появление Михаила было просто счастьем для Любы, ей стало на кого опереться в делах. Произошло то же самое, что когда-то произошло при Грише, когда Люба сначала сделалась ему близким, а потом и вовсе единственным другом. Теперь Михаил стал таким же ее другом, и Любу постепенно начали отпускать страхи, ведь так важно, если есть, кому сказать тебе, что ты умная, что ты талантливая, что у тебя все получится.

После смерти мужа Люба перенесла инфаркт. За эти два года, как Михаил пришел в театр, у него сначала распался брак, потом он лишился отца, затем матери, а год назад его родной брат был сбит насмерть автомобилем, И Миша вместе с десятилетней дочкой и осиротевшей собакой брата нашел кров под крышей Любиного дома.

КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА - ВИКА ЦЫГАНОВА

Вылет самолета из Хабаровска во Владивосток отложили аж на пять часов. На площади аэровокзала почти никого не осталось, кроме скучающих таксистов и нескольких пассажиров. До дома было всего полчаса пути, и можно было бы вернуться, вновь увидеть маму с папой, дедушку, сестренку Свету, позвонить школьным подружкам, пообедать. Дома так хорошо! У крыльца уже распустилась сирень. Кот Тишка смешно скачет, неуклюже гоняясь за ласточками, которые на бреющем полете скользят над землей. Он потешный, этот Тишка, любил ходить с Викой в баню. Баня у них своя и дом с садом свой. Если не улетать и остаться, тогда можно ничего не менять, жизнь пойдет гладко и ясно. Родители будут рады -

дочь поступит в медицинский, ведь целый год готовилась и вдруг объявила, что уезжает поступать в театральный.

Вика вспомнила, как ее увещевали мама с папой. Ну и что же, что ей хочется петь? В их семье все поют. У мамы красивый, от природы поставленный голос, папа тоже хорошо поет, а Света поет с трех лет. И то, что Вика играла в драмкружке, окончила музыкальную школу, занималась в изостудии еще ни о чем не говорит, просто родители старались дать ей всестороннее образование.

- Дочка, ты как все. Не забивай себе голову тем, что у тебя какой-то особый талант есть.

Нет, она возвращаться не станет. Возвращаться с полпути - плохая примета. Пять часов пролетят быстро, нужно только думать о том, что ждет впереди. А впереди - карьера актрисы, высокое служение драматической сцене.

В Москву, в Москву!

На рассвете Вику разбудил телефон. Стояла темная ноябрьская ночь 1987 года.

- Вика!

Она сообразила не сразу, кто звонит. Это был знакомый актер, с которым летом они играли в одной труппе.

- Я нашел для тебя такого крутого менеджера, срочно приезжай! Слышишь? Мы тут как раз о тебе говорим!

Они долго, наверное, препирались бы друг с другом - приятель Вики был сильно навеселе, он совершенно потерял счет времени. Вика решительно отказалась ехать куда-то в такой час. По гулу голосов в телефонной трубке она догадалась, что компания там сидит теплая. Ну какой тут может быть серьезный разговор!

- Ладно, мы тебе завтра позвоним, жди! - И последовали короткие гудки.

Вика долго не могла уснуть, стала думать об этом нелепом предложении, вспоминать. Уже четыре года, как она в Москве, и восемь лет, как уехала из родного Хабаровска. Никакого служения сцене и искусству не получалось, Вика снова безработная.

Владивосток был первый город в крае, куда молодежь из провинции могла выйти в большую жизнь. Конкурс тридцать пять человек на место на актерский факультет Вика преодолела легко. После института она могла бы работать в краевом драматическом театре, но Вика хотела в Москву. Еще студенткой она подкапливала денег к каникулам и уезжала в столицу и в Ленинград смотреть театры, премьеры, чтобы быть в гуще и в курсе театральной жизни.

Еврейский музыкальный театр, который находился в Москве, относился к дальневосточному управлению Министерства культуры, и Вика могла попробовать поступить в него. Приехала, показалась, ее взяли. Но ролей не было. Театр был выездным, только-только в то время начали выпускать творческие коллективы за рубеж. Часть труппы выезжала регулярно, другая постоянно оставалась дома. Вика, конечно, принадлежала к той, которая сидела в Москве. Денег не было, приходилось работать уборщицей и няней. В конце концов она поняла, что ловить тут нечего - кругом свои - и стала искать место в провинциальных театрах. Ей предложили Мурманск. Вика купила билет на поезд на ближайшую неделю и стала готовиться к отъезду. Оставался последний день ее пребывания в Москве, как вдруг звонит Ефим Давыдович Табачников. Как он нашел ее в Москве? Во Владивостоке он был главным режиссером драмтеатра, а в институте, где Вика училась, вел параллельный курс, и она со студентами посещала его занятия. Но она не знала, что Табачников москвич, что у него квартира на улице Щепкина. Он был для нее своим, земляком, и она очень обрадовалась его звонку.

- Сдай билет, и поехали в Иваново. У меня нет героини, будешь работать со мной, - таков был окончательный вывод главного режиссера, после того как Вика рассказала ему о своих мытарствах.

Вика мигом съездила на вокзал, сдала билет на Мурманск и поехала с Табачниковым в Иваново. Наконец-то все складывается как надо. Она будет работать в театре под

руководством замечательного режиссера, и он дал ей главную роль в пьесе Леонова "Метель".

Но Ефим Давыдович, поставив спектакль, уехал, и Вику из театра сразу выгнали. Другой режиссер, оставшийся работать после Табачникова, окружил себя своими людьми. В труппе было восемь актеров из Москвы, всех взяли без просмотра, одну лишь Вику смотрел худсовет.

В новом театральном сезоне Вика опять оказалась без работы. В Иваново она особенно остро ощутила, что ситуация у нее трагическая. Она впала в отчаяние. Никому-то она не нужна. Родители далеко, педагоги, которые любили ее и желали ей только добра, теперь ничем не смогли бы ей помочь.

В начале лета Вика возвращается в Москву. Жить негде и не на что, прописки нет, перспектив никаких. Впервые за эти годы Вика всерьез подумала о том, что, видимо, нужно вернуться домой. Но в Москве она была не совсем одна. Еще в институте Вика сблизилась с красивым молодым человеком по имени Герман. Вместе они приехали и Москву покорять. У Германа так же не ладилось, как и у Вики, но он все же чаще получал работу в разных театрах. В Москве, столкнувшись с первыми трудностями, они вскоре поняли, что вряд ли им будет так же хорошо, как было во Владивостоке во времена беззаботного студенчества, но все же прожили друг с другом четыре года.

Они были, как два зверька, которым необходимо было выжить и не погибнуть, поэтому держались друг друга, заботились друг о друге как могли - все-таки земляки.

Но сейчас у нее уже и Германа не было. Он таки сделал себе прописку и получил работу в каком-то новом театре. Тогда, в конце восьмидесятых, каждый сезон возникало множество молодежных театров. Они потом так же благополучно и исчезали в небытии. Вика и Герман расстались без слез и скандала, пожелав друг другу удачи.

"Крутой" менеджер

Весь следующий день Вика не могла отойти от телефона. Обещанного звонка все не было. Она понимала, что, может быть, и вовсе не позвонят, но ей так нужна была работа, что вопреки всякому здравому смыслу она продолжала напряженно ждать. Звонок раздался только в десять вечера. В трубке звучал уже другой, незнакомый Вике, нагловатый голос.

- Мы с тобой одного возраста, поэтому разговаривать будем "на ты".

Это и был тот самый "крутой" менеджер. Он предложил Вике немедленно приехать к нему. Соседи по коммуналке, где Вика снимала комнату, наскребли ей пять рублей на такси. Ехать нужно было в Чертаново, а Вика жила на Лесной, возле Белорусского вокзала. Выпал первый снег и подморозило. Улица Горького была пустынна. Редкие машины почти не останавливались, и никто не хотел везти Вику за пять рублей. В этот час уже действовал двойной тариф. Наконец подкатила темно-синяя "восьмерка", и Вика села в машину. За рулем был веселый молодой человек, который сразу завязал с ней непринужденный разговор. И тут только Вика увидела, что водитель-то в дым пьяный.

- Слушай,- сказала ему Вика,- я еду к одному очень известному менеджеру. Он сказал, что сделает из меня звезду. Ты должен меня обязательно довезти.

Тот в ответ как заржет. Машина начала выделывать такие кренделя на скользкой мостовой, что Вика пожалела, что связалась с этим типом. Однако доехали они благополучно. Дверь перед Викой распахнулась немедленно, как только она нажала кнопку звонка, и Вика обомлела. Перед ней стоял Он.

Как стать звездой

Летом, когда она вернулась из Иваново, ей все-таки удалось получить временную работу. В молодежном музыкальном театре, который собрали гитисовцы, не было солистки. Театр был создан всего на один сезон, но Вика все равно уцепилась за эту возможность. Во-первых, интересно было петь. А потом, сидеть голодной в Москве или уехать на Черное море и заработать хоть сколько-то денег - разве тут будешь долго размышлять? Директор театра оказался сущим упырем. Он взял Вику, но только с одним условием: она будет еще работать бесплатно костюмером. Театр разъезжал от Сочи до Ялты все лето, играл два

спектакля: утром детский, вечером взрослый. Вика моря не видела. Целыми днями она чистила и утюжила мятые, пропахшие потом костюмы, начесывала парики. А вечером выходила на сцену и играла главную роль. И, несмотря на то, что актерский опыт у нее был совсем невелик, она всякий раз срывала аплодисменты зала, и цветы дарили только ей. Это вдохновляло на другой день с утра снова утюжить костюмы и начесывать парики. Платили Вике очень мало, по ставке стажера.

Артисты развлекались в перерывах между спектаклями, загорали, купались - Вика все стояла у стола с утюгом. Она все время слышала, как ребята говорили о каком-то Вадиме Цыганове. Вот, мол, приедет Цыганов, будут шашлыки с пивом, будет все. Цыганов, Цыганов - только и раздавалось со всех сторон. И он, видимо, и вправду, приехал, потому что речь уже шла конкретно о шашлыках. Но Вика не была ни на пляже, ни на шашлыках. После спектакля валилась как подкошенная спать, а утром ее ждала новая гора костюмов и париков. Вике все уши прожужжали этим Цыгановым, а однажды они пришли компанией с пляжа и не глядя побросали свои мокрые полотенца на свежевыглаженные костюмы. Когда Вика увидела это, готова была их всех в клочья разорвать, но не было времени найти Цыганова.

Однажды вечером ей захотелось хоть чуть-чуть посидеть в компании, отдохнуть от этой чертовой работы. Она подошла к костру, возле которого сидели и пили пиво все актеры.

- Можно мне пива? - преодолевая усталость, совершенно мертвым голосом спросила она.

Вадим, пододвинувшись, усадил ее рядом и налил в бумажный стаканчик холодного пива. Пена хлынула через край. Вика с удовольствием выпила и попросила еще. В дыму костра она не разглядела его толком, но осталось впечатление от его черных-черных глаз.

И вот теперь он стоял перед ней. С трудом скрывая свое изумление, Вика шагнула через порог. Свидание их затянулось до рассвета, но они все равно не успели переговорить обо всем. Договорились только о главном: работать будут вместе. Вадим писал стихи. Он искал исполнительницу своих будущих песен. Вика спела ему несколько народных песен - ему понравилось. Он прочел ей свои стихи - они ей тоже очень понравились. В эту ночь они много выпили и выложили друг другу все о себе. Вика рассказала о своих неудачах, о разрыве с Германом. Вадим поделился с ней своей душевной драмой. От него ушла любимая, с которой он был десять лет, еще со школы. Они вместе приехали из Волгодонска поступать в ГИТИС. Но Вадим поступил, а она нет. Он устроил ее на курсы, помогал найти свое место в жизни, но девушка в конце концов все бросила и уехала.

Несмотря на то, что они плакались друг другу на жизнь, на самом деле, они были очень довольны встречей. На другой день Вика поняла уже, что Вадим - ее судьба.

В пять утра Вадим достал из шкафа накрахмаленные белоснежные простыни и заботливо постелил Вике постель, а сам лег на полу. Никаких намеков он ей не делал и не строил позу по поводу того, что у него всего один диван, а их двое. Вику это подкупило. Она почувствовала, что Вадиму можно доверять, что он надежный и честный. Утром она проснулась свежей и счастливой, готовой встретить новую жизнь.

Накануне, проездом в дом отдыха, была мама. Тогда у Вики было ужасное настроение. Она думала, что, когда мама будет возвращаться обратно, Вика уедет с ней домой, что ей придется признаться и в разрыве с Германом, и в своем поражении. И вот прошло всего десять дней, мама возвратилась из дома отдыха, а у Вики уже поменялась вся жизнь. Она познакомила маму с Вадимом, и та сразу все поняла и приняла. Она даже не спросила дочь, откуда взялся этот парень и куда делся Герман. Так закончился 1987 год, год Кота, в который родились они оба: Вадим и Вика.

Летом Вика повезла мужа в Хабаровск. Когда они подходили к Викиному дому, он спустя годы показался таким маленьким. У крыльца на лавочке под кустом сирени сидел дед Вики.

- Дедушка, это Вадим! - вместо "здравствуй" сказала, улыбаясь, Вика.

Восьмидесятипятилетний дед с серебристой окладистой бородой и орлиным носом

поднялся во весь свой большой рост, сделал шаг навстречу гостям, и Вадим очутился в его крепких сибирских объятиях.

В поисках счастья

Вообще-то Вика, когда была девчонкой, не думала, что станет известной певицей. Она хотела быть матерью-героиней, как бабушка, у которой было восемь детей.

Успех к Вике пришел внезапно. То, чего другие добиваются годами, она получила сразу. И славу, и популярность, и материальную независимость. Вика Цыганова стала звездой, как обещал ей Вадим. Без спонсоров и продюсеров эти двое молодых людей добились всего сами. Вика внутренне была неготова к такому ошеломляющему успеху, но все-таки сумела устоять и не заболеть "звездной" болезнью. Вадим любит все, что связано с Викой: ее имя, ее голос, их дом, который Вика с таким вкусом обставила, даже всех четырех кошек, которые живут в доме, потому что Вика их очень любит. Вика знает, что все, что он делает в жизни, он делает это для нее.

У них не было бурного романа. Со стороны Вики это был, может быть, и компромисс, но Вадим очень интересный человек, и ей до сих пор, спустя уже пятнадцать лет, с ним интересно. Вика считает, что брак только тогда будет прочным, когда партнеры интересны друг другу.

Свадьбы у них, как положено, тоже не было. Подпоив заведующую шампанским, они расписались в одночасье в грибоедовском дворце, а девять лет назад скрепили свой союз венчанием. Их знакомство, минуя пору романтических отношений, сразу переросло в сотрудничество. Некогда было ухаживать, надо было работать, становиться на ноги. И работать пришлось очень много. Вадим в деле требовательный к себе и ко всем, может быть, даже жесткий. "Я с тобой живу, значит, я уже тебя хвалю!" - вот и все нежности.

Но ведь если бы он ее жалел, звезды из нее могло бы и не получиться. Мир шоу-бизнеса очень непростой, и надо было найти и занять в нем свое место. Во всех концертах, на всех гастролях Вадим всегда сопровождал жену. Обычно он выходил на сцену первым и располагал зал одной лишь фразой: "Я дальний родственник Вики Цыгановой, я ее муж". А сейчас у Вики появилась потребность взять паузу и помолчать. Просто, был момент, когда она превратила работу в пахоту, очень много гастролировала, а Вадим все давил на нее, давил, а выдавливать было уже нечего. И Вика поняла: надо отвлечься, заняться чем-то другим. Не нужно подгонять жизнь, ее время еще придет.

Но стать просто домашней женщиной не так легко, ведь они с Вадимом в одной упряжке; дело, которое они вместе вели, не поделишь ни пополам, ни как-то иначе. И пошли у них раздоры и ссоры два года назад, начались придирки друг к другу. Вика не выдержала однажды и ушла из дома... к Герману.

Подруга одобрила ее порыв:

- Наконец-то ты поняла, с каким монстром живешь!

Герман так и не женился, не стал актером. Когда он узнал, что Вика вышла замуж, огорчился, но признался ей, что если бы обладал таким же сильным характером, как у Вадима, то ни за что бы ее не отпустил от себя. Они сохранили добрые отношения, и каждый год поздравляли друг друга с днем рождения. Однажды на очередной Викин день рождения Герман приехал к ним в гости. Вадим после сказал: "А он очень даже неплохой парень". - "А почему у меня должны были быть плохие?" - рассмеялась Вика.

Выслушав искренний Викин рассказ о ее жизни, Герман дал ей неожиданный совет:

- Вика, возвращаясь к мужу, у вас все будет хорошо. Вы не случайно встретились в этой жизни, не зазря.

У нее с мужем действительно все хорошо. Просто им обоим нужно накопить сил, чтобы сделать шаг к новой вершине творчества. Они и так сделали немало. Вика имеет массу наград, которыми может похвастаться не всякая звезда. У нее нагрудный знак за участие в боевых действиях в Чечне она дважды подряд туда летала, медаль "За боевое содружество", она заслуженный шахтер, почетный железнодорожник, металлург и можно еще перечислять и перечислять. Большой дом Цыгановых полон народу все время, вот сестра с мужем и

детьми приехала. Вика нежно целует ладошки маленькой племянницы. Как только Вика поднялась на ноги, перевезла к себе поближе родителей. Сестре Вика купила в Подмоскowie квартиру.

Она всегда говорила себе: помни, откуда ты, помни об истоках. Как была она капитанская дочка - папа в чине капитана вышел на пенсию,- такой и осталась.

Заходящее солнце разливается янтарным светом по всей кухне. За окном - зеленый луг. Кот ловит птиц, кувыркаясь в траве. Вика стоит у окна, освещенная солнцем, в простом домашнем платье, в бигуди - через два часа ей ехать на концерт.

АЛЛА ЧЕБОТАРЕВА: ПОВЕНЧАННАЯ С ТАНГО

Алла и Вернер сидели на балконе, с которого открывался живописный вид окрестностей курортного городка Хайдельберг на берегу притока Рейна. Теплый июньский вечер клонился к ночи, и легкие сумерки окутывали горы. В высоких бокалах на столике мерцало красное вино, но они почти не пили и молчали. Все переговорено было еще накануне, и Вернер знал, что Алла приняла решение, от которого не отступит. Завтра утром она улетает в Англию.

Хочу стать звездой

Отец Аллы после войны работал в Заполярье. Он был летчиком и очень любил свою профессию, но когда родился второй ребенок - дочь, семья переехала в Москву. Девочка росла слабенькой и часто болела. Ей то и дело приходилось лежать в постели с высокой температурой. Как нередко бывает с болезненными детьми, Алла росла одаренной. Она рисовала, у нее был абсолютный слух, и ее зачислили в музыкальную школу по классу вокала при консерватории. Ей легко давались иностранные языки. Алла мечтала стать модельером и изобретала всевозможные наряды для своих кукол, а потом сама же их и шила. Когда она начала взрослеть, врачи сказали, что ей необходима какая-то физическая нагрузка, иначе здоровье ее станет неуклонно ухудшаться. Но вместе с тем большие физические нагрузки, такие как плавание, теннис или фигурное катание, были ей противопоказаны. Старший брат Володя занимался танцами и однажды предложил сестре пойти с ним вместе посмотреть. Вдруг ей это понравится? Это оказался тот шанс, который определил в дальнейшем всю ее судьбу.

Костюмы, красота этого зрелища так пленили Аллу, что она оставила занятия вокалом и рисованием, к великому сожалению педагогов. Танцы стали главным делом ее жизни. Алла занималась очень много. Поначалу ей было трудно, но выручала природная одаренность и, кроме того, необычайное упорство и желание сделаться лучшей из лучших. То, что другим детям, таким же способным, как и она, но здоровым и вследствие этого немного ленивым, давалось легко, ей приходилось завоевывать. А поскольку полдетства она провела на больничной койке, то понимала, что ей нужно делать из себя человека самой. И очень скоро Алла стала показывать высокие результаты, все время опережая своих соперников на один-два балла. От турнира к турниру она повышала уровень танца и, в результате - двукратная чемпионка Советского Союза и четырнадцатикратная чемпионка России по бальным танцам, которые в последние несколько лет стали называться спортивными. Ее карьера уникальна - она танцевала двадцать пять лет, имея уже за спиной не одно поколение талантливых учеников, которые были не препятствием ее карьере, а, наоборот, стимулом для повышения мастерства.

В те годы бальные танцы как спорт и вид искусства были в совершеннейшем загоне. Все это называлось "народное творчество" и камуфлировалось под художественную самодеятельность. Но как только проводился очередной фестиваль народного творчества, так пара Алла и Петр Чеботаревы неизменно становились лауреатами.

Выбор

Когда Петр увидел Аллу впервые, он сразу почувствовал к ней симпатию, а Алле казалось, что она такая неинтересная с длинной косой, в белой кофточке с черной юбочкой, против красивого и стройного, а главное взрослого Петра. Он был старше Аллы на четыре года и был студентом, а ей недавно исполнилось пятнадцать. Брат привел ее в студию не

только из желания увлечь танцами, он имел еще одну цель. Ему давно нравилась партнерша Петра, и он мечтал встать с ней в пару. Вот и привел сестру в надежде, что она понравится Петру. Так и случилось. Как только Петр и Алла оказались в паре - все сразу поняли, что это надолго, уж очень гармоничная получилась пара. Алла, конечно, сразу без памяти влюбилась в своего партнера, но не ступала при первом выступлении в Доме пионеров на глазах у родителей и знакомых, хотя и не знала еще твердо некоторых шагов. Конечно, они стали встречаться. Петр подготовил Аллу в историко-архивный институт, где учился сам, а когда ей стукнуло восемнадцать, они поженились. Свадьба была необычная, гости танцевали сплошь бальные танцы - танго, фокстрот, ча-ча-ча. На Алле было платье из гофрированного жоржета. Каскад оборок на юбке спускался до самого пола. Потом идею этого платья Алла неоднократно обыграла в своих танцевальных костюмах. Вот где был простор ее воображению - теперь она не куклам, а самой себе создавала туалеты. Но свадебное платье сшила ей бабушка - профессиональная швея.

В семье Петра танцевала и младшая сестра Оля, и родители молодоженов объединились вокруг детей, вокруг их интересов. Обязанности распределились сами собой. Аллина мама и бабушка взяли на себя весь быт, а отец Петра, генерал-майор Чеботарев Владимир Петрович, все свое влияние употреблял на то, чтобы пробивать в министерстве разрешение на проведение конкурсов, добиваться отсрочки от армии для мальчиков, занимающихся танцами профессионально. Родители обоих спонсировали и деньгами для участия в соревнованиях. Петр и Алла в их лице обрели крепкий тыл и могли полностью посвятить себя призванию. Когда в прошлом году генерала Чеботарева не стало, вся танцевальная общественность пришла проститься с ним. Он как никто много сделал для того, чтобы жанр выжил и встал на ноги, и, если было нужно, шел в любой кабинет и доказывал чиновникам, как важно, чтобы этот жанр был в стране. А жанр продолжали зажимать. Такие буржуазные танцы, как танго или латиноамериканские, никогда не показывались в официальных концертах. Пожалуйста, исполняйте "сударушку" или "фигурный" вальс; как премию иногда разрешали медленный фокстрот. Петр и Алла Чеботаревы уже были любимцами публики, они нередко выступали как солисты Москонцерта во Дворце съездов, в концертном зале "Россия", участвуя в больших праздничных концертах, посвященных Октябрьской революции и другим советским праздникам. Поскольку к жанру было подозрительное отношение, как к чему-то чуждому, то запрет распространялся и на костюм. По мнению чиновников, не нужны были советскому рабочему фрак, а колхознице - бальное платье, поэтому запрещалось оголяться, и юбка у солистки должна была быть не выше, чем сорок пять сантиметров от пола, как в классическом балете. Однажды на фестивале Алла вышла в платье с вырезом на животе - тут же было приказано немедленно зашить разрез.

Но те, кто фанатично был предан танцу, не дал ему умереть ни тогда, ни после. Островки этой культуры существовали все время. Например, в студенческом лагере Московского энергетического института на берегу Черного моря под Алуштой. Руководство института было прогрессивным настолько, чтобы смотреть сквозь пальцы, как веселится молодежь, отрываясь в рок-н-ролле и распевая под гитару авторские песни. Все молодые люди, которые шли тогда по своим убеждениям вразрез с официальной идеологией, собирались в этом палаточном лагере: Александр Градский, Слава Полунин, Андрей Макаревич, а Петр и Алла Чеботаревы учили студентов танцевать румбу, ча-ча-ча и танго. К концу лета весь лагерь танцевал. Не имея под рукой никаких методических материалов и возможности учиться за рубежом, танцоры учились друг и друга. Ездили на фестивали в Прибалтику, куда приезжали известные танцевальные пары из Европы, и на механические камеры тайком снимали отдельные фигуры танца, чтобы потом дома разучить. Алла и Петр рано начали преподавать. Они нашли в одной из московских школ такого же одержимого, как они, директора, который дал актовый зал для занятий с учениками и оформил их преподавателями продленного дня. И у них танцевали дети не только этой школы, но приезжали и из других районов Москвы.

Клуб "726" в этом году будет отмечать свое двадцатипятилетие. Семья Аллы сплотилась вокруг этого клуба и принимала непосредственное участие в его развитии: мама и бабушка стали работать там, взяв на себя всю организационную часть. Из этого клуба потом вышли лучшие танцевальные пары России, такие как Александр Мельников и Ирина Соломатина, Виктор Никовский и Лариса Давыдова. Их лучшие ученики стали открывать следом свои танцевальные клубы в других московских школах. В 1985 году Алла, желая повысить свое профессиональное мастерство, идет учиться в ГИТИС на балетмейстера и занимается у таких знаменитостей, как Ростислав Захаров, Екатерина Максимова, Владимир Васильев.

В 90-м году Министерство культуры решило организовать командную встречу между двумя ведущими танцевальными клубами - немецким "Блау Голд" и клубом "726". Пять лучших пар из Германии привез в Москву Вернер Браун. "Наши" им проигрывают, но, несмотря на это, зарубежных гостей поражает профессиональная подготовка российских танцоров. Где и как они могли освоить танцы, которые никогда не преподавались и не пропагандировались в Советском Союзе? Алла и Петр настолько покорили Брауна, что он сказал:

- Я готов пойти на любые расходы, чтобы помочь таким талантливым людям, как вы, учиться на границей.

И он делает им предложение ехать в Германию. Как ни заманчиво было это предложение, Петр, все обдумав, отказался. Он хотел бы теперь всего себя посвятить преподаванию. Алла же, наоборот, хотела продолжать танцевать. Хотя ей было тридцать три года, она чувствовала, что свой потенциал раскрыла еще не полностью. Петр ее уговаривал остаться, приводил доводы и аргументы, просил не уезжать. Алла приводить в ответ свои веские доводы. Ситуация становится безвыходной. И Алла поняла: если она хочет двигаться дальше и подняться на следующую ступень, ей придется пожертвовать семейным счастьем. И супруги, прожив тринадцать лет, любя друг друга, принимают решение расстаться...

Искушение

Вернер Браун явился для Аллы самым настоящим искушением. Он неспроста предложил свою бескорыстную помощь. Как только он увидел ее в танце, он ее полюбил. Он был старше Аллы почти на тридцать лет, имел взрослого сына, а жену и дочь потерял в течение последних двух лет, и он был готов положить к ее ногам весь мир. Богатый, щедрый, по стариковски красивый, элегантный, он поначалу никак не мог понять, почему Алла не хочет принять его предложение и выйти за него. Любая здравомыслящая немка оценила бы его по достоинству, если бы он предложил ей обеспеченную жизнь, большой дом, путешествия, наряды и драгоценности.

- Мир - это не только танец,- убеждал он Аллу,- мир гораздо больше и он прекрасен. Я хочу тебе его подарить.

Алла не сомневалась, что мир огромен и прекрасен, но она еще знала, что именно в этом мире существует нечто более прекрасное - это танец. С чем может сравниться тот восторг, когда, закончив танец, делаешь поклон, а затем поднимаешь глаза на трибуны и видишь, что все четыре тысячи человек как один встали, аплодируя тебе! И Вернер вынужден был отступить перед ее фанатизмом. Ему ли было ее не понять - ведь он сам в прошлом был танцором, чемпионом многих международных конкурсов.

Алла приехала в Германию с новым партнером - Геннадием Гунько из Каунаса. Он был кумиром всех поклонников бальных танцев. Геннадий уже десять лет мечтал, чтобы Алла Чеботарева стала его партнершей, и вдруг мечта его сбылась. Жена Ольга идет на компромисс и дает разрешение Геннадию ехать учиться и выступать в Европе.

Именно с Геннадием Алла завоевывает все свои основные титулы. Участвуя в международных турнирах, они шесть раз подряд берут третье место на чемпионате мира, что для российских танцоров, оторванных от мировой танцевальной культуры, является очень высоким результатом, учитывая, что в прошлом советские танцоры не поднимались выше двадцатой ступени. Вернер спонсирует их учебу. Алла и Геннадий имеют возможность брать

уроки у лучших педагогов не только в Германии, но и в Англии по европейской программе, и в Норвегии, тренируясь у знаменитого Эспена Салберга, прославленного хореографа, летая туда раз в месяц. И за какие-то два-три года они стали входить в финалы крупнейших чемпионатов мира по 10-ти танцам и в финалы кубков мира по европейской программе и латиноамериканским танцам. Наибольших высот они достигают в программе секвей - это попури различных танцев, объединенных в общую идею, что-то наподобие произвольной программы у фигуристов. И все-таки выбор Аллы уехать с новым партнером был шагом в неизвестность. Она сильно рисковала и полагалась в основном на интуицию, зная, что Геннадий Гунько очень талантлив. Но никто не мог на самом деле сказать, как сложится их танцевальная карьера, а в деле оказалось, что они понимают друг друга с полуслова.

Ностальгия

Пробыв три с половиной года в Германии, Алла и Геннадий принимают решение специализироваться по европейской программе и для этого переехать в Лондон. Вернер с чистым сердцем благословил их отъезд, подарив им один из своих автомобилей. Они снимают в Лондоне недорогой двухэтажный дом в районе, где живут их педагоги, учатся и работают. Так проходит еще три года.

За семь лет, с 1990 по 1997 год, что они отсутствовали в России, они не порывали отношения со своими учениками и коллегами. Неоднократно Алла с Геннадием прилетали в Россию и помогали всем, чем могли. Привозили методическую литературу, кассеты с видеозаписями танцев, даже мультивитамины для учеников, ведь в России в те годы не то что витаминов вареной колбасы не стало. Но что удивительно, Алла видела, что жанр, несмотря ни на какие трудности, несмотря на то, что не было ниоткуда помощи и спонсоров, выживал. Люди, преданные делу танца, продавали личное добро, машины и вкладывали деньги в учеников, в проведение танцевальных турниров. Алла старалась, чтобы лучшие, перспективные пары могли участвовать и в международных турнирах, и все время присылала приглашения в Германию не только своим ученикам, но и другим талантливым парам, в том числе и ученикам Петра Чеботарева, с которым они теперь стали конкурентами. Не раз приезжал и сам Петр принимать участие в судействе, приезжала и жена Геннадия Ольга, которая в Литве возглавляет сейчас Ассоциацию педагогов бальных танцев. Вернер сам ходил в посольство хлопотать о визах. В конце концов, по большому счету все, они не соперники, потому что работали все на одну идею, чтобы жанр жил в России и развивался. Алла видела, что те из танцоров, которые в начале перестройки эмигрировали в Европу, процветали. Их искусство там ценили, сознавая, что русские несут в себе огромный пласт культуры. Но они, эти эмигранты, работали на чужую страну, а Алла знала, что она живет вдали от Родины не для себя, а для России; что там, дома, она нужна и что она никогда не сможет жить в другой стране. И все эти годы, несмотря на насыщенную и интересную жизнь, ее мучает ностальгия. Особенно это ощущалось в Германии, где жизнь людей разлинована по жесткому порядку, как тетрадка в клеточку. Алле, когда она преподавала танец способным немецким детям, очень нелегко было объяснить им, что такое полет души, вдохновение, свобода. В свободной Германии этих понятий не существует. С другой стороны, было удивительным, что немецкие педагоги очень любили русский балет, мечтали съездить в Россию и попасть в Большой театр. Дома у них на книжных полках стояли брошюры о Нижинском, Стравинском, Плисецкой, по которым они сами учились.

В 1997 году Алла возвращается в Россию. Они с Геннадием открывают в Москве танцевальный центр "Форум" и набирают в ГИТИСе собственный курс педагогов-хореографов бального танца. Их ученики теперь выступают по всему миру. На их счету несколько бронзовых и серебряных медалей в чемпионатах мира среди юниоров и молодежи. Уже четыре года подряд Алла Чеботарева и Геннадий Гунько проводят свой крупный международный турнир бальных танцев и шоу лучших танцевальных пар "Рождество" в Центре международной торговли.

А Вернер стал учить русский язык. Он продолжает сотрудничать с Аллой и Геннадием и любит приезжать в гости в Аллиным родителям, где его угощают любившимся ему

украинским борщом и русскими пельменями. Аллины родители, в свою очередь, гостят у него. Когда он перенес операцию на сердце, Лидия Владимировна и Олег Васильевич находились рядом с ним. Впрочем, в январе Вернер женился. Петр тоже устроил свою личную жизнь, а жизнь Аллы полностью и без остатка заполняет ее любимое дело. Учредив Международную академию танцевального искусства, она хочет придать бальному танцу то значение, которое у него есть во всем мире. Вся Европа и Америка танцуют в свое удовольствие, а в России пока проводить свободное время в танцах не принято. Танцплощадки, существовавшие в советскую эпоху, совершенно не в счет, потому что не имеют ничего общего с тем, как на самом деле развита эта культура за рубежом, где люди всех возрастов ходят в танцевальные залы. Там рок-н-ролл лихо танцуют даже семидесятилетние, а у нас едва ли найдется в толпе несколько человек, умеющих правильно вальсировать. Многолетний запрет на все "буржуазное" сыграл свою роль.

...На днях Алле позвонил Сергей, старинный друг, когда-то учившийся вместе с ней в историко-архивном институте. Он с тех незапамятных времен влюблен в нее и думает ненароком: вдруг Алла оценит его постоянство? Ведь прошло уже двадцать пять лет с тех пор, а он ведь все еще не женат...